

ЧУЖОЙ РЕЗОНАНС

Том II. Чужой голос

Владимир Снигур

Чужой голос

<https://litres.ru/74382684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Второй том цикла: Чужой резонанс .

Он умер по-русски: на гололёде, с кефиром в одной руке и телефоном в другой.

А очнулся в теле тощего пятнадцатилетнего парня в деревне Черноречье — месте, где даже воздух кажется пропитанным усталостью и сыростью. Никаких голосов с небес, никаких «ты избранный». Только чужое слабое тело, голод, холод и вибрация глубоко в груди, которая отзывается на опасность странным холодным светом.

Вчерашний хозяин этого тела оставил после себя только долг. И человек, который придёт за этим долгом уже завтра.

Алексею Морозову снова пятнадцать. Только теперь вместо серверов и начальников у него лес, который забирает людей, деревня, которая смотрит сквозь него, и сила, которую он пока почти не контролирует.

Чужая жизнь. Медленно. Жёстко. Без права на ошибку.

Содержание

Глава 1. Право голоса	5
Глава 2. Тот, кто назвался Кириллом	32
Глава 3. Проверка подлинности	57
Глава 4. Цена нового ядра	88
Глава 5. Девятый носитель	138
Глава 6. Украденная карта	161
Глава 7. Суд Совета	200
Глава 8. Северная дорога	244
Конец ознакомительного фрагмента.	274

Владимир Снигур

Чужой голос

Название: Чужой голос

Глава 1. Право голоса

Глава 1. Право голоса

Боль пришла не волной.

Она пришла приказом.

Чужая воля вцепилась в занозу внутри Алексея и рванула её на себя так резко, будто пыталась выдернуть из тела раскалённый крюк вместе с рёбрами, сердцем и всем, к чему он успел прирасти.

Мир побелел.

Главный зал резиденции исчез за плотной завесой боли. Каменные стены, высокие окна, лица людей, выставленное вперёд оружие — всё разом отступило, превратившись в далёкие, почти несуществующие пятна. Остались только чужие голоса.

Десятки.

Сотни.

Они накладывались друг на друга, кричали, плакали, смеялись и молили о помощи. Одни требовали вернуть то, что принадлежало им. Другие просили не отдавать. Третьи просто повторяли неизвестные имена, каждое из которых отзывалось внутри Алексея коротким холодным уколом.

Нет.

Не им.

Ему.

Сбежавшему фрагменту Наблюдателя.

Алексей согнулся пополам, но не выпустил руку Миры. Её пальцы впились в его ладонь почти до крови, и эта простая, понятная физическая боль оказалась единственным настоящим ощущением во всём происходящем.

— Алексей! — донёсся её голос будто с другого конца длинного тоннеля. — Смотри на меня!

Он попытался.

Вместо лица Миры увидел множество других.

Мужчина с обожжённой половиной головы.

Седая женщина с выколотыми глазами.

Совсем маленькая девочка, беззвучно открывающая рот.

Стражник у ворот резиденции, который ещё несколько минут назад пытался остановить фрагмент, а теперь неподвижно стоял где-то в коридоре, лишённый собственного голоса.

Лица сменяли друг друга так быстро, что Алексей перестал понимать, какие из них существуют на самом деле, а какие были лишь чужими воспоминаниями, проташенными через резонанс.

«Не отпускаяй связь с Мирой», — прорезался сквозь хор голос Нейтралиса.

На этот раз он тоже звучал искажённо, будто доносился через потрескивающий динамик старой рации.

— Стараюсь, — прохрипел Алексей вслух. — Но техническая поддержка могла бы предложить что-нибудь полезнее

совета «держитесь».

«Я работаю над этим».

— Очень надеюсь. Иначе оценку поставлю плохую.

Фигура в плаще из переплетающихся теней остановилась напротив него. Под капюшоном продолжали проступать и исчезать человеческие лица. Некоторые Алексей уже видел в зале Третьего узла. Другие были новыми.

Три из них принадлежали лишившимся голоса стражникам.

Они ещё были живы.

Фрагмент не поглотил их полностью. Только вырвал небольшие части, необходимые, чтобы укрепить собственную форму. Использовал человеческие личности как строительный материал, не особенно заботясь о том, что станет с остатками.

— Ты сопротивляешься, — произнесло существо.

Голос шёл сразу отовсюду: из-под потолка, из стен, из груди Алексея и даже из плотно сжатых губ одного из стоявших у дальней двери бойцов.

— У меня сложные отношения с требованиями вернуть чужую собственность, — выдавил Алексей. — Особенно когда собственностью почему-то считают кусок меня.

Тёмные нити руки существа натянулись.

Боль усилилась.

Алексей не удержался и опустился на одно колено. Из носа на каменный пол упала первая тяжёлая капля крови.

— Она не твоя, — сказало существо.

— Уже спорный вопрос.

— Она была создана из меня.

— Людей тоже создают родители. Это не значит, что можно прийти через двадцать лет и потребовать обратно почку на том основании, что материал семейный.

На короткое мгновение многоголосый хор сбился.

Существо явно не поняло сравнения.

«Ты сейчас действительно пытаешься запутать древнюю сущность спором о праве собственности?» — спросил Нейтралис.

— Если она остановится хотя бы на секунду, чтобы осмыслить аналогию, значит, план работает.

«Удивительно, но она действительно остановилась».

— Вот видишь. Никогда не недооценивай силу бюрократического абсурда.

— Ты прячешь страх за бессмысленными словами, — произнёс фрагмент.

— А ты прячешь отсутствие личности за украденными голосами. У каждого свои недостатки.

На этот раз существо поняло.

Тьма вокруг него вздрогнула. Несколько светильников на стенах одновременно погасли, и зал наполовину провалился в сумрак.

Синтара не стала ждать продолжения разговора.

— Кресс! Первый контур! По моей метке!

Молодой зритель вскинул резервный резонатор. Его руки заметно дрожали, но движения оставались точными. Три металлические дуги на корпусе артефакта разошлись в стороны, между ними вспыхнул тусклый серебристый свет.

Хирс и двое бойцов Совета одновременно ударили ладонями по заранее намеченным точкам на полу.

По каменным плитам побежали тонкие линии.

Они образовали незамкнутый круг вокруг фрагмента.

Существо повернуло голову к Крессу.

На поверхности его капюшона проступило лицо молодого зрителя — бледное, испуганное, с чёрными провалами вместо глаз.

Кресс вздрогнул.

Свет резонатора просел.

— Не смотри ему в лицо! — рявкнул Ирвель. — Смотри на метки!

— Я знаю!

— Тогда делай!

Кресс стиснул зубы и опустил взгляд на артефакт.

Серебряные линии снова вспыхнули.

Фрагмент поднял свободную руку, и один из бойцов Синтары вдруг захрипел. Его рот открылся, но вместо крика оттуда вырвалась тонкая чёрная нить. Она потянулась к существу, дрожа, словно живая.

Синтара одним движением разрубила нить коротким клинком.

Воздух звякнул.

Боец рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух.

— Не давайте ему устанавливать связь! — приказала Син-тара. — Любой зрительный контакт дольше двух секунд раз-рывать немедленно!

— Полезная инструкция, — прохрипел Алексей. — Жаль, что мой контакт уже встроен в базовую комплектацию.

Мира опустилась рядом с ним, не выпуская его руки.

— Что происходит внутри?

— Он тянет занозу.

— Ты можешь её удержать?

— Пока да.

— Это не ответ.

— Тогда честно: понятия не имею.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

В её взгляде не было паники. Только страх — настоящий, глубокий — и твёрдое решение не отступить.

— Что тебе нужно?

Алексей хотел ответить привычной шуткой, но заноза внутри внезапно дёрнулась сама.

Не наружу.

Не к фрагменту.

В сторону Мира.

Тёплый импульс прошёл по его руке и отозвался в её паль-цах короткой сине-фиолетовой искрой.

Мира резко вдохнула, но ладонь не отняла.

— Ты почувствовала? — спросил Алексей.

— Да.

— На что похоже?

Она несколько секунд прислушивалась к себе.

— На голос, который ещё не знает слов.

Фрагмент Наблюдателя замер.

Все его лица разом повернулись к Мире.

— Не трогай её, — произнёс он.

Впервые в многослойном голосе прозвучало не превосходство.

Страх.

Совсем слабый, спрятанный под десятками украденных интонаций, но Алексей его слышал.

И заноза внутри тоже.

Она снова потянулась к Мире — осторожно, почти робко, будто проверяя, встретит ли сопротивление.

Мира сжала пальцы крепче.

— Она не хочет возвращаться к нему, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Просто чувствую.

«Я подтверждаю, — вмешался Нейтралис. — Структура занозы меняется. До этой минуты она реагировала на внешний фрагмент как отделённая часть на источник. Теперь в её рисунке появился новый устойчивый ориентир».

— Какой?

Последовала короткая пауза.

«Ты».

Алексей сглотнул.

— То есть она решила, что я теперь её хозяин?

«Нет. И именно это важно. Она, похоже, вообще не ищет хозяина».

Внутреннее пространство на мгновение стало прозрачным.

Алексей увидел свой резонанс так, как раньше видел лишь сеть узлов: множество тонких сине-фиолетовых линий, обвивающих чёрный металлический обломок; связь с Нейтралисом — ровную, светлую, направленную глубоко вниз; и занозу.

Прежде она выглядела тёмным острым осколком, вбитым в переплетение его силы.

Теперь осколок раскрылся.

По его поверхности расходились тонкие светлые трещины. Внутри пульсировало нечто маленькое и ещё бесформенное.

Не часть Наблюдателя.

Уже не совсем.

Росток.

Эмбрион.

Или процесс, который в прежней жизни Алексей назвал бы самопроизвольно запустившейся службой, успевшей переписать собственный код ещё до первого нормального запуска.

«Я провожу анализ», — сообщил Нейтралис.

Перед внутренним взглядом вспыхнули короткие строки. Не настоящие буквы, а понятные Алексею смысловые обозначения.

Состояние резонансного контура: критическая перегрузка.

Целостность носителя: 63%.

Чужеродный фрагмент: активен.

Синхронизация фрагмента с Наблюдателем: 28%... 24%... 19%.

Синхронизация фрагмента с носителем: 41%... 46%... 52%.

Формирование независимого ядра: начато.

— Вот теперь у меня официально завелось внутреннее приложение без лицензии, — пробормотал Алексей.

«Если тебе станет легче, процесс установки невозможно отменить».

— Огромное спасибо. Именно это я и хотел услышать.

Фрагмент снаружи снова рванул занозу к себе.

Светлые трещины на ней вспыхнули.

Алексей закричал.

На этот раз удержаться на одном колене не получилось. Он упал обеими ладонями на холодный пол, едва не вырвав руку из пальцев Миры. В груди словно что-то лопнуло. По коже от сердца к шее побежали тонкие чёрные линии.

— Алексей! — Мира обхватила его за плечи. — Смотри

на меня!

— Смотрю, — выдохнул он. — В перерывах между внутренними взрывами.

— Хватит шутить!

— Не могу. У меня других инструментов почти не осталось.

Она резко притянула его к себе, заставляя выпрямиться.

— Тогда используй меня.

Алексей замер.

— Очень двусмысленная формулировка для текущей ситуации.

— Я серьёзно. Нейтралис сказал, связь со мной помогает. Используй её. Всё, что нужно.

— Я не знаю, чем это закончится.

— А я знаю, чем закончится, если ничего не делать.

Фрагмент двинулся вперёд.

Серебряный круг Кресса сомкнулся вокруг его ног, но существо даже не остановилось. Тёмные нити плаща прошли сквозь свет, оставляя в нём рваные чёрные прорехи.

Кресс побледнел.

— Контур не держит!

— Увеличь частоту! — приказала Тесса, лихорадочно пробегая пальцем по строкам свитка. — Здесь сказано, что свежеотделившиеся фрагменты нестабильны на границе между тремя и пятью долями полного резонансного цикла!

— Я не знаю, сколько это!

— Я тоже! Тексту две тысячи лет!

— Отличная у нас команда, — выдохнул Алексей. — Один читает инструкцию, второй не понимает единиц измерения, третий служит приманкой. Классический аварийный запуск.

— Меньше болтай, больше чувствуй! — рявкнула Синтара.

Она шагнула навстречу существу и нанесла короткий рубящий удар. Клинок прошёл сквозь тёмный плащ, но на этот раз не совсем бесследно. По поверхности фрагмента пробежала серебряная рябь — остаточное влияние круга Кресса делало его чуть более материальным.

Хирс ударил с другой стороны.

На пол упало несколько чёрных нитей. Они извивались, как отрубленные черви, и быстро растаяли.

Фрагмент вскинул руку.

Синтару отбросило через половину зала. Она ударилась плечом о колонну, но почти сразу поднялась, тяжело дыша.

Хирс устоял, закрывшись клинком, зато оружие в его руках покрылось мелкими трещинами.

— Ещё раз! — крикнула Тесса Крессу. — Подними частоту выше!

— Насколько?

— Пока тени не начнут отставать от него!

Кресс стиснул корпус резонатора обеими руками.

Свет между дугами стал почти белым.

Фрагмент сделал ещё шаг — и его тень на полу действительно осталась позади.

Всего на пол-ладони.

Но этого хватило.

Нейтралис мгновенно понял принцип.

«Теперь. Его форма и резонанс разошлись по фазе. Если мы ударим по связи в этот момент, он не сможет одновременно удерживать внешнюю оболочку и тянуть занозу».

— А если ошибёмся?

«Тогда он войдёт через неё прямо в тебя».

— Как обычно. Либо победа, либо крайне неприятное соседство.

Алексей посмотрел на Миру.

— Мне придётся открыть занозу.

— Насколько?

— Полностью.

Она не отвела глаз.

— Что мне делать?

— Держать меня здесь. Напоминать, кто я.

На её лице мелькнула боль.

Они оба знали, что этот вопрос давно перестал быть простым.

Он потерял настоящее имя. Потерял улицу, на которой жил. Лица людей из прошлой жизни стирались по одному. Иногда Алексей не мог вспомнить, каким был его собственный голос до того, как проснулся в теле Рена.

Мира провела пальцами по его щеке.

— Ты тот человек, который умер с кефиром в руках и всё равно нашёл повод пошутить.

— Не самая героическая характеристика.

— Ты тот, кто мог убежать из Черноречья, но вернулся к лесу.

— Это скорее аргумент в пользу врождённой глупости.

— Ты тот, кто держал город, когда все остальные решили, что проще его сжечь.

Её голос дрогнул, но она продолжила:

— Ты тот, кто каждый раз отдавал часть себя, чтобы сохранить людей, которых едва знал. Тот, кто спорит с древними сущностями как с плохими подрядчиками. Тот, кто боится забыть себя сильнее, чем умереть. Ты Алексей. Ты Рен. Ты оба сразу. И ни одна тварь не имеет права решать за тебя, кем из них тебе остаться.

Что-то внутри откликнулось.

Не Нейтралис.

Не обломок.

Заноза.

Она впервые издала звук.

Тихий. Неоформленный. Похожий на первый вдох.

Фрагмент снаружи отшатнулся.

— Нет, — произнёс он.

Слово вырвалось сразу десятками голосов.

А затем из груди Алексея прозвучал ответ.

Совсем слабый.

Едва слышимый.

Но отчётливый.

— Нет.

Все в зале замерли.

Даже Синтара, уже готовившаяся снова атаковать, на мгновение застыла.

Алексей почувствовал, как по спине прошёл холод.

Он не произносил этого слова.

Нейтралис тоже.

Заноза внутри него вспыхнула сине-фиолетовым светом и снова сказала:

— Моё.

Голос был странным. Молодым и старым одновременно. В нём слышались интонации самого Алексея, металлическое спокойствие Нейтралиса и отдалённое многоголосое эхо Наблюдателя.

Но говорил кто-то четвёртый.

Тот, кого ещё несколько минут назад не существовало.

— Кажется, — выдохнул Алексей, — у нас действительно появился новый сотрудник. Без собеседования, испытательного срока и даже нормального имени.

«Сосредоточься», — напомнил Нейтралис, хотя в его голосе звучало не меньше потрясения.

Фрагмент Наблюдателя вытянул обе руки.

Тени по всему залу рванулись к Алексею.

— Вернись, — потребовало существо. — Ты часть меня.
Заноза ответила не словами.

Она раскрылась.

Внутри резонанса Алексея вспыхнуло маленькое тёмное солнце, окружённое сине-фиолетовой короной. Свет ударил по внутренним каналам, обжигая, но не разрушая их. Наоборот — там, где прежде сила шла рваными, нестабильными потоками, начали формироваться новые связи.

Нейтрелис снова вывел перед его внутренним взглядом смысловые строки.

Синхронизация с носителем: 67%.

Независимое ядро: нестабильно.

Доступная функция: резонансное эхо.

Опасность потери идентичности при перегрузке: высокая.

— Ну разумеется, — пробормотал Алексей. — Новая способность с мелким шрифтом про потерю личности. Без этого было бы слишком скучно.

Он позволил новому ядру направить силу.

Не наружу.

По связи обратно.

Фрагмент пришёл за занозой, считая её дверью внутрь Алексея.

Теперь дверь открылась в противоположную сторону.

Алексей увидел его.

Не плащ. Не украденные лица. Не тёмные нити, составлявшие внешнюю форму.

Внутри сбежавшего фрагмента находилось пустое пространство, наскоро наполненное человеческими голосами. У него не было собственного имени. Не было памяти, кроме обрывков, похищенных у Наблюдателя. Не было цели, кроме свободы и инстинктивного стремления вернуть утраченную часть.

Он был не полноценной сущностью.

Он был голодной оболочкой, отчаянно пытавшейся доказать себе, что уже стала кем-то.

И это делало его уязвимым.

— Ты пришёл вернуть её, — сказал Алексей, обращаясь прямо к чужому ядру. — Но дело не в ней. Ты просто боишься, что без неё так и останешься обрубок чужого разума.

Фрагмент вздрогнул.

Сотни лиц под капюшоном исказились.

— Замолчи.

— Неприятно, когда кто-то копается внутри тебя без разрешения?

— Ты ничего не понимаешь.

— Понимаю достаточно. Ты хочешь стать отдельным. Не голосом в хоре. Не рукой Наблюдателя. Кем-то своим.

— Я уже свободен.

— Нет. Ты всё ещё говоришь его голосами. Всё ещё повторяешь его угрозы. Всё ещё охотишься за своей частью, потому что не умеешь создавать ничего нового.

— Я заберу её.

— Попробуй.

Мира крепче стиснула руку Алексея.

— Что ты задумал?

— Собеседование с кандидатом. Хочу проверить, насколько он готов к стрессовой работе.

— Ты опять делаешь что-то самоубийственное?

— Уже начал. Поздно отменять встречу.

Алексей раскрыл связь ещё шире.

Внешний фрагмент немедленно рванулся внутрь.

И в тот же миг заноза ударила навстречу.

Два тёмных резонанса столкнулись в его груди.

Алексей закричал так, что сорвал голос. Кровь брызнула из носа, потекла из ушей. Мир рассыпался на отдельные, слишком яркие кадры.

Мира держала его обеими руками.

Кресс кричал что-то, поднимая мощность резонатора.

Синтара и Хирс отсекали тени, пытавшиеся добраться до них с флангов.

Тесса стояла у постамента со свитком и, кажется, впервые в жизни читала древний текст быстрее, чем успевала осмысливать.

Жгтун возник у дальней двери и одним ударом сбил с ног стражника, в которого фрагмент попытался протащить часть себя.

Мать Веста опустилась на колени и начала повторять ритмичную фразу на языке Первых. К ней присоединились двое

оставшихся последователей ордена. Их голоса образовали ровный фон, удерживающий пространство зала от окончательного распада.

А в самом центре этого хаоса Алексей тянул.

Не занозу к фрагменту.

Фрагмент к занозе.

Существо поняло слишком поздно.

Его внешняя форма рассыпалась. Плащ из теней раскрылся, как разорванная ткань. Украденные лица закричали каждое своим голосом.

— Кресс! — рывкнула Синтара. — Сейчас!

Молодой зритель ударил ладонью по центральной пластине резонатора.

Серебряный круг схлопнулся.

Фрагмент оказался между двумя силами: резервным контуром снаружи и пробуждённой занозой внутри Алексея.

— Отпусти! — взревел он.

— Прости, — выдавил Алексей сквозь кровь и боль.
— Политика компании. После собеседования документы не возвращаем.

Он рванул связь на себя.

Тёмная фигура распалась.

Не взорвалась и не рассеялась — втянулась в тонкую, ослепительно яркую линию, прошедшую через зал и ударившую Алексея точно в грудь.

На одно мгновение всё остановилось.

Затем пришёл звук.

Тысячи голосов закричали внутри него одновременно.

Алексей увидел чужие жизни.

Стражников у ворот.

Людей, которых Наблюдатель забрал много лет назад.

Предыдущего Вестника, стоящего перед тёмной трещиной в земле.

Незнакомый город под красным небом.

Высокие белые башни, окружённые мёртвым лесом.

Огромный Разлом, рассекающий мир от горизонта до горизонта.

И человека на его краю.

Молодого. Тёмноволосого. В одежде, слишком похожей на одежду из прошлой жизни Алексея, чтобы это можно было списать на совпадение.

Человек обернулся.

Его губы шевельнулись.

Но Алексей не слышал слов.

Резонанс взорвался изнутри.

Его отбросило от Миры и протащило по каменному полу до самого пьедестала. Обломок на груди раскалился, вспыхнул и на несколько секунд стал совершенно прозрачным. Внутри металла проступила новая тонкая линия — сине-фиолетовая, окружённая чёрной каймой.

Зал погрузился в тишину.

Настоящую.

Тяжёлую.

Фрагмент исчез.

На полу остались трое стражников, лишившихся голоса у ворот. Они лежали без сознания, но дышали. Из их ртов медленно выходили тонкие серые нити и растворялись в воздухе.

Кресс первым опустил резонатор.

— Он поглощён?

«Не полностью», — ответил Нейтралис, и на этот раз его голос слышали все.

Новая сила внутри Алексея усилила связь настолько, что мысли сущности коротким эхом разошлись по залу.

Синтара резко повернула голову.

— Что значит «не полностью»?

Алексей попытался подняться. Получилось только со второй попытки и при помощи Миры, мгновенно оказавшейся рядом.

— Это значит, что мы не уничтожили его. Мы разобрали внешнюю конструкцию и втянули ядро внутрь моего резонанса.

Мира застыла.

— Ты впустил его в себя?

— Технически он сам пошёл. Я просто закрыл дверь с другой стороны.

— Алексей.

— Да, звучит хуже, когда произносишь вслух.

Она стиснула зубы, явно борясь с желанием то ли обнять его, то ли ударить.

В итоге выбрала первое.

Обхватила так резко и крепко, что у него перехватило дыхание.

— Никогда, — тихо сказала она ему в плечо. — Никогда больше так не делай.

— Боюсь, подобные обещания в моей ситуации юридически ничтожны.

— Тогда хотя бы предупреждай.

— Это могу.

Синтара подошла ближе, убирая оружие.

— Что теперь внутри тебя?

Алексей закрыл глаза.

Он ожидал услышать хор.

Ожидал новую атаку, угрозы, попытку вырваться.

Вместо этого внутри было удивительно тихо.

Нейтралис находился на привычном месте — ровное, светлое присутствие у края сознания.

Чёрный обломок лежал глубже, связанный с сетью узлов.

А рядом с ним теперь пульсировало новое ядро.

Не одно.

Два, соединённых тонкой перемычкой.

Первое — заноза, уже почти полностью перестроенная под резонанс Алексея.

Второе — остаток сбежавшего фрагмента, сжатый, обез-

движенный, но не мёртвый.

Между ними шёл обмен.

Заноза забирала память и структуру.

Фрагмент получал взамен устойчивость и нечто похожее на собственную форму.

«Предварительный анализ», — произнёс Нейтралис.

Перед внутренним взглядом снова возникли строки.

Резонансный контур носителя: стабилизирован на 71%.

Независимое ядро: сформировано на 12%.

Связь с Наблюдателем: подавлена.

Связь со сбежавшим фрагментом: интеграция.

Новая функция: ЧУЖОЙ ГОЛОС.

Описание: временный доступ к резонансным отпечаткам поглощённых личностей.

Ограничение: высокая вероятность смещения памяти.

Предупреждение: ядро обладает собственной волей.

— Плохая новость, — сказал Алексей вслух. — Оно осталось.

— А хорошая? — спросил Жгтун.

— Оно больше не принадлежит Наблюдателю.

— Кому тогда принадлежит?

Изнутри пришло движение.

Новое ядро услышало вопрос.

Сначала Алексей почувствовал растерянность. Потом раздражение. Затем короткую, упрямую решимость.

— Никому, — ответил он. — По крайней мере, оно так

считает.

Мать Веста медленно подошла ближе. В её взгляде смешались страх и религиозный восторг, который она пыталась, но не особенно успешно скрыть.

— Ты создал новый голос.

— Я ничего не создавал. Скорее предоставил помещение, электроэнергию и крайне сомнительные условия аренды.

— В древних текстах говорилось, что Вестник однажды заговорит голосом, которого прежде не существовало.

— В древних текстах много чего говорилось. Половина обрывается на самом интересном месте, а вторая половина требует человеческих жертв. Не лучший источник практических советов.

Тесса уже листала свиток.

— Но Веста права. Здесь есть похожая строка: «Когда чужой голос назовёт себя, дорога к Разлому откроется».

Алексей открыл глаза.

— К какому Разлому?

Тесса побледнела.

— В тексте использовано то же слово, которым орден обозначает Разлом на северной границе известных земель.

По залу прошло тяжёлое молчание.

Синтара первой вернулась к практическим вопросам.

— Состояние стражников?

Хирс уже проверял лежавших у стены людей.

— Живы. Голоса возвращаются, но медленно. Один при-

ходит в сознание.

Стражник действительно открыл глаза. Несколько секунд он смотрел в потолок, явно не понимая, где находится. Потом перевёл взгляд на Алексея.

Его губы дрогнули.

— Вестник, — прошептал он чужим голосом.

Хирс нахмурился.

— Ты меня слышишь?

Стражник не отреагировал. Продолжал смотреть только на Алексея.

— Он видел тебя.

— Кто?

— Тот, кто был до тебя.

Внутри Алексея новое ядро резко дёрнулось.

Перед глазами снова вспыхнул образ человека у Разлома.

Тёмные волосы.

Чужая, но знакомая одежда.

Усталое лицо.

И рука, прижатая к груди там, где у Алексея находился обломок.

Стражник закашлялся. Из рта вырвалась последняя серая нить и тут же растаяла. После этого мужчина обмяк и закрыл глаза, но дыхание осталось ровным.

— Что он имел в виду? — спросила Мира.

— Предыдущего Вестника, — ответил Алексей. — Я увидел его внутри фрагмента.

Ирвель резко приблизился.

— Где?

— У Разлома. По крайней мере, думаю, что это был он.

— Он был жив?

Алексей вспомнил лицо человека. Оно выглядело измученным, но совершенно точно живым.

— В том воспоминании — да.

— Значит, Наблюдатель солгал, — произнесла Синтара.
— Предыдущий носитель не полностью растворён в нём.

«Или воспоминание было создано намеренно, — предупредил Нейтралис. — Нельзя исключать ловушку».

— Нельзя, — согласился Алексей. — Но теперь у нас хотя бы есть направление.

— Разлом, — тихо сказала Мира.

Мать Веста медленно кивнула.

— Орден хранит карты северной дороги. Старые и неполные, но пригодные. Если фрагмент показал тебе именно это место, значит, связь между Наблюдателем и Разломом глубже, чем мы предполагали.

— Или он хочет, чтобы мы туда пошли, — заметил Кайле.

— Это тоже возможно, — признала Веста.

Жгтун убрал клинок и устало потёр лицо ладонью.

— Значит, ближайший план — лезть на край известных земель, искать пропавшего девять лет назад человека и одновременно выяснять, почему древняя тварь решила показать нам дорогу?

— Если сформулировать именно так, звучит не очень разумно, — сказал Алексей.

— А как это сформулировать разумно?

— Никак. Но я могу составить список рисков.

— Лучше сначала поспишь.

— Согласен. Кажется, впервые за всё время у нас есть хотя бы несколько часов, когда никто не пытается немедленно сожрать город.

За спиной раздался глухой удар.

Все резко обернулись.

Резервный резонатор Кресса, лежавший на полу, треснул пополам.

Из разлома между металлическими пластинами поднялась тонкая чёрная нить. Она на мгновение зависла в воздухе, потянулась к Алексею, но не долетела.

Новое ядро внутри него поглотило её одним коротким импульсом.

А затем заговорило.

Не через рот Алексея.

Прямо в его сознании.

Чётко.

По-русски.

Голосом незнакомого молодого мужчины.

«Наконец-то», — сказал он устало.

Алексей застыл.

Нейтралис отреагировал мгновенно:

«Кто ты?»

Внутреннее присутствие помолчало, словно вспоминая, как вообще складываются слова.

«Моё имя уже забрали. Как, вероятно, и его».

Перед внутренним взглядом вспыхнул образ Разлома.

Человек на его краю обернулся уже полностью.

Теперь Алексей видел его лицо отчётливо.

Молодой. Тёмноволосый. С усталыми глазами и кривой, до боли знакомой усмешкой человека, привыкшего шутить перед лицом катастрофы.

«Но когда-то меня звали Кириллом, — продолжил чужой голос. — И если вы действительно собираетесь идти к Разлому, слушайте внимательно».

Пауза длилась всего один удар сердца.

«Потому что Разлом — не граница между мирами».

Изображение перед глазами Алексея изменилось.

По ту сторону гигантской трещины стоял город.

Не Вайрден.

Современный город с высотными домами, электрическими огнями и мокрыми дорогами.

Москва.

«Это дверь домой, — сказал предыдущий Вестник. — И девять лет назад я уже пытался её открыть».

Глава 2. Тот, кто назвался Кириллом

Глава 2. Тот, кто назвался Кириллом

— Домой, — повторил Алексей вслух.

Слово прозвучало неправильно.

Слишком просто для того, что оно означало.

Слишком тихо для удара, которым отозвалось внутри.

Москва всё ещё стояла перед его внутренним взглядом — мокрая, ночная, пронизанная белым и жёлтым электрическим светом. Машины ползли по широкой дороге, оставляя на асфальте длинные отражения фар. Над крышами поднимались знакомые очертания многоэтажек, а вдалеке, между тяжёлыми низкими облаками, горели красные сигнальные огни на высоких башнях.

Это не было воспоминанием Алексея.

Он не узнавал точное место.

Но узнавал город.

Разлом стоял между мирами огромной вертикальной раной. По одну сторону лежали каменные дороги, тёмные леса и башни Вайрдена. По другую — мокрый асфальт, провода, электричество и мир, в котором кефир продавали в пластиковых бутылках, а смерть могла прийти от неудачно поставленной бетонной урны.

Изображение дрогнуло.

Современный город рассыпался на тысячи светящихся точек и исчез.

Алексей снова увидел главный зал резиденции.

Люди стояли почти на тех же местах, что и раньше. Синтара держала руку на рукояти клинка. Хирс проверял лежавших стражников. Кресс сидел прямо на полу возле треснувшего резонатора и смотрел на Алексея так, будто тот только что заговорил голосом покойника.

Мира всё ещё поддерживала его за плечо «Там был нижний уровень», — сказал Кирилл. «Его потом завалило».

Алексей описал увиденное.

Ирвель резко выпрямился.

— Лестница действительно существовала. Я видел её только один раз, сразу после назначения. Через несколько недель произошёл обвал. В нынешних документах о ней ничего нет.

Тесса сделала пометку.

— Это подтверждает, что внутри нового ядра присутствуют реальные воспоминания предыдущего носителя. Но пока не доказывает, что говорящая личность — именно он.

— Он слышит тебя и считает формулировку оскорбительной, — сообщил Алексей.

«Я сказал, что она права», — возразил Кирилл.

— Поправка. Он считает формулировку оскорбительно правильной.

Тесса невольно улыбнулась.

— Второй вопрос. Что находилось на нижнем уровне?

Ответ пришёл не сразу.

Алексей почувствовал усилие, будто Кирилл пытался открыть заржавевший замок внутри собственной памяти.

Картинка появилась рывком.

Узкий коридор.

Низкий потолок.

Пять ниш в стенах.

В первой лежат человеческие кости.

Во второй — одежда.

Третья пуста.

В четвёртой стоит металлический цилиндр длиной с ладонь.

Пятая закрыта чёрной плитой.

«Я оставил цилиндр там», — сказал Кирилл. «Внутри мои вещи».

— Какие вещи?

«Монета. Ключ. Карта памяти. Записка».

У Алексея пересохло во рту.

— Он утверждает, что оставил на нижнем уровне металлический цилиндр с вещами с Земли.

Ирвель посмотрел на Синтару.

— Обвал можно обойти через восточный технический ход. Если цилиндр ещё там, небольшая группа доберётся за два часа.

— Хирс отправится немедленно, — решила Синтара.

— Один? — спросила Мира.

— С двумя бойцами и Крессом. Кресс знает структуру узла. Если новый голос говорит правду, к вечеру у нас будет вещественное подтверждение.

Тесса продолжила:

— Третий вопрос. Как тебя называли здесь?

«Кир».

— Кир, — передал Алексей.

Ирвель медленно кивнул.

— Это похоже на правду. Вспомнил. Именно Кир. Полного имени он почти никому не говорил.

— Почему Вестник? — спросила Тесса.

«Потому что я слышал другие контуры. Слабее, чем он», — Кирилл словно указал на Алексея изнутри. «Но слышал. Я пытался объяснить Совету, что миры связаны. Они решили, что обломок свёл меня с ума».

Эйданова семейная традиция, подумал Алексей. Неудобный сигнал проще отключить, чем проверить.

«Именно».

Алексей напрягся.

«Ты прочитал мою мысль».

«Да».

«Раньше утверждал, что не читаешь».

«Раньше граница между нами была плотнее».

«А теперь?»

«Теперь ты устал. И я становлюсь сильнее».

Алексей сел на кровати.

Мира мгновенно заметила перемену.

— Что?

— Он только что признался, что может читать мысли.

Сначала не мог. Теперь может.

Синтара положила ладонь на рукоять клинка.

— Уровень контроля?

«Спроси её, как она собирается ударить то, что сидит у тебя в голове», — предложил Кирилл.

— Он интересуется, как именно клинок поможет против жильца в моей голове.

— Никак, — ответила Синтара. — Но если жилец получит тело, клинок поможет остановить тело.

«Суровая женщина».

«Она тебя слышит только через меня».

«Я понял».

Тесса быстро сделала новую запись.

— Усиление доступа ожидаемо. Ядро продолжает интеграцию. Нам нужно определить границы до того, как они исчезнут совсем.

— А есть способ их укрепить?

— Возможно. Но сначала ещё вопросы.

Она раскрыла второй свиток.

— В отчёте указано, что перед исчезновением Кир проявлял признаки нарушения памяти. Он путал имена, забывал

недавние разговоры и временами говорил голосами других людей. Ты это помнишь?

Молчание.

Затем Кирилл ответил:

«Да».

«Почему раньше не сказал?»

«Потому что не хотел, чтобы вы решили уничтожить меня сразу».

«Убедительная стратегия: скрыть главный симптом заражения, пока тебя проверяют на заражение».

«Я боялся».

Впервые за всё время голос дрогнул.

Не сыгранно.

Или очень хорошо сыгранно.

«Чего именно?»

«Снова исчезнуть».

Алексей провёл ладонью по лицу.

— Он подтверждает потерю памяти и чужие голоса. Скрыл, потому что боялся, что мы попытаемся его уничтожить.

— Попытаемся? — переспросила Синтара. — Возможность всё ещё рассматривается.

Мира резко повернулась к ней.

— Вы даже не знаете, можно ли уничтожить его, не убив Алексея.

— Именно поэтому пока только рассматривается.

— Приятно быть центром дискуссии о допустимом проценте потерь, — сказал Алексей. — В прошлой жизни на совещаниях хотя бы делали вид, что сотрудник не сидит в той же комнате.

Тесса положила ладонь на металлическую пластину.

— Ещё один тест. На этой пластине зашифрована фраза, которую Кир произнёс перед последним спуском. Расшифровка хранится отдельно. Ни Ирвель, ни я её не знаем. Пусть голос закончит начало.

Она прочитала:

— «Если дверь действительно откроется, первым делом я...»

Кирилл ответил мгновенно.

«...проверю, ловит ли там мобильная связь».

Алексей невольно рассмеялся.

Смех вышел хриплым и коротким.

— Что? — спросила Мира.

— «Проверю, ловит ли там мобильная связь».

Ирвель побледнел.

— Да.

Все посмотрели на него.

— Я слышал эту фразу лично, — продолжил он. — Перед самым спуском. Спросил, что такое «мобильная связь». Кир ответил, что это божество его мира, которое всегда покидает человека в самый неподходящий момент.

— Теперь я начинаю верить, что он действительно наш,

— признал Алексей.

«Спасибо».

— Это всё ещё не доказательство личности, — напомнила Тесса. — Наблюдатель мог сохранить фразу вместе с остальными воспоминаниями.

— Ты умеешь портить хорошие моменты с профессиональной точностью.

— Работа архивиста.

Синтара подошла к окну и посмотрела на светлые линии контура.

— Нейтралис. Что показывает анализ?

Голос сущности прозвучал внутри Алексея, а затем коротким эхом вышел наружу:

«Новое ядро стабилизируется. Оно использует структуру занозы как основу, а память внешнего фрагмента — как материал. Личность, называющая себя Кириллом, действительно присутствует. Но я не могу установить, является ли она исходным человеком или реконструкцией».

— В чём разница на практике? — спросила Мира.

«Исходная личность обладает непрерывным внутренним опытом. Реконструкция лишь считает себя человеком, потому что собрана из его памяти».

— Для неё самой разница есть? — спросил Алексей.

Нейтралис помолчал.

«Вероятно, нет».

— Тогда пока будем считать его человеком, пока он не

докажет обратное.

Синтара посмотрела на него.

— Это опасно.

— А сразу считать его тварью безопаснее?

— Эмоционально — да.

— Практически — нет. Если он способен выбирать, с ним можно договариваться. Если мы с первой минуты будем обсуждать уничтожение, угадай, насколько охотно он станет сотрудничать.

«Уже немного охотнее», — сказал Кирилл.

«Почему?»

«Потому что ты хотя бы задал правильный вопрос».

Алексей пересказал это остальным.

Синтара ничего не ответила, но руку с рукояти убрала.

Следующие несколько часов превратились в странную смесь допроса, медицинского осмотра и собеседования на должность, которую никто не собирался создавать.

Тесса задавала вопросы о Земле.

— Как люди освещают дома без магии?

«Электричество».

— Что это?

«Движение заряженных частиц».

— Каких частиц?

«Очень маленьких».

— Насколько?

«Если начну объяснять квантовую физику, мы все пожа-

леем».

Алексей передавал ответы и временами спорил с ними.

— Это не объяснение, а отговорка.

«А ты сам сможешь ей объяснить электричество без формул, которых она не знает?»

— Палка, мех, янтарь. Начать можно хотя бы со статического заряда.

«Ладно. Умник».

Тесса записывала всё с таким восторгом, будто перед ней открывался архив целой цивилизации.

— Что такое сервер?

«Машина, которая хранит или обрабатывает данные и предоставляет доступ другим машинам».

— Разумная?

«Обычно нет. Хотя иногда ведёт себя так, будто сознательно ненавидит администратора».

— Это уже его личная травма, — пояснил Алексей.

— А что такое интернет?

Кирилл задумался.

«Огромная сеть, связывающая машины и людей».

— Похоже на резонансный контур?

«Слишком похоже».

На этих словах и Алексей, и Нейтралис напряглись одновременно.

«Что ты имеешь в виду?» — спросил Алексей.

«Не знаю. Просто ощущение».

«Ты видел интернет через Разлом?»

Долгая пауза.

«Я видел сеть».

Перед внутренним взглядом Алексея вспыхнул новый образ.

Тёмное пространство, пронизанное бесчисленными линиями света. По ним с невероятной скоростью двигались пакеты данных — текст, изображения, голоса, чужие лица. На первый взгляд это действительно напоминало глобальную сеть контуров, которую Алексей увидел через резонатор.

Только эта сеть принадлежала Земле.

И между двумя структурами существовала тонкая чёрная перемычка.

«Что это?» — спросил Алексей.

«То, что я пытался открыть».

«Ты хотел соединить интернет с резонансной сетью?»

«Нет. Я хотел отправить сообщение домой».

«И что отправил?»

Ответ не пришёл.

Вместо него Алексей почувствовал страх.

Настоящий, острый, почти детский.

Кирилл закрыл воспоминание так резко, будто захлопнул дверь.

— Что случилось? — спросила Мира.

— Мы дошли до места, о котором он не хочет говорить.

— Какого?

— Он пытался отправить сигнал на Землю через Разлом. Синтара нахмурилась.

— Похожий на тот, что ты отправил через резонатор?

— Возможно.

«Не возможно», — тихо сказал Кирилл. «Именно такой». Алексей похолодел.

«Тогда присутствие, которое заметило меня в глобальной сети...»

«Вероятно, заметило и меня девять лет назад».

«Наблюдатель?»

«Я тогда не знал имени».

— Кирилл считает, что Наблюдатель нашёл его после попытки отправить сигнал на Землю, — сказал Алексей вслух. — По той же схеме, по которой он нашёл меня.

Ирвель медленно опустился на стул.

— Значит, его исчезновение не было случайной встречей у Третьего узла. Он сам привёл туда Наблюдателя.

— Как и я, — сказал Алексей.

Мира стиснула его пальцы.

— Ты не знал.

— Он тоже.

Кирилл молчал.

В этом молчании было столько вины, что Алексей впервые перестал воспринимать его только как потенциальную угрозу.

Если это была игра, она была пугающе убедительной.

К вечеру вернулся Хирс.

Дверь изоляционной комнаты открылась, и он вошёл вместе с Крессом. Одежда обоих была покрыта серой каменной пылью. Один из сопровождавших бойцов держал небольшой потемневший цилиндр.

Кирилл почувствовал его раньше, чем Алексей увидел.

Новое ядро дёрнулось.

«Моё».

Не требовательно.

Потрясённо.

Цилиндр положили на стол. На поверхности не было ни замка, ни видимого шва. Только пять неглубоких насечек.

— Он лежал там, где описал голос, — доложил Хирс. — Четвёртая ниша нижнего уровня. Проход был почти полностью завален. Без указаний мы бы никогда его не нашли.

— Как открыть? — спросила Тесса.

«Нажать вторую и пятую насечки одновременно, потом повернуть основание».

Алексей передал инструкцию.

Хирс выполнил её.

Цилиндр тихо щёлкнул.

Внутри лежали четыре предмета.

Маленький плоский ключ с чёрной пластиковой головкой.

Потемневшая металлическая монета.

Крошечная прямоугольная карта памяти.

И сложенный в несколько раз лист бумаги, завёрнутый в прозрачную плёнку.

Алексей первым взял монету.

Десять рублей.

Год выпуска ещё можно было разобрать, хотя металл потемнел от времени.

На другой стороне был знакомый двуглавый орёл.

Мир вокруг на мгновение отступил.

Обычная монета весила совсем немного. Но сейчас она казалась тяжелее любого магического артефакта, который Алексей держал за всё время в этом мире.

Доказательство.

Не сна.

Не бреда.

Не выдумки чужого разума.

Земля существовала.

Кто-то до него действительно пришёл оттуда.

— Это деньги? — тихо спросила Мира.

— Да.

— Твои?

— Из моего мира.

Он провёл большим пальцем по ребристому краю монеты.

Перед глазами неожиданно всплыл кассовый лоток в магазине, мелочь в кармане старых джинсов, раздражённое лицо продавщицы, которой он однажды высыпал горсть монет за бутылку минералки.

Воспоминание было его.

Точно его.

Но сразу следом пришло другое.

Молодой мужчина бросает такую же монету на стол перед недоверчивыми членами Совета.

— В моём мире за неё даже хлеба не купишь, а вы смотрите так, будто я принёс корону императора.

Воспоминание принадлежало Кириллу.

Они наложились друг на друга настолько плотно, что Алексей на несколько секунд перестал понимать, кому принадлежит рука, держащая монету.

Он резко положил её на стол.

— Смещение памяти, — сказал Нейтралис через него. — Контакт с предметом, связанным с Кириллом, усилил интеграцию.

Мира подалась ближе.

— Алексей?

— Я здесь.

— Уверен?

Он посмотрел на неё.

— Ты Мира. Мы в изолированной комнате Совета. На столе десять рублей, автомобильный ключ, карта памяти и записка. Я умер на гололёде из-за кефира. Пока вроде всё моё.

— Хорошо.

Тесса осторожно подняла ключ.

— От чего он?

«Машина», — ответил Кирилл. «Старая “Тойота”».

— От автомобиля, — сказал Алексей.

— Того самого металлического экипажа без лошадей?

— Да.

— Где сам экипаж?

«В Москве. Если её ещё не эвакуировали».

Алексей передал ответ и почувствовал неожиданную тоску Кирилла. Не по машине как вещи. По миру, где она осталась.

Тесса взяла карту памяти.

— А это?

— Хранилище данных.

— Как свиток?

— Только очень маленький и без подходящего устройства бесполезный.

«Не совсем», — сказал Кирилл.

«Что?»

«Я чувствую её».

«Как? Это обычная электронная карта».

«Она была со мной у Разлома. Впитала резонанс».

Алексей сообщил об этом Нейтралису.

Сущность сосредоточилась.

«Он прав. На предмете есть слабый отпечаток. Возможно, данные можно прочесть через его память, если установить контакт».

— Никаких контактов сегодня, — немедленно сказала

Синтара. — Уровень интеграции и так растёт.

— Согласен, — неожиданно ответил Алексей. — Откладываем попытку до утра.

Кирилл не возразил.

Осталась записка.

Плётка сохранила бумагу почти идеально. На ней была одна короткая фраза, написанная шариковой ручкой:

«Если это нашёл не я, не верь голосу после третьего сна».

Ниже стояла буква «К».

В комнате стало тихо.

Алексей перечитал фразу ещё раз.

— Что такое третий сон? — спросила Мира.

«Не знаю», — ответил Кирилл слишком быстро.

Алексей почувствовал, как внутри ядра что-то закрылось.

«Ты знаешь».

«Нет».

«Ты испугался раньше, чем успел ответить».

«Я не помню».

«Это не одно и то же».

Кирилл замолчал.

Алексей передал остальным содержание записки и реакцию голоса.

Синтара забрала бумагу, не касаясь её голыми руками.

— С этого момента сон Рена контролируется. Не позволять ему оставаться без наблюдения. После каждого пробуждения проверять личность.

— Каким образом? — спросил Жгтун.

— Вопросами, ответы на которые знает только он и кто-то из нас.

— Наблюдатель уже читал его память, — заметила Тесса.
— Новый голос тоже получает к ней доступ. Простых вопросов недостаточно.

Мира посмотрела на Алексея.

— Тогда использовать то, что меняется каждый раз. Что-то, чего нельзя запомнить заранее.

— Например?

Она взяла его руку и провела пальцем по ладони, рисуя короткую последовательность линий.

Сначала круг.

Потом крест.

Потом две точки.

— Перед каждым сном будет новый знак, — сказала она.
— После пробуждения ты должен повторить его на моей ладони.

— Если голос контролирует моё тело, он увидит знак через меня.

— Но не узнает, какое чувство я связала с ним.

Алексей ощутил слабое тепло в месте, где её палец касался кожи.

Не просто прикосновение.

Мира действительно вложила в знак короткий эмоциональный импульс — тревогу, упрямство и странную, почти

болезненную нежность.

Кирилл почувствовал это тоже.

Но иначе.

Как наблюдатель.

Не как участник.

«Работает», — признал он.

— Кирилл говорит, что должно сработать.

— Приятно, что он одобряет систему защиты от самого себя, — сухо заметила Синтара.

«Я тоже не хочу узнать, что произойдёт после третьего сна», — ответил Кирилл.

На этот раз страх в его голосе был слишком настоящим, чтобы легко от него отмахнуться.

Тесса изучала записку.

— Почерк совпадает с приписками на части старых отчётов. Их действительно делал предыдущий носитель.

— Значит, он сам себе не доверял, — сказал Кайле.

— Или знал, что со временем внутри появится кто-то другой, выдающий себя за него, — добавила Синтара.

Кирилл отозвался вспышкой злости.

«Я — это я».

«Докажи».

«Как на кухню».

У холодильника стоял Кирилл.

Выглядел он почти так же, как в воспоминании у Разлома: тёмные короткие волосы, худое лицо, усталые глаза. На нём

были джинсы, чёрная толстовка и кроссовки. Совершенно обычный человек из Москвы, случайно оказавшийся внутри невозможного сна.

— Наконец-то можно поговорить нормально, — сказал он.

— Без посредников?

— Без них.

— Где Нейтралис?

— Снаружи. Здесь только мы.

— Удобно.

— Не для меня.

Кирилл закрыл холодильник.

— Ты должен понять одну вещь до пробуждения. У нас мало времени.

— Все вокруг говорят, что мало времени. Начинаю подозревать местный заговор производителей часов.

— Алексей.

— Что?

— Не ходи к Разлому.

— Ты только что сказал обратное.

— Я сказал, что если собираетесь идти, нужно слушать внимательно. Не что вам действительно следует туда идти.

— Почему?

Кирилл посмотрел в сторону окна.

За стеклом не было двора.

Там стояла сплошная чёрная стена.

— Потому что дверь домой открывается не в одну сторону.

— Это я уже понял.

— Нет. Не понял.

Чёрная стена за окном дрогнула.

В её глубине зажглись десятки тусклых человеческих лиц.

— Наблюдатель не может войти на Землю в своей нынешней форме. Там нет резонанса, к которому он привык. Но есть другое.

— Электрические сети.

— Информация, — поправил Кирилл. — Голоса. Изображения. Память миллиардов людей, сохранённая в цифровом виде. Для него это не пустой мир. Это бесконечное тело, которое просто ещё не знает, что может быть живым.

— Поэтому ты закрыл Разлом?

Кирилл отвёл взгляд.

— Я не закрыл его.

— Тогда кто?

— Та, кого я оставил по другую сторону.

— Женщина с фотографии?

Он не ответил.

Чёрная стена за окном вспучилась.

В стекло снаружи ударила ладонь.

Потом вторая.

Десятки рук начали медленно проступать из темноты.

— Просыпайся, — сказал Кирилл.

— Кто она?

— Просыпайся.

— Назови имя.

— Я не могу!

Стекло треснуло.

Из чёрной стены донёсся знакомый многоголосый шёпот:

— Первый сон.

Алексей резко открыл глаза.

Мира держала его за плечи.

На полу вокруг кровати горели светлые линии. На груди выступил холодный пот. В комнате пахло озоном и чем-то горелым.

— Алексей! — сказала Мира. — Смотри на меня.

Он несколько секунд не мог вспомнить, где находится.

Потом увидел её руку.

Круг.

Крест.

Две точки.

Он взял её ладонь и повторил знак.

Мира закрыла глаза от облегчения.

— Что было?

— Москва. Кирилл. Наблюдатель.

— Он пытался взять контроль?

— Не знаю.

Алексей прислушался.

Кирилл молчал.

Не скрывался.

Его словно действительно не было рядом.

— Кирилл? — позвал Алексей вслух.

Ответа не последовало.

Нейтралис тоже звучал встревоженно:

«Я потерял его на время сна. Ядро закрылось от меня полностью».

За дверью загремели засовы.

В комнату вошли Жгтун, Синтара и Хирс.

— Первый сон? — спросила Синтара.

— Полагаю, да.

— Изменения?

— Кирилл исчез.

В этот момент снаружи раздался кашель.

Один из стражников, прежде лишившихся голоса, пришёл в сознание. Его оставили в соседней комнате под наблюдением лекаря.

Кашель повторился.

Потом послышались торопливые шаги.

В дверях появился бледный лекарь.

— Он заговорил, — сказал мужчина. — Просит Рена.

Утверждает, что должен немедленно передать послание.

— Чьё? — спросила Синтара.

Лекарь облизнул пересохшие губы.

— Предыдущего Вестника.

Алексея подняли с кровати. Идти далеко не пришлось.

Стражник лежал в соседней комнате, привязанный к кровати широкими ремнями. Его лицо осунулось, губы потрескались, глаза лихорадочно блестели.

Увидев Алексея, он задёргался.

— Ближе, — прохрипел он.

Синтара встала между ними.

— Говори оттуда.

— Он должен услышать.

— Он слышит.

Стражник посмотрел прямо в глаза Алексею.

На мгновение в них проступил другой человек.

Тот самый тёмноволосый мужчина у Разлома.

Но теперь лицо выглядело старше. Измученнее. По левой щеке шёл длинный след ожога, которого не было в прежнем образе.

— Если он назвался Кириллом, — произнёс стражник голосом предыдущего Вестника, — не верь ему.

Алексей похолодел.

— Почему?

Стражник выгнулся, ремни натянулись.

— Потому что Кирилл просил меня передать другое.

— Что именно?

Лицо мужчины исказилось от боли.

— Настоящий Кирилл всё ещё у Разлома.

В комнате стало тихо.

Стражник судорожно втянул воздух и произнёс послед-

ние слова уже почти беззвучно:

— А то, что сидит внутри тебя, родилось только сегодня.

Его глаза закатились.

Тело обмякло на ремнях.

Лекарь бросился проверять пульс.

Алексей ничего не слышал.

Глубоко внутри новое ядро снова шевельнулось.

Медленно.

Осторожно.

Будто просыпалось после первого сна.

А затем знакомый голос Кирилла тихо спросил:

«Что он тебе сказал?»

Глава 3. Проверка подлинности

Глава 3. Проверка подлинности

«Что он тебе сказал?»

Вопрос прозвучал внутри Алексея спокойно.

Слишком спокойно.

Новое ядро находилось там же, где и раньше, — рядом с чёрным обломком, глубже привычного потока мыслей. Однако теперь оно ощущалось иначе. До первого сна голос казался напряжённым, неуверенным и почти человечески испуганным. Сейчас в нём появилась осторожность человека, который проснулся в незнакомом помещении и первым делом проверяет, на месте ли двери, окна и возможные пути отхода.

Алексей не ответил.

Он стоял рядом с кроватью лишённого голоса стражника и смотрел, как лекарь торопливо проверяет дыхание мужчины. Синтара застыла у изножья, положив ладонь на рукоять клинка. Хирс держался у двери. Мира стояла совсем близко и по-прежнему сжимала ладонь Алексея, будто боялась, что он исчезнет, стоит ей разжать пальцы.

— Он жив, — сообщил лекарь. — Без сознания, но сердце работает ровно. Голосовые связки не повреждены. Не понимаю, почему он говорил не своим голосом.

— Потому что говорил не он, — ответил Алексей.

«Что он сказал?» — повторил внутренний голос.

На этот раз настойчивее.

Алексей медленно повернулся к Синтаре.

— Нам нужно вернуться в изолированную комнату.

— Почему?

— Потому что голос снова появился.

Синтара не изменилась в лице, но пальцы плотнее сомкнулись на рукояти.

— Он пытается взять управление?

— Нет. Спрашивает, что сказал стражник.

«Алексей».

«Подожди».

«Ты что-то скрываешь».

«Добро пожаловать в человеческие отношения. Здесь так иногда делают, когда не уверены, стоит ли собеседнику доверять».

Внутри нового ядра вспыхнуло раздражение. Не ярость Наблюдателя и не холодное давление древней сущности, а вполне обычная человеческая злость. Настолько узнаваемая, что именно она заставила Алексея насторожиться ещё сильнее.

Если это была подделка, то очень качественная.

— Возвращаемся, — решила Синтара. — Лекарь остаётся со стражником. Хирс, поставь двоих у двери. Если он снова заговорит чужим голосом, не вступать в разговор до моего прихода.

— Понял.

Обратный путь занял меньше минуты, но показался Алексею заметно длиннее. Светлые линии защитных печатей на стенах коридора отзывались на новое ядро слабым покалыванием под кожей. Голос внутри тоже чувствовал их и всё сильнее раздражался.

«Меня тащат в клетку».

«Нас тащат в клетку».

«Ты можешь выйти».

«И получить удар клинком от Синтары, если ты вдруг решишь по дороге примерить моё тело».

«Я не собираюсь».

«Все потенциальные захватчики тел говорят именно это. Плохой рекламный слоган».

«Ты не доверяешь мне только потому, что стражник что-то сказал».

«Я не доверял тебе ещё до этого. Стражник просто добавил аргументов».

Дверь комнаты закрылась. Засовы опустились. На этот раз внутрь вместе с Алексеем вошли Мира, Синтара и Нейтралис — последний, разумеется, оставался лишь присутствием внутри сознания, но его внимание стало плотнее и отчётливее.

Хирс занял место снаружи.

Синтара указала на кровать.

— Садись.

— Начиная понимать, почему у Совета не бывает дружеских бесед. Мебель располагает исключительно к допросам.

— Садись, Рен.

Алексей сел.

Мира устроилась на стуле справа. Синтара осталась стоять напротив, намеренно не давая ему забыть, кто здесь контролирует физическое пространство.

— Теперь рассказывай, — потребовала она.

— Стражник сказал, что настоящий Кирилл всё ещё находится у Разлома. А то, что сидит внутри меня, родилось только сегодня.

Новое ядро замерло.

Полностью.

Ещё секунду назад Алексей чувствовал раздражение, тревогу и попытки заглянуть в его поверхностные мысли. Теперь внутри возникла такая плотная тишина, будто голос не просто замолчал, а намеренно перестал двигаться.

Синтара заметила перемену по его лицу.

— Реакция?

— Затих.

«Я думаю», — наконец сказал Кирилл.

«Очень вовремя».

«Если тот человек говорил моим голосом, это ещё не означает, что он говорил правду».

«А если правду?»

«Тогда я не Кирилл».

Прямой ответ удивил Алексея.

«И тебя это не пугает?»

«Пугает».

Эмоция пришла следом за словом.

Не просто обозначение страха, а сам страх — глубокий, тёмный, почти физический. На несколько мгновений Алексей ощутил чужую пустоту. Отсутствие тела. Отсутствие непрерывного прошлого. Несколько обрывков московской жизни, девять лет внутри многоголосой тьмы и внезапное пробуждение в чужом сознании.

Если голос был создан сегодня, он существовал всего несколько часов.

И уже знал, что его могут уничтожить.

Алексей невольно сжал край кровати.

— Он допускает, что не является настоящим Кириллом.

— Удобная уступка, — заметила Синтара. — Повышает доверие.

«Она всегда такая?»

«Обычно ещё хуже».

— Он спрашивает, всегда ли ты такая.

— Передай, что это не его забота.

«Уже слышал».

— Уже слышал.

Мира смотрела не на лицо Алексея, а на его руки.

— Его страх настоящий?

— Я чувствую его как настоящий.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Нейтралис подал голос:

«Нам следует разделить три понятия. Первое — источник памяти. Второе — непрерывность личности. Третье — самостоятельная воля. Мы уже знаем, что источник памяти частично принадлежит прежнему носителю. Непрерывность пока не доказана. Самостоятельная воля формируется прямо сейчас».

— То есть он может быть новым существом с памятью Кирилла, — сказала Мира.

«Да».

— И что тогда с ним делать?

Нейтралис ответил не сразу:

«Относиться как к потенциально разумному существу. Но не давать ему полного контроля до завершения проверки».

Синтара коротко кивнула.

— С этим я согласна.

«Меня радует, что вопрос моего существования обсуждают так, будто я новый вид плесени на стене», — сказал Кирилл.

«Можешь предложить более подходящую процедуру».

«Могу. Перестаньте решать, имею ли я право жить».

Алексей передал фразу вслух.

Мира подняла взгляд.

— А ты сам кого-нибудь убьёшь, чтобы сохранить себя?

Внутри возникла пауза.

«Не знаю».

— Говорит, что не знает.

— Честно, — тихо сказала Мира.

— Или осторожно, — возразила Синтара.

— Он только проснулся. Откуда ему знать?

— Страх смерти быстро помогает определиться с нравственными принципами.

Алексей потёр виски.

— Предлагаю временно прекратить философскую комиссию по правам внутренних жильцов и перейти к проверяемым данным.

— Что именно ты предлагаешь? — спросила Синтара.

— Вызвать Тессу. Поднять все записи о прежнем Вестнике. Задать вопросы, ответов на которые нет ни в моей памяти, ни в документах, доступных Наблюдателю через меня.

— Наблюдатель мог поглотить самого Вестника, — напомнила Синтара. — Тогда его фрагмент знает всё, что знал тот человек.

— Верно. Поэтому одних фактов недостаточно.

Мира поняла первой:

— Нужно проверить, как он принимает решения.

— Именно. Память можно украсть. Привычки тоже. Но если он действительно отдельная личность, новые решения со временем начнут отличаться от решений исходного Кирилла.

«Со временем?» — переспросил голос. «Сколько именно вы собираетесь держать меня в клетке?»

«До тех пор, пока не решим, что ты не пытаешься угнать тело».

«А если вы никогда не решите?»

«Тогда у нас будут очень долгие и неприятные отношения».

Синтара вышла за Тессой, оставив у двери дополнительную печать. Мира пересела на кровать рядом с Алексеем.

Несколько минут они молчали.

— Ты его жалеешь, — сказала она.

— Немного.

— Почему?

— Потому что понимаю, каково это — открыть глаза в чужом месте, в чужой жизни и сразу услышать, что ты проблема, которую кто-то должен решить.

— Ты очнулся в чужом теле. Он очнулся внутри тебя.

— Разница техническая.

— Для тебя — возможно. Для меня нет.

Он посмотрел на неё.

— Боишься, что он меня вытеснит?

— Да.

Ответ прозвучал сразу.

Без попытки смягчить.

Мира опустила взгляд на их соприкасающиеся руки.

— Ты уже столько потерял. Имя. Места. Людей. Иногда я

смотрю на тебя и думаю: сколько ещё можно отнять, прежде чем исчезнет именно тот человек, которого я знаю?

— Не знаю.

— А теперь внутри появился кто-то, собранный из чужой памяти. Он может не хотеть причинить тебе вред. Но если смещение продолжится, намерения не будут иметь значения.

— Нейтралис говорит то же самое.

— Тогда хотя бы раз послушай тех, кто пытается тебя сохранить.

Алексей усмехнулся.

— Звучит непривычно. Обычно от меня требуют сохранить город, контур, договор или очередную древнюю тварь.

— Теперь требуют сохранить себя.

— Самая сложная задача из списка.

Внутри отозвалось едва заметное движение.

Кирилл слушал.

— Ты можешь не подслушивать? — спросил Алексей вслух.

«Куда мне уйти?»

— Тоже справедливо.

Мира напряглась.

— Что он сказал?

— Спросил, куда ему уйти.

Она задумалась.

— Можно создать для него отдельное внутреннее пространство?

Нейтралис ответил:

«Теоретически. Резонансные носители иногда формируют закрытые сектора памяти для защиты от внешнего влияния. Но Алексей не обучен подобной технике, а ядро слишком новое».

— Научишь?

«Попытаюсь».

— Не сейчас, — решил Алексей. — Сначала тесты.

Тесса появилась через четверть часа, нагруженная свитками так, будто собиралась провести в комнате ближайшие несколько суток. За ней вошли Ирвель, Эйдан и Одвар. Последний нёс деревянную доску, несколько металлических пластин и небольшой прибор с тремя стрелками.

— Что это? — спросил Алексей.

— Измеритель взаимного проникновения памяти, — ответил Одвар.

— Он рабочий?

— В последний раз использовался сто семь лет назад.

— Переформулирую: он не взорвётся?

— Скорее всего.

— Успокоил.

Одвар поставил прибор на стол и начал соединять его тонкими проводами с металлическими пластинами. Одну положил возле изголовья, вторую закрепил на спинке кровати, третью протянул Алексею.

— Держи в левой руке. Правую оставь свободной. Если

начнётся судорога, пластину бросать нельзя.

— Почему?

— Тогда прибор может решить, что носитель умер, и запишет остаточный отпечаток вместо текущего.

— А если я действительно умру?

— Тогда точность показаний будет уже не главной проблемой.

— Здесь все специалисты так хорошо умеют поддерживать пациента?

— Нет. Некоторые ещё и врут.

Тесса разложила записи по трём стопкам.

— Первая — подтверждённые сведения о Кире. Вторая — сомнительные. Третья — материалы, найденные в запечатанном архиве после сегодняшнего запроса Синтары. Их не открывали девять лет.

— Почему?

Эйдан ответил:

— На ящике стоял приказ прежнего состава Совета. Вскрывать только при появлении нового носителя обломка.

— То есть вы ждали кого-то вроде меня.

— Мы знали, что это может случиться. Не знали когда.

— И не сочли нужным сообщить раньше.

Эйдан выдержал взгляд.

— Нет.

— Прекрасно. Стабильность Совета держится на тайнах, которые раскрывают ровно на одну катастрофу позже необ-

ходимого.

Синтара вернулась последней и закрыла дверь.

— Начинайте.

Одвар коснулся первой пластины. Стрелки дрогнули.

— Носитель, сосредоточься на собственном имени.

— Которого я не помню?

— На том, которым называешь себя сейчас.

Алексей подумал: Рен.

Стрелка слева поднялась почти до середины.

Потом: Алексей.

Вторая стрелка дёрнулась сильнее.

Третья осталась неподвижной.

— Любопытно, — пробормотал Одвар.

— Что?

— Тело признаёт имя Рен. Сознание сильнее отзывается на имя Алексей. Новое ядро пока не реагирует ни на одно.

«Потому что это не мои имена», — сказал Кирилл.

Стрелка справа резко поднялась.

Одвар отступил на полшага.

— Оно ответило?

— Да. Сказало, что имена не его.

— Пусть произнесёт своё.

«Кирилл».

Правая стрелка поднялась почти до упора. Одновременно дёрнулась центральная.

— Почему реагирует твоя память? — спросила Тесса.

— Возможно, потому что я услышал имя и уже связал его с голосом.

— Или имя было взято из твоей памяти, — сказала Синтара.

— Я не знал никакого Кирилла, связанного с этим миром.

— Но знал само имя.

«Если бы я назвался Наполеоном, это тоже считалось бы доказательством подделки?» — раздражённо спросил голос.

— Не помогай Синтаре придумывать новые версии.

Одвар изменил настройку.

— Теперь воспоминание. Пусть покажет событие, которого не было в твоей жизни.

«Какое?»

— Любое яркое, но не связанное с Разломом.

Кирилл колебался.

Затем образ пришёл.

Лето.

Река.

Высокий железнодорожный мост.

Кирилл — лет двенадцати — стоит на бетонной опоре рядом с двумя мальчишками. Внизу медленно течёт мутная вода. Слышен грохот приближающегося поезда.

— Давай! — кричит один из мальчишек.

Они прыгают по очереди.

Кирилл остаётся последним.

Поезд уже выходит на мост. Металл под ногами начинает

дрожать. Он боится прыгнуть, но остаться ещё страшнее.

Мгновение свободного падения.

Удар о воду.

Тёмная глубина.

Паника.

Чья-то рука хватает его за футболку и тянет вверх.

Изображение исчезло.

Алексей судорожно вдохнул.

Руки дрожали. В лёгких осталось ложное ощущение воды.

— Что увидел? — спросила Мира.

Он рассказал.

Одвар посмотрел на стрелки.

— Центральная реакция высокая. Левая тоже.

— Что означает?

— Твой разум воспринимает воспоминание как чужое. Но тело отреагировало так, будто пережило событие самостоятельно.

— Потому что я почувствовал падение.

— Это и есть взаимное проникновение. Опасность пока средняя.

— А высокая как выглядит?

Одвар указал на край шкалы.

— Когда все стрелки показывают одинаковое значение и носитель больше не способен определить источник воспоминания.

Тесса сделала запись.

— Кир, кто вытащил тебя из воды?

«Антон».

— Фамилия?

«Серов».

— Второй мальчик?

«Мишка. Фамилию не помню».

— Где находился мост?

«За городом».

— Каким?

Пауза.

«Не помню название».

Тесса нахмурилась.

— Память фрагментарна. Детали эмоционального центра сохраняются лучше географии.

— Наблюдатель коллекционировал чувства, а не биографии, — предположила Мира.

Нейтралис согласился:

«Вероятно. Для сущности такого типа эмоционально насыщенные отпечатки обладают большей ценностью и устойчивостью».

— То есть он мог собрать нового Кирилла из самых сильных переживаний настоящего, — сказал Алексей. — Страх, вина, надежда, желание вернуться.

«И что это меняет?» — спросил голос.

Алексей задумался.

«Не знаю».

«Если я помню страх того мальчика как свой, если помню воду, руку Антона и боль в лёгких, почему я не Кирилл?»

«Потому что воспоминание может принадлежать тебе, а жизнь — нет».

«Твоя жизнь сейчас тоже принадлежит мальчику по имени Рен».

Фраза ударила точнее, чем хотелось бы.

Алексей замолчал.

Мира заметила.

— Что он сказал?

— Что моя нынешняя жизнь принадлежала Рену.

В комнате стало тихо.

Никто не спешил спорить, потому что спорить было трудно.

Алексей жил в чужом теле. Пользовался его руками, голосом, сердцем. Большая часть людей этого мира видела в нём Рена. Настоящий хозяин тела исчез до того, как Алексей открыл глаза.

Чем его собственное положение принципиально отличалось от положения нового голоса?

Только тем, что Рен не мог возразить.

— Это манипуляция, — сказала Синтара.

— Возможно.

«Это вопрос».

— Он говорит, что это вопрос.

— Вопросы тоже используют для манипуляции.

— Ты сегодня особенно добра.

— Я отвечаю за то, чтобы из этой комнаты вышел тот же человек, который в неё вошёл.

«Он уже не выйдет тем же», — сказал Кирилл.

Правая стрелка прибора задрожала.

Одвар наклонился ближе.

— Резонанс ядра растёт. Что происходит?

— Он утверждает, что я в любом случае изменюсь.

— Пусть отступит от поверхностного слоя сознания.

«Как?»

Нейтралис впервые обратился к голосу напрямую:

«Следуй за моей связью. Я обозначу границу».

Внутри возникло движение.

Светлое присутствие Нейтралиса вытянулось в тонкую линию, охватившую новое ядро. Кирилл попытался сместиться глубже.

Боль пронзила виски Алексея.

На мгновение он снова оказался у реки.

Потом в своей московской квартире.

Потом в камерке Рена.

Три места наложились друг на друга: железнодорожный мост проходил через стену однушки, чёрный лес рос из кухонного пола, а за мутным деревенским окном мчался поезд.

— Остановитесь, — прохрипел Алексей.

Нейтралис разжал контур.

Видение исчезло.

Одвар выругался и ударил по корпусу прибора. Стрелки медленно вернулись назад.

— Не получается, — сказал он. — Ядро уже связано с его памятью множеством каналов. Грубое разделение только усиливает смешение.

— Значит, нужна мягкая граница, — сказала Тесса.

— Или уничтожение ядра до завершения интеграции, — возразила Синтара.

Мира поднялась.

— Нет.

— Это не тебе решать.

— И не тебе.

Воздух между ними словно натянулся.

Алексей поднял свободную руку.

— Давайте без гражданской войны в моей палате. Уничтожение пока не рассматриваем, если нет непосредственной угрозы.

— А если она уже есть? — спросила Синтара.

— Тогда сначала докажем.

Тесса раскрыла запечатанный свиток.

— Возможно, здесь есть способ. Это отчёт о последних трёх днях перед исчезновением Кира. Частично зашифрованный.

Кирилл внутри внезапно напрягся.

Стрелка справа поднялась.

Одвар заметил.

— Ядро узнало документ.

— Ты знаешь, что там? — спросил Алексей.

«Нет».

— Реакция говорит обратное.

«Я чувствую страх».

— Чей?

«Свой».

Тесса начала читать:

— «День первый. Носитель вернулся от северного зеркала с жалобами на повторяющиеся сновидения. Утверждает, что во сне разговаривает с самим собой. Отказывается от изоляции. Контроль над обломком сохраняется».

Она перевернула страницу.

— «День второй. Носитель демонстрирует разрыв кратковременной памяти. Не узнаёт одного из наблюдателей, однако помнит сведения, которых ранее не получал. Во сне произносит слова на неизвестном языке. После пробуждения утверждает, что это язык его мира».

Алексей почувствовал, как по спине ползёт холод.

— Русский?

— Возможно.

Тесса продолжила:

— «День третий. Носитель покинул охраняемое помещение без разрушения печатей. Утверждает, что его выпустил человек, внешне неотличимый от него самого. След привёл к Третьему узлу. Дальнейшее наблюдение невозможно».

Тишина.

— После третьего сна, — сказала Мира.

Алексей посмотрел на записку, лежавшую на столе.

«Если это нашёл не я, не верь голосу после третьего сна».

— Первый уже был, — сказал он.

«Я не помню этих дней», — произнёс Кирилл.

«Но боишься».

«Да».

Синтара подошла ближе.

— Нам необходимо не дать ему уснуть ещё дважды.

Одвар покачал головой.

— Невозможно. Тело истощено. Даже сильные составы дадут сутки, не больше, а потом сон станет глубже и опаснее.

— Можно контролировать содержание сна?

— Иногда. С помощью внешнего резонансного якоря.

Все посмотрели на Миру.

Она не отвела взгляда.

— Что нужно делать?

— Оставаться в физическом контакте и удерживать заранее созданный эмоциональный знак. Как сегодня, только глубже.

— Риск для неё? — спросил Алексей.

— Смещение памяти может затронуть и её.

— Нет.

— Алексей.

— Я сказал нет. Не собираюсь решать одну проблему, за-

тягивая тебя внутрь.

— А я не собираюсь смотреть, как ты исчезаешь из-за того, что решил всё сделать один.

— Это другое.

— Конечно. Когда рискуешь ты, всегда «другое».

Синтара неожиданно поддержала Миру:

— Она имеет право решить сама.

— Прекрасно. Теперь вы объединились именно против меня.

— Не льсти себе, — сказала Синтара. — Я объединяюсь только с логикой.

Тесса подняла руку, будто находилась на занятии.

— Есть ещё одна проблема.

— Какая?

— Отчёт говорит о северном зеркале. Я не знаю такого объекта возле Вайрдена.

Ирвель медленно нахмурился.

— Я знаю.

Все повернулись к нему.

— Это старое название каменного круга в семи днях пути к северу. Позже его стали называть Зеркалом Предела. Считалось, что в определённые ночи оно показывает не отражение смотрящего, а мир, из которого тот пришёл.

— Разлом? — спросил Алексей.

— Не сам Разлом. Скорее его дальний отголосок.

— Кирилл был там перед исчезновением.

— Да.

— Значит, он уже знал дорогу на север.

«Я помню круг», — неожиданно сказал голос.

Перед глазами Алексея возникли высокие каменные плиты, стоящие среди красной сухой травы. В центре лежала идеально гладкая чёрная поверхность, похожая на застывшую воду. В ней отражалось не небо этого мира.

Там горели окна московских домов.

У края отражения стояла женщина.

Тёмные волосы собраны в хвост. Серое пальто. Рука прижата к стеклу с другой стороны.

Лицо снова расплылось.

Но на этот раз Алексей услышал имя.

— Алина, — произнёс он вслух.

Кирилл внутри вскрикнул.

Прибор Одвара зашкалил.

Все три стрелки одновременно ударились о край шкалы.

Мир исчез.

Алексей стоял перед чёрным зеркалом.

Нет.

Кирилл стоял.

Его ладонь лежала на гладкой поверхности. С другой стороны плакала Алина.

— Я вернусь, — говорил он. — Слышишь? Я нашёл способ. Ещё немного.

Она не слышала.

Не могла.

Между мирами не проходил звук.

Позади Кирилла стоял другой человек.

Точная копия.

— Открой дверь, — говорил двойник. — Ты уже почти закончил.

— Что будет с контуром?

— Ничего. Я удержу.

— Кто ты?

— Ты. Тот, кто уже сделал выбор.

Кирилл закрывал глаза и тянулся к Разлому.

В отражении за спиной Алины появлялась высокая чёрная фигура.

Она смотрела не на женщину.

На него.

На них обоих.

Воспоминание оборвалось.

Алексей очнулся на полу.

Кто-то удерживал его плечи. Во рту была кровь. Прибор Одвара дымился, одна стрелка расплавилась.

— Алексей! — Мира склонилась над ним. — Назови меня.

Он смотрел на неё и не мог ответить.

Лицо было знакомым.

Важным.

Но имя исчезло.

Вместо него в голове звучало другое.

Алина.

— Алина, — выдохнул он.

Женщина над ним застыла.

Боль в её глазах оказалась сильнее любой резонансной перегрузки.

— Нет, — сказала она тихо. — Я не Алина.

Реальность начала возвращаться слоями.

Шрам.

Красный огонь.

Рука, удерживавшая его у Наблюдателя.

Обещание идти вместе.

— Мира, — прохрипел Алексей. — Ты Мира.

Она не сразу отпустила напряжение.

— Да.

— Прости.

— Это был он?

Алексей прислушался.

Кирилл внутри тоже был потрясён.

«Я не хотел».

— Не специально.

Мира поднялась и отошла на шаг.

Совсем небольшой шаг.

Но Алексей почувствовал его как пропасть.

Одвар выдернул провода из дымящегося прибора.

— Испытание закончено. Дальше продолжать нельзя.

Смешение уже достигало критической отметки.

— На сколько? — спросила Синтара.

— На несколько секунд источники памяти совпали полностью. Если такое состояние продержится дольше, разделить личности может стать невозможно.

— Но мы получили имя, — сказала Тесса. — Алина. Можно искать по архивам Кира.

— И место, — добавил Ирвель. — Северное зеркало.

Синтара посмотрела на Алексея.

— Теперь ты понимаешь опасность?

— Понимал и раньше.

— Нет. Раньше ты считал это ещё одной задачей, которую можно решить на ходу. Теперь ты на несколько секунд забыл женщину, удерживавшую твою личность.

Мира стояла у стены, отвернувшись.

Алексей медленно сел.

— Понимаю.

Кирилл заговорил:

«Скажи ей, что мне жаль».

«Сам когда-нибудь скажешь, если заслужишь право говорить снаружи».

«Справедливо».

Тесса осторожно убрала записку.

— До второго сна нужно подготовить якорь. И выяснить, что случилось с Алиной.

— А ещё определить, кто говорил через стражника, —

сказал Хирс от двери. — Если настоящий Кирилл у Разлома, он каким-то образом передаёт сообщения через людей, которых коснулся Наблюдатель.

— Или Наблюдатель хочет, чтобы мы так думали, — напомнила Синтара.

— В любом случае путь ведёт на север, — сказал Ирвель. Эйдан впервые за долгое время подал голос:

— Экспедицию пока не разрешаю.

Алексей поднял голову.

— Почему?

— Потому что ты нестабилен. Внутри тебя неизвестное ядро, которое может оказаться копией, орудием или частью предыдущего носителя. После второго и третьего сна риск возрастёт. Выпустить тебя из защищённого помещения сейчас — значит повторить события девятилетней давности.

— А оставить здесь — значит ждать, пока сценарий повторится сам.

— Мы усилим защиту.

— Кирилл девять лет назад вышел из камеры, не разрушив печати.

— Ты сам только что слышал отчёт. Тем более не пойдёшь.

Алексей хотел подняться, но ноги подвели. Мира инстинктивно шагнула к нему, затем остановилась.

Это движение заметили оба.

— Мне нужно поговорить с Мирой наедине, — сказал

Алексей.

Синтара покачала головой.

— После случившегося я не оставлю тебя без наблюдения.

— Тогда стойте за дверью.

— Нет.

Мира повернулась.

— Я останусь. Если он снова потеряет себя, позову.

Синтара долго смотрела на неё, потом кивнула.

— Пять минут.

Остальные вышли. Одвар унёс повреждённый прибор. Тесса забрала документы, но оставила шкатулку с картой памяти на столе.

Дверь закрылась.

Мира продолжала стоять у стены.

— Прости, — повторил Алексей.

— Ты уже сказал.

— Но этого мало.

— Да.

Честность причиняла боль, но он был ей благодарен.

— Когда я назвал тебя Алиной, я не просто перепутал имена. На несколько секунд я действительно видел её вместо тебя.

— Я поняла.

— Кирилл любил её.

Мира вздрогнула.

— А ты?

— Я чувствовал его любовь как свою.

Она наконец посмотрела на него.

— Именно этого я и боялась.

— Я тоже.

— Что будет, если однажды ты согласишься на меня и увидишь только её?

— Не знаю.

— Что будет, если однажды я стану для тебя чужой, а чужая женщина из чужих воспоминаний — родной?

— Не знаю.

— Ты постоянно говоришь это.

— Потому что врать тебе сейчас было бы хуже.

Мира подошла ближе.

— Тогда ответь на то, что знаешь. Сейчас ты понимаешь, кто я?

— Да.

— Что ты чувствуешь?

Он не стал прятаться за шуткой.

— Страх, что потеряю тебя раньше, чем успею понять, кем ты для меня стала.

Мира закрыла глаза.

На мгновение её лицо смягчилось. Потом она села рядом.

— Вот это и будет якорем для второго сна.

— Страх?

— Нет. Честность.

Она положила его ладонь себе на грудь, туда, где под тка-

нью ровно билось сердце.

— Запомни ритм.

— Мира...

— Запомни.

Он сосредоточился.

Два быстрых удара.

Пауза.

Ещё один.

Снова два быстрых.

Её сердце билось чаще обычного.

— Во втором сне я найду тебя по этому ритму, — сказала она. — Что бы ты ни увидел. Какое бы лицо у меня ни было.

— А если Наблюдатель скопирует ритм?

— Тогда я изменю его, когда ты приблизишься.

— Как?

— Придумаю.

— План выглядит недостаточно документированным.

— Другого нет.

Алексей кивнул.

Внутри Кирилл молчал так тихо, что почти исчез.

И всё же перед тем, как Синтара постучала в дверь, он произнёс:

«Я вспомнил ещё кое-что».

«Что?»

«Во сне у зеркала я видел не только Алину».

Перед внутренним взглядом снова возникло Северное

зеркало.

Алина стояла по другую сторону.

Рядом с ней появился ещё один человек.

Взрослый мужчина в старой куртке и растянутом свитере.

Он подошёл к зеркалу, посмотрел прямо на Кирилла и поднял руку, будто видел его.

Алексей узнал себя.

Не тело Рена.

Себя прежнего.

Тридцатидвухлетнего системного администратора Алексея Морозова.

На несколько лет моложе дня собственной смерти.

«Этого не может быть», — подумал он.

«Я видел тебя», — сказал Кирилл. «Ещё до того, как ты умер».

В дверь снова постучали.

— Время, — сказала Синтара снаружи.

Алексей продолжал смотреть на собственное взрослое лицо в чужом воспоминании.

Девять лет назад Кирилл стоял перед зеркалом между мирами.

А на другой стороне Алексей, ещё живой и ничего не знавший ни о Вайрдене, ни о резонансе, смотрел прямо на него.

И улыбался.

Той самой кривой, усталой улыбкой, которой Алексей обычно встречал особенно неприятные рабочие проблемы.

Только сам Алексей совершенно не помнил, чтобы это когда-либо происходило.

Глава 4. Цена нового ядра

Глава 4. Цена нового ядра

Собственное лицо в чужом воспоминании не исчезло после того, как образ Северного зеркала погас.

Оно осталось.

Не перед глазами — глубже, в том месте, где память обычно хранила вещи, которые человек считал несомненно своими. Алексей сидел на кровати в изолированной комнате, чувствовал под ладонью ритм сердца Миры и одновременно видел самого себя девятилетней давности по другую сторону чёрного зеркала.

Взрослый мужчина.

Тридцать с небольшим.

Старая куртка.

Растянутый свитер.

Усталое лицо.

Он выглядел почти так же, как в день смерти.

Но взгляд был другим.

Слишком спокойным.

Слишком понимающим.

Так смотрят не на невозможное чудо, внезапно возникшее посреди обычной жизни, а на человека, встречу с которым давно ожидали.

«Ты уверен, что это был я?» — спросил Алексей.

«Да», — ответил Кирилл.

«Ты мог собрать образ из моей памяти уже сегодня».

«Мог».

«Наблюдатель мог вставить его в твоё воспоминание».

«Мог».

«Очень полезный разговор».

«Ты требуешь уверенности там, где её нет».

В дверь снова постучала Синтара.

— Время.

Мира убрала руку с ладони Алексея. Тепло исчезло, и новое ядро отозвалось слабым движением, словно заметило потерю опоры.

— Ты ей скажешь? — спросила она.

— Придётся.

— Боишься, что Совет использует это против тебя?

— Совет способен использовать против меня даже способ держать ложку. Но скрывать подобное сейчас опаснее.

Она открыла дверь.

Синтара вошла первой. Следом вернулись Тесса, Ирвель, Эйдан и Жгтун. Одвара не было — он ушёл спасать измерительный прибор или хотя бы выяснять, какую именно часть устройства Алексей успел окончательно сжечь.

— Что произошло? — спросила Синтара, сразу заметив выражение лица Алексея.

— Кирилл вспомнил Северное зеркало.

— Это мы уже знаем.

— В его воспоминании по другую сторону находилась Алина. А потом рядом с ней появился я.

Жгтун нахмурился.

— Ты в нынешнем теле?

— Нет. В прежнем.

Тесса едва не выронила свитки.

— До своего появления здесь?

— Судя по всему, за несколько лет до смерти.

— Ты помнишь это событие?

— Нет.

Эйдан медленно приблизился.

— Опиши обстановку.

— Кирилл стоял перед чёрной поверхностью Северного зеркала. На другой стороне была Москва или место, очень похожее на неё. Сначала появилась женщина по имени Алина. Затем подошёл я. Взрослый. В своей старой одежде. Посмотрел прямо на Кирилла и улыбнулся.

— Мог видеть его? — спросил Ирвель.

«Да», — ответил Кирилл.

— Кирилл уверен, что мог.

Синтара посмотрела на Тессу.

— Есть записи о способности Зеркала показывать разные моменты времени?

— Есть легенды, но ничего подтверждённого. Некоторые тексты называют его не окном между пространствами, а «гладью несостоявшихся встреч». Это может означать, что

Оно показывает не только настоящее.

— Или не только реальность, — добавила Мира.

Алексей кивнул.

— Образ мог быть возможным будущим, чужой памятью, ловушкой Наблюдателя или чем угодно ещё. Но Кирилл считает, что видел меня.

— Почему ты не помнишь? — спросил Жгтун.

— Возможно, потому что этого не происходило в моей линии жизни.

— Линии жизни?

— Представь дорогу с развилками. На одной я дошёл до зеркала. На другой пошёл за кефиром и умер об урну.

Жгтун медленно покачал головой.

— Иногда твой мир звучит ещё безумнее нашего.

— Ты даже не представляешь.

Эйдан подошёл к окну и несколько секунд смотрел на защитные линии.

— Северное зеркало необходимо исследовать. Но не сейчас.

— Это уже начинает звучать как навязчивая идея, — заметил Алексей. — Всё интересное обязательно «не сейчас».

— Потому что сейчас ты нестабилен. Один контакт с чужим воспоминанием заставил тебя забыть Миру.

В комнате стало неловко тихо.

Жгтун посмотрел на Миру, затем на Алексея, но комментировать не стал.

— Я вспомнил её через несколько секунд.

— В следующий раз можешь не вспомнить.

— Значит, нужно понять механизм до следующего раза.

— Именно этим мы и займёмся, — сказала Тесса. —

Я предлагаю проверить новую способность, обозначенную Нейтралисом как Чужой голос.

— Звучит как название дешёвой страшилки, — заметил Алексей.

— Название сформировалось из твоего собственного восприятия.

— Значит, претензии к отделу внутреннего маркетинга. Синтара нахмурилась.

— Вы только что едва не потеряли границу личностей. Какая ещё проверка?

— Контролируемая, — быстро сказала Тесса. — Без предметов Кирилла и без сильных эмоциональных воспоминаний. Если способность позволяет обращаться к отпечаткам поглощённых людей, мы сможем определить её ограничения и, возможно, найти способ отделять источники памяти.

— Или ещё сильнее перемешаем сознание Рена.

— Если ничего не делать, смешение продолжится само.

Синтара посмотрела на Нейтралиса, хотя физически увидеть его не могла.

— Твоё мнение?

Голос сущности прозвучал через Алексея:

— Ограниченное испытание оправданно. Новое ядро уже

обменивается структурой с сознанием носителя. Нам необходимо научиться различать каналы до второго сна.

— Условия?

— Один слабый отпечаток. Никаких личных предметов. Мира сохраняет физический контакт. При первых признаках смещения испытание прекращается.

— Кто будет отпечатком? — спросил Алексей.

Тесса посмотрела на лежавшего в соседней комнате стражника.

— Один из тех, чьи голоса фрагмент использовал при формировании тела. Если ядро сохранило след, доступ должен быть неглубоким. Человек жив, поэтому его личность не могла быть поглощена полностью.

— Ты предлагаешь залезть в память живого человека без его согласия.

— Нет. Использовать остаток, уже оторванный Наблюдателем. Это не одно и то же.

— Для него разница может оказаться чисто теоретической.

Мира поддержала Алексея:

— Сначала спросим согласие.

Синтара кивнула.

— Разумно.

Первый стражник всё ещё был без сознания. Второй пришёл в себя около часа назад, но говорить мог лишь шёпотом. Его звали Дарн. Мужчине было около сорока, половину жиз-

ни он прослужил Совету и теперь выглядел не столько испуганным, сколько оскорблённым произошедшим.

— Эта дрянь украла мой голос, — прохрипел он, выслушав объяснение. — И теперь вы хотите, чтобы мальчишка полез за остатками?

— Только если согласишься, — сказал Алексей. — Отказ ничего не изменит в твоём лечении.

Дарн внимательно посмотрел на него.

— Ты ведь сам не знаешь, что случится.

— Не знаю.

— Хорошо.

— Что именно хорошо?

— Что не врёшь. Лезь.

— Уверен?

— Если там остался кусок меня, хочу знать какой. И хочу вернуть, если получится.

Испытание решили провести не в изолированной комнате, а в небольшом медицинском зале, где светлый защитный контур можно было быстро замкнуть вокруг двух кроватей. Дарн сел напротив Алексея. Мира заняла место справа и положила ладонь ему на запястье.

Синтара стояла в круге, готовая мгновенно разорвать физический контакт.

Тесса устроилась за границей со свитком и чистыми листами для записей. Эйдан наблюдал из дальнего угла. Жгтун прислонился к двери.

Одвар всё-таки вернулся, принёс другой измеритель — заметно меньше прежнего и, по его словам, «почти наверняка безопасный».

— Почему почти? — спросил Алексей.

— Потому что абсолютно безопасные приборы обычно ничего полезного не измеряют.

— Логика инженера-самоучки.

— Я сто двадцать лет обслуживаю узлы.

— Значит, сертифицированного инженера-самоучки.

Одвар закрепил на висках Алексея две тонкие металлические пластинки, соединённые с прибором.

— Если стрелка войдёт в красную область, прекращаем.

— А если прибор задымится?

— Тоже прекращаем.

— Начинаю разбираться в местных стандартах.

Дарн вытянул руки.

— Нужно касаться?

Нейтралис ответил:

— Не обязательно. Отпечаток находится внутри ядра, а не в физическом теле. Но присутствие исходного человека поможет отделить настоящее воспоминание от искажения.

Алексей закрыл глаза.

Новое ядро пульсировало рядом с обломком. Теперь, после первого сна и вспышки у Северного зеркала, оно стало заметно плотнее. Кирилл находился внутри, но не занимал ядро целиком. За его присутствием лежал глубокий слой —

тёмный, наполненный множеством свёрнутых отпечатков.

Не личности.

Скорее фрагменты.

Один смех.

Одна боль.

Один момент ужаса.

Последняя мысль.

Имя ребёнка.

Запах дома.

Наблюдатель забирал не людей целиком одним движением. Он отрывал то, что в конкретный момент звучало громче всего.

«Не открывай сразу весь слой», — предупредил Нейтралис. «Ищи отклик Дарна».

«Как?»

«Слушай физическое присутствие напротив. Сердцебиение. Дыхание. Его резонанс оставляет уникальный ритм».

Мира сжала его запястье.

Два быстрых удара её сердца, ощущавшихся через эмоциональную связь.

Пауза.

Один.

Якорь.

Алексей сосредоточился на Дарне.

Хриплое дыхание.

Сдерживаемая боль в горле.

Запах лекарственной мази.

Злость.

Глубже злости — страх навсегда остаться без голоса.

Тёмный слой внутри ядра отозвался.

Один из свёрнутых отпечатков дрогнул.

Алексей осторожно коснулся его.

Мир изменился.

Он стоял у ворот резиденции.

Рассвет едва начинался. Дарн держал копьё и спорил с молодым стражником по имени Лесс о том, кто должен идти за горячей едой после смены.

— В прошлый раз ходил я, — говорил Лесс.

— В прошлый раз ты половину сожрал по дороге.

— Только лепёшку.

— Там было две.

Сад впереди затягивал туман.

Дарн первым заметил тёмный силуэт.

— Стой! Назови себя!

Фигура не остановилась.

Он поднял копьё.

Холод.

Чужое лицо под капюшоном.

Нет, не лицо.

Множество лиц.

Среди них — женщина с тёмными волосами.

Она смотрит на Дарна и говорит голосом его умершей же-

ны:

— Ты обещал вернуться раньше.

Копьё выпадает из рук.

Дарн не может дышать.

Чёрная рука касается его горла.

И забирает не голос.

Воспоминание.

Последний разговор с женой перед её смертью.

Дарн кричал на неё из-за пустяка. Из-за денег, потраченных на лекарство для соседского ребёнка. Она ушла в дру-
гую комнату. Ночью ей стало плохо. Утром она умерла.

Он двадцать лет помнил последние слова:

— Иногда ты считаешь медяки лучше, чем живых людей.

Фрагмент вырвал этот момент.

Оставил в Дарне вину без причины.

Боль без лица.

Алексей отшатнулся.

— Остановить? — резко спросила Синтара.

— Нет. Я нашёл.

Дарн смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Что?

Алексей не хотел произносить при всех.

— Твой последний разговор с женой.

Мужчина побледнел.

— Я не помню слов.

— Я помню.

Дарн закрыл глаза.

— Скажи.

Алексей повторил фразу.

Мужчина согнулся, будто получил удар в живот.

Его губы дрогнули.

— Лейра.

Имя вырвалось с хрипом.

В тот же миг отпечаток внутри ядра раскрылся полностью.

Память хлынула в Алексея.

Дарн и Лейра на летней ярмарке.

Их первый дом.

Рождение дочери.

Ссора.

Болезнь.

Утро, когда он обнаружил её неподвижной.

Двадцать лет вины.

Стрелка прибора рванулась к красной области.

— Прекращай! — приказала Синтара.

Алексей попытался закрыть отпечаток.

Не получилось.

Воспоминание цеплялось за него.

Оно хотело вернуться к хозяину, но не знало дороги. Новое ядро удерживало его, как часть собственной структуры.

«Не вырывай», — сказал Кирилл. «Передай».

«Как?»

«Через голос».

Алексей открыл рот.

Первый звук вышел голосом Дарна.

— Лейра.

Мужчина напротив вздрогнул.

Тонкая серая нить появилась между ними.

Она тянулась не изо рта, а из груди Алексея. Внутри нити вспыхивали короткие образы.

Дарн протянул руку.

Серая нить коснулась его пальцев.

Он закричал.

На этот раз громко.

Настоящим голосом.

Светлый круг вспыхнул. Синтара шагнула вперёд, но Нейтралис остановил:

— Не разрывай. Идёт возврат.

Нить втянулась в грудь Дарна.

Мужчина рухнул на колени. Из глаз текли слёзы. Он повторял имя жены снова и снова, будто боялся тут же потерять его.

Прибор Одвара зазвенел и погас.

Алексей открыл глаза.

Комната вернулась.

Мира продолжала держать его за запястье, но теперь её сердце билось быстро и неровно.

— Я здесь, — сказал он.

— Кто я?

— Мира.

— Что ты чувствуешь?

— Твою руку. Тревогу. И желание ударить меня, если отвечу неправильно.

— Хорошо.

Дарн сидел на полу. Лекарь бросился к нему, но мужчина оттолкнул помощь.

— Я вспомнил, — сказал он.

Голос оставался хриплым, но звучал значительно крепче.

— Всё?

— Её последние слова. Лицо. Почему я... — Он закрыл рот ладонью.

Несколько секунд Дарн молча плакал.

Никто не мешал.

Наконец он поднялся, опираясь на кровать, и посмотрел на Алексея.

— Ты вернул мне это.

— Да.

— Зачем?

— Ты попросил.

Дарн медленно кивнул.

— Спасибо.

Он вышел вместе с лекарем.

Когда дверь закрылась, Синтара повернулась к Алексею.

— Что ты сделал?

— Вернул украденный отпечаток.

— Ты знал, что способен?

— Нет.

Тесса писала так быстро, что перо царапало бумагу.

— Чужой голос не только обращается к памяти поглощённых. Он способен отделять отпечатки и возвращать их исходным владельцам.

— При условии, что владелец жив, — уточнил Нейтралис.

— А если мёртв?

— Тогда возвращать некому.

Мать Веста, присутствовавшая у внешнего круга в сопровождении двух бойцов, тихо спросила:

— Можно ли освободить голоса, удерживаемые Наблюдателем?

В комнате снова стало тихо.

Нейтралис ответил осторожно:

— Теоретически. Если получить доступ к основной структуре сущности и сохранить разделение отпечатков.

— То есть Алексей может разобрать Наблюдателя изнутри, — сказала Тесса.

— Или раствориться в тысячах чужих жизней при попытке, — добавила Синтара. — Не забывай цену.

Алексей уже чувствовал её.

Внутри осталось что-то от Дарна.

Не воспоминание целиком. Послевкусие.

Запах волос Лейры.

Тёплый свет летней ярмарки.

Раздражение из-за пропавших медяков.

Он знал, что эти ощущения чужие.

Пока знал.

Но граница стала тоньше.

— Проверка, — сказала Мира, заметив его состояние. —

Где ты жил до этого мира?

Алексей открыл рот.

Ответа не было.

Улица исчезла раньше, отданная старшей сущности.

— Не помню.

— Как звали твоего начальника?

— Владимир Петрович.

— Что было в холодильнике?

— Банка горошка и выдохшаяся минералка.

— Зачем вышел из дома?

— За кефиром.

— Кто я?

— Мира.

— Кто такая Лейра?

— Жена Дарна.

— Что ты к ней чувствуешь?

Он прислушался.

— Сожаление. Тепло. Вину.

Мира побледнела.

— Это чувства Дарна.

— Знаю.

— Уверен?

Вопрос оказался сложнее, чем должен был.

Алексей закрыл глаза.

Лейра улыбалась ему на ярмарке.

Нет.

Дарну.

Она касалась его лица.

Не его.

Чужого.

Он знал это разумом, но тело отзывалось так, будто прикосновение помнилось кожей.

— Уверен, — сказал Алексей с задержкой.

Синтара заметила её.

— Испытания прекращаем.

Тесса не спорила.

Одвар снял пластины с висков Алексея.

— У способности есть цена. Каждый вызванный отпечаток оставляет остаточное эхо.

— Насколько надолго?

— Не знаю.

— Примерно?

— От нескольких часов до всей жизни.

— Широкий диапазон.

— Для точности нужны повторные испытания.

— Которых не будет, — отрезала Синтара.

Одвар пожал плечами.

— Тогда диапазон останется широким.

Алексей поднялся. Комната качнулась, но Мира удержала его.

Кирилл внутри молчал.

«Это ты подсказал передать память через голос», — сказал Алексей.

«Да».

«Откуда знал?»

«Не знаю. Навык остался, даже если воспоминание исчезло».

«Ты делал это раньше?»

«Возможно».

Нейтралис вмешался:

«Способность могла принадлежать настоящему Кириллу. Именно поэтому его называли Вестником. Не потому, что он слышал другие контуры, а потому, что мог переносить отпечатки между носителями».

«Тогда почему в документах об этом нет?»

«Кто-то удалил сведения».

Все взгляды обратились к Эйдану.

Куратор понял причину ещё до того, как Алексей пересказал вывод.

— Я не знал об этой функции, — сказал он.

Синтара холодно усмехнулась.

— В последнее время эта фраза звучит от руководителя Совета слишком часто.

— В архивах прежнего состава могли остаться запечатанные материалы.

— Которые ты не удосужился проверить за пятнадцать лет?

— Архив занимает десятки подземных залов. Часть печатей невозможно открыть без носителя обломка.

— Удобно.

— Достаточно, — сказал Алексей. — Виноватых найдём позже. Сейчас важнее понять, почему мой предшественник мог возвращать память и как это связано с Наблюдателем.

Тесса задумалась.

— Возможно, носители обломков создавались как противовес. Наблюдатель собирает голоса, Вестник способен их разделять и передавать.

— Тогда система действительно притянула Алексея намеренно, — сказала Мира.

— Или обломок искал совместимого носителя, — добавил Нейтралис.

Жгтун оттолкнулся от стены.

— Есть практическая польза прямо сейчас?

— Мы можем помочь остальным стражникам, — ответил Алексей.

— Нет, — сказала Синтара.

— Их голоса ещё не вернулись полностью.

— Ты уже получил остаточное смещение после одного человека.

— Отпечатки небольшие.

— Не знаешь.

— Если ждать, они могут исчезнуть.

— Тоже не знаешь.

Алексей посмотрел на неё.

— А если бы на полу лежали твои люди после обычной атаки, ты бы запретила лекарю помогать из-за риска?

— Лекарь обучен.

— А я — единственный, кто может это сделать.

— Именно поэтому ты слишком ценишь, чтобы рисковать собой ради каждого отдельного пострадавшего.

— Вот она, арифметика Совета. Один редкий инструмент дороже трёх обычных людей.

Синтара шагнула ближе.

— Я пытаюсь удержать в живых человека, который за последние сутки едва не погиб несколько раз.

— А я пытаюсь не стать человеком, который мог помочь и не помог, потому что посчитал себя слишком ценным.

— Ты не имеешь права решать за всех, кто зависит от тебя.

— И ты не имеешь права решать за тех стражников.

Напряжение между ними стало почти физическим.

Жгтун встал сбоку, но не вмешался.

Мира сказала:

— Спросим их.

Синтара повернула голову.

— Что?

— Как с Дарном. Объясним риск. Пусть решают сами.

— Они могут согласиться из страха.

— А Алексей согласился рисковать собой не из страха?

Синтара медленно выдохнула.

— Один человек. После этого проверяем состояние. Если смещение усилилось, прекращаем.

— Согласен, — сказал Алексей.

Второго стражника звали Орс. Он был моложе Дарна, всего лет двадцати трёх, и после пробуждения не мог произнести ни звука. Услышав объяснение, написал на дощечке одно слово:

«Верни».

Испытание повторили с усиленным якорем. На этот раз Мира сидела ближе, обеими руками удерживая запястье Алексея. Нейтралис заранее сформировал тонкую светлую оболочку вокруг ядра, чтобы ограничить распространение чужой памяти.

Алексей нашёл отпечаток Орса быстрее.

Запах мокрого дерева.

Ворота.

Тёмная фигура.

Лицо младшей сестры, которую Орс оставил в деревне пять лет назад.

Она кричала ему вслед:

— Ты обещал вернуться весной!

Фрагмент украл обещание.

Не воспоминание о сестре целиком.

Только чувство долга перед ней.

Орс знал, что должен вернуться, но больше не понимал почему. Пустота медленно превращала желание в навязчивую тревогу.

Алексей направил отпечаток обратно.

Серая нить протянулась между ними.

На этот раз процесс шёл мягче. Светлая оболочка Нейтралиса удерживала побочные образы. Мира ровно передавала знакомый ритм.

Два удара.

Пауза.

Один.

Два.

Орс втянул нить с резким вдохом.

— Нейя, — сказал он.

Голос вернулся.

Алексей закрыл отпечаток.

Мир остался на месте.

Прибор Одвара не задымился.

— Успешно, — сообщил хранитель. — Остаточное смешение значительно ниже.

Синтара посмотрела на Алексея.

— Кто такая Нейя?

— Сестра Орс.

— Что чувствуешь?

— Обещание вернуться.

— Куда?

Перед глазами вспыхнула деревня.

Круглый колодец.

Дом с зелёной дверью.

Старая яблоня.

— На северо-восток. Деревня возле реки. Название...

Слово почти пришло.

Алексей остановился.

— Не буду искать глубже.

Одвар одобрительно кивнул.

— Правильно. Чем сильнее пытаешься извлечь детали, тем глубже закрепляется отпечаток.

Орс плакал и смеялся одновременно. Потом схватил Алексея за руку.

— Я помнил её лицо, но не помнил, зачем должен вернуться.

— Теперь помнишь.

— Весной. Я обещал весной.

— Тогда постарайся дожить.

Орс кивнул.

После его ухода Синтара разрешила помочь третьему стражнику, но только после часа отдыха. Алексей не спорил. Новая способность выматывала иначе, чем обычный резонанс. Тело почти не болело, зато голова была переполнена

чужими эмоциональными следами.

Лейра.

Нейя.

Алина.

Мира.

Имена лежали слишком близко.

Он повторял их про себя, распределяя:

Лейра — жена Дарна.

Нейя — сестра Орса.

Алина — женщина Кирилла.

Мира — здесь.

Мира — его якорь.

Мира сидела напротив и следила за ним.

— Ты повторяешь имена.

— Да.

— Помогает?

— Пока.

— Скажи моё.

— Мира.

— Ещё раз.

— Мира.

— Кто я?

— Женщина, которая ударит меня, если снова назову её

Алиной.

— Не только.

— Мой якорь.

Она опустила взгляд.

— Не только.

Алексей почувствовал, как Кирилл шевельнулся внутри. Вместе с ним пришла память об Алине у зеркала — ладонь на чёрной поверхности, слёзы, невозможность услышать.

Он закрыл воспоминание.

— Я не хочу отвечать, пока не уверен, что чувство моё.

Мира долго молчала.

— Честно.

— Но неприятно.

— Очень.

Она поднялась.

— Отдыхай. Я вернусь через час.

— Ты уходишь?

— Мне нужно побыть не рядом с чужими воспоминаниями.

Дверь закрылась.

Алексей остался один физически.

Внутри было тесно.

«Ты причинил ей боль», — сказал Кирилл.

«Знаю».

«Из-за меня».

«Не льсти себе. Главная причина — моя неспособность вовремя остановиться».

«Ты не хотел называть её Алиной».

«Но назвал».

«Алина была важна».

«Для тебя».

«Теперь я не уверен».

Алексей сжал виски.

«Не начинай».

«Я чувствую её иначе, чем раньше. Как будто часть того, что принадлежало мне, осталась в тебе, а часть твоего отношения к Мире перешла ко мне».

«Это смешение».

«Да».

«Нужно поставить границу».

«Да».

«И ты опять слишком легко соглашаешься».

«Потому что тоже боюсь исчезнуть».

Алексей лёг и закрыл глаза, но не позволил себе уснуть.

Нейтралис начал учить его формировать внутреннюю перегородку.

Не стену — стены давили на ядро и вызывали сопротивление. Скорее систему меток. Каждое воспоминание получало признак источника.

Сине-фиолетовая линия — Алексей.

Тёмно-серая — Кирилл.

Белая — Нейтралис.

Красноватые искры — внешние отпечатки.

Техника напоминала разметку данных в хранилище. Не физическое разделение, а каталогизацию.

— Наконец-то задача, похожая на нормальную работу, — пробормотал Алексей.

«Ты называешь нормальной работой сортировку нескольких человеческих личностей внутри собственной головы?» — спросил Кирилл.

«После последних недель требования к нормальности снизились».

Они начали с простого.

Банка горошка в холодильнике — Алексей.

Прыжок с железнодорожного моста — Кирилл.

Сердце Тишины — Нейтралис.

Последний разговор Дарна с Лейрой — внешний отпечаток.

Разметка держалась.

Потом они дошли до Москвы.

Ночная дорога под дождём.

Высотные дома.

Электрический свет.

Воспоминание отзывалось сразу двумя цветами.

Алексей знал Москву.

Кирилл знал Москву.

Город был общим.

— Плохо, — сказал Алексей.

«Почему?»

— Потому что общие категории станут мостами. Через них память продолжит смешиваться.

«Тогда нужно разделять не объекты, а опыт».

— Моя Москва и твоя Москва.

Они попробовали.

Москва Алексея пахла мокрым бетоном, кофе из автомата, пылью серверной, дешёвым табаком соседа и утренним кефиром, который он так и не выпил.

Москва Кирилла пахла разогретым асфальтом у железнодорожного моста, машинным маслом старой «Тойоты», духами Алины и озоном возле монитора, на котором впервые появилась сине-фиолетовая трещина.

Граница сформировалась.

Слабая, но настоящая.

«Получилось», — сказал Кирилл.

«Пока».

«Ты всегда добавляешь это слово?»

«Научился здесь».

Нейтралис оценил структуру:

«Разделение устойчиво на поверхностном уровне. При сильной эмоциональной нагрузке границы могут разрушиться».

«Значит, тренируем дальше».

Через час вернулась Тесса, но без Миры.

Она принесла еду, чистую воду и новые записи.

— Где Мира?

— С Синтарой. Проверяют подготовку комнаты для второго сна.

— Она злится?

— Да.

— Насколько?

— Я архивист, а не измеритель женского гнева.

— В вашем мире совершенно отсутствуют полезные специалисты.

Тесса поставила поднос.

— Я нашла Алину.

Алексей забыл о еде.

— В архивах?

— В запечатанном отчёте Кира. Имя встречается один раз. «Алина Воронцова». Он написал его на внутренней стороне металлической пластины перед последним походом к Северному зеркалу.

Кирилл внутри дёрнулся.

«Фамилия».

«Узнаёшь?»

«Да. Наверное».

Перед глазами появилось женское лицо.

На этот раз не расплывчатое.

Тёмные волосы.

Серые глаза.

Тонкая полоска шрама возле подбородка.

Она сидит на кухне, пьёт чай и смотрит на Кирилла поверх кружки.

— Если опять полезешь в системник ночью, спать будешь

рядом с ним.

— Он хотя бы не отбирает одеяло.

— Зато шумит.

— У вас много общего.

Она бросает в него салфетку.

Картинка тёплая.

Обычная.

Настолько живая, что у Алексея сжалось сердце.

Красноватая метка Миры внутри сознания дрогнула.

Нет.

Не красноватая.

Он не успел пометить чувства к Мире.

Это был новый мост.

— Закрой воспоминание, — резко сказал Алексей вслух.

«Я не открывал намеренно», — ответил Кирилл.

Тесса замерла.

— Что происходит?

— Имя вызвало память. Слишком яркую.

— Удалось отделить?

— Да.

Это было не совсем правдой.

Он отделил образ.

Но тепло осталось.

Тесса протянула пластину.

— Здесь ещё координаты. Не Северного зеркала. Другой точки.

На металле были выцарапаны цифры и три символа.

Нейтралис распознал их:

«Направление на Разлом».

— Кирилл оставил координаты Разлома.

— Похоже на то. Но последняя строка стёрта.

— Намеренно?

— Да. Кто-то соскоблил часть записи.

Кирилл тихо сказал:

«Я сам».

«Почему?»

«Не помню».

Тесса вынула второй лист.

— И ещё. Нашли старый список людей, которые помогали Киру. Среди них четыре члена Совета, двое архивистов и один человек без должности. Имя — Астэр.

Ирвель, стоявший за дверью, услышал через приоткрытый проход и вошёл.

— Астэр?

— Знаете его?

— Знал. Он был специалистом по зеркальным печатям.

Исчез примерно в то же время, что и Кир.

— В списке напротив имени стоит отметка: «Не допускать к третьему сну».

Алексей почувствовал, как внутри стало холодно.

— Значит, третий сон — не просто стадия заражения. Для него требовался кто-то ещё.

— Возможно, проводник, — предположила Тесса.

— Или человек, способный открыть выход из сна в реальность, — добавил Ирвель.

Кирилл молчал.

— Ты помнишь Астэра? — спросил Алексей.

«Нет».

— Совсем?

«Имя вызывает отвращение».

— Почему?

«Не знаю».

Алексей пересказал ответ.

Тесса записала.

— Эмоциональный след без памяти. Как у Дарна после потери разговора с женой.

— Значит, Наблюдатель вырвал конкретный эпизод с Астэром, — сказал Ирвель. — Оставил реакцию, убрал причину.

— Или настоящий Кирилл сам удалил воспоминание, — предположил Алексей. — Он уже умел работать с отпечатками. Мог вырезать опасную информацию, чтобы её не получил голос.

«Я бы не стал добровольно калечить собственную память».

«Я отдал имя ради цепи через несколько дней после попадания сюда. Люди делают странные вещи, когда выбора нет».

Кирилл не ответил.

Третий стражник согласился на возврат отпечатка ближе к вечеру. Его звали Велл, и Наблюдатель забрал у него память о собственном сыне. Не всю — только момент рождения, первое ощущение ребёнка на руках и решение больше никогда не возвращаться к прежней жизни наёмника.

Возврат прошёл успешно.

Но в момент передачи Алексей увидел не только память Велла.

Между слоями промелькнул другой отпечаток.

Холодная комната.

Металлическое кресло.

Мужчина с закрытым повязкой лицом.

Астэр.

Алексей не знал, откуда взялось имя, но был уверен.

Мужчина говорил:

— Третий сон не откроет дверь. Он создаст копию того, кто спит. Один останется здесь. Второй уйдёт через зеркало.

Напротив сидел Кирилл.

— Какая копия будет настоящей?

— Обе.

— Так не бывает.

— После пробуждения будет.

— А что случится с той, что останется?

Астэр улыбнулся.

— Она станет голосом.

Воспоминание исчезло прежде, чем Алексей успел удер-

жать.

Он резко разорвал контакт с Веллом.

Мужчина вскрикнул, но отпечаток уже вернулся. Его сын.
Решение. Голос.

Всё прошло успешно.

Алексей же остался сидеть с ощущением, что внутри открылась новая пропасть.

— Что ты увидел? — спросила Синтара.

Он рассказал.

Ирвель опустил на стул.

Тесса перестала писать.

Кирилл внутри не произносил ни слова.

— Третий сон создаёт копию, — сказала Мира от двери.

Алексей не заметил, как она вернулась.

— Если воспоминание настоящее.

— Тогда слова стражника были точными. Настоящий Кирилл у Разлома. А тот, что внутри тебя, родился сегодня.

«После первого сна», — тихо сказал Кирилл.

Все замерли, когда Алексей передал его слова.

— Что? — спросила Тесса.

«Я родился не сегодня во время боя. Основа появилась девять лет назад, после третьего сна. Но сознание включилось только внутри Алексея, когда заноза получила внешнее ядро».

— Он считает, что был создан девять лет назад как копия Кирилла, но осознал себя только сегодня.

— Тогда где он находился все эти годы? — спросила Синтара.

Нейтралис ответил:

— Внутри Наблюдателя. Как неактивный отпечаток.

— А настоящий Кирилл?

— Вероятно, прошёл через Разлом или остался возле него.

Тесса быстро перелистнула записи.

— Но если третий сон создаёт копию, зачем записка предупреждала не верить голосу после третьего сна?

Кирилл ответил:

«Потому что копия могла получить другую задачу».

— Какую?

Долгое молчание.

«Открыть дверь изнутри носителя».

Синтара вытащила клинок.

Мира встала между ней и Алексеем.

— Убери оружие.

— Если ядро создано для открытия Разлома, оно опаснее, чем мы предполагали.

— Он сам это признал.

— После того как скрывал достаточно долго.

«Я только что вспомнил!» — крикнул Кирилл.

Крик прошёл через Алексея наружу.

Стены комнаты дрогнули.

Светлый контур вспыхнул.

Все слышали голос.

Не Алексея.

Кирилла.

— Я только что вспомнил, — повторил он через рот носителя.

Алексей оказался отеснён на долю секунды.

Не потерял сознание.

Не исчез.

Но тело заговорило без его решения.

Синтара рванулась вперёд.

Мира успела поднять руку.

— Стой!

Алексей перехватил контроль.

Воздух вошёл в лёгкие судорожным рывком.

— Я здесь.

— Кто говорит? — потребовала Синтара.

— Алексей.

— Знак, — сказала Мира.

Она протянула ладонь.

Алексей повторил круг, крест и две точки.

Затем новый ритм.

Два удара.

Пауза.

Один.

Мира медленно опустила руку.

— Он вернулся.

— Я никуда не уходил, — сказал Алексей. — Кирилл просто на секунду получил доступ к голосу.

— Без разрешения.

«Я не хотел».

— Он утверждает, что случайно.

— Ещё раз — и я замкну контур на уничтожение, — сказала Синтара.

«Понял».

— Понял.

Алексей встал. Ноги дрожали, но он заставил себя удержаться.

— Теперь мы знаем больше. Копия Кирилла, возможно, была создана как ключ для Разлома. Настоящий Кирилл мог пройти на другую сторону. Астэр участвовал в процедуре. После этого исчез.

— И через два сна копия может активироваться полностью, — добавила Тесса.

— Или измениться, — сказала Мира.

— Записка говорит не верить голосу, — напомнила Синтара.

Алексей посмотрел на неё.

— Но не говорит уничтожить.

— Возможно, потому что уничтожение невозможно.

— Или потому что настоящий Кирилл рассчитывал, что копия сможет сделать выбор.

Внутри отозвался слабый импульс благодарности.

Алексей сразу пометил его тёмно-серым цветом.

Чужое.

Не его.

Но принятое им решение было своим.

— До второго сна осталось мало времени, — сказал Нейтралис. — Тело истощено. Носитель уснёт в ближайшие часы независимо от желания.

— Подготовим контролируемый сон, — решила Синтара. — Полный внешний круг. Мира — якорь. Нейтралис — внутренняя граница. Остальные наблюдают.

— И Тесса, — сказал Алексей.

Архивистка удивилась.

— Зачем?

— Во сне могут появиться символы или фразы из старых текстов. Ты должна записывать всё, что я буду произносить.

— Если будешь произносить, — поправила она.

— Если голос не решит использовать мой рот для внепланового выступления.

Мира подошла к Алексею.

— Ты уверен, что готов?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что после фразы «я готов» ты обычно немедленно делаешь что-нибудь самоубийственное.

— Наблюдение статистически обоснованное.

Подготовка заняла два часа.

В центре изолированной комнаты установили низкую кровать. Вокруг начертили три круга: белый защитный, красный родовой контур Миры и серебристый наблюдающий слой Совета. У изголовья разместили целые пластины прибора Одвара. У ног — шкатулку с картой памяти Кирилла, пока закрытую.

Синтара настояла, чтобы карта находилась за пределами первого круга.

Тесса приготовила бумагу.

Жгтун сел у двери с клинком на коленях.

Хирс занял место напротив.

Эйдан стоял возле аварийной печати, способной погасить резонанс во всей комнате ценой тяжёлого повреждения носителя.

Мира легла рядом с Алексеем поверх одеяла, не снимая одежды. Одну руку положила ему на грудь, вторую оставила в его ладони.

— Если я потеряю тебя, — сказала она тихо, — вернись на ритм.

— Два. Пауза. Один. Два.

— Я изменю его, когда пойму, что ты меня слышишь.

— А если во сне ты будешь выглядеть как Алина?

На её лице мелькнула боль.

— Тогда не верь лицу. Ищи ритм.

Алексей посмотрел на Синтару.

— Если контроль получит Кирилл, не убивай сразу.

— Зависит от его действий.

— Очень обнадёживающе.

— Если он просто заговорит, дам время. Если попытается разорвать круг — остановлю.

— Постарайся без необратимых методов.

— Постараюсь.

Это было больше, чем он ожидал.

Алексей закрыл глаза.

Внутри он завершил разметку.

Алексей — сине-фиолетовый.

Кирилл — тёмно-серый.

Нейтралис — белый.

Чужие отпечатки — красноватые.

Мира не была воспоминанием.

Ей он не назначил цвет.

Она оставалась внешним ритмом.

Настоящим.

Сон пришёл быстро.

На этот раз Алексей понял момент перехода.

Каменная комната растворилась.

Он оказался на платформе московского метро.

Станция была знакомой и незнакомой одновременно. Белые колонны. Жёлтая линия безопасности. Электронное табло, на котором вместо времени прибытия поезда горели два слова:

ВТОРОЙ СОН.

На платформе не было людей.

Только Кирилл стоял у края в чёрной толстовке, засунув руки в карманы.

— Я не создавал это место, — сказал он сразу.

— Очень убедительное начало.

— Серьёзно.

— Тогда кто?

Из туннеля донёсся далёкий гул поезда.

На электронном табло сменился текст:

ДВЕРЬ ОТКРОЕТСЯ СПРАВА.

— Мы должны проснуться, — сказал Кирилл.

— Согласен.

Они оба попытались.

Ничего не произошло.

Гул становился громче.

Свет в туннеле мигнул.

— Где Мира? — спросил Алексей.

— Не знаю.

Он прислушался.

Ритма не было.

Ни двух ударов.

Ни паузы.

Нейтрелис тоже отсутствовал.

Они остались вдвоём.

Поезд появился из темноты.

Старый московский состав, но окна были полностью чёрными. Он затормозил у платформы с визгом металла. Двери открылись.

Внутри стояли люди.

Дарн.

Орс.

Велл.

Лейра.

Нейя.

Алина.

Все смотрели на Алексея.

— Не входи, — сказал Кирилл.

Из динамиков под потолком прозвучал голос:

— Уважаемые пассажиры. Поезд следует до станции «Разлом». Следующая остановка — «Первый носитель».

Двери начали закрываться.

В дальнем вагоне Алексей увидел взрослого себя.

Того самого, что стоял рядом с Алиной по другую сторону Северного зеркала.

Взрослый Алексей поднял руку и приложил ладонь к стеклу.

На ладони был нарисован знак Миры.

Круг.

Крест.

Две точки.

— Он не может знать знак, — прошептал Кирилл.

— Если видит через меня — может.

Поезд тронулся.

Взрослый двойник не отрывал взгляда.

Его губы произнесли без звука:

«Ты опоздал».

Последний вагон ушёл в туннель.

На противоположной стороне платформы появилась Мира.

Она стояла между колоннами в тёмной одежде, со шрамом на лице.

— Алексей! — позвала она.

Он сделал шаг к ней.

Кирилл схватил его за плечо.

— Подожди.

— Это она.

— Где ритм?

Алексей прислушался.

Два удара.

Пауза.

Один.

Два.

— Есть.

— Она должна изменить его, когда поймёт, что ты слышишь.

Мира протянула руку.

Ритм остался прежним.

— Алексей, иди ко мне.

Он не двигался.

Лицо Миры дрогнуло.

На мгновение стало лицом Алины.

Потом снова изменилось обратно.

— Это не она, — сказал Кирилл.

Свет на станции погас.

Когда включился снова, между ними стоял Астэр.

Высокий мужчина в сером плаще, лицо наполовину закрыто чёрной повязкой.

— Второй сон завершён, — сообщил он.

— Ты настоящий? — спросил Алексей.

— Вопрос задан неправильно.

— Тогда правильный?

— Кто из вас проснётся?

Кирилл отступил на шаг.

Астэр улыбнулся.

— Тело одно. Голоса два. После третьего сна останется только один носитель.

— Записка предупреждала не верить голосу, — сказал Алексей.

— Записку написал тот из вас, кто проиграл в первый раз.

— Настоящий Кирилл?

— Настоящих было двое.

— Где второй?

Астэр указал в туннель вслед ушедшему поезду.

— Дома.

С другой стороны станции донёлся новый гул.

Приближался второй поезд.

На табло появилась надпись:

КОНЕЧНАЯ. ВЫХОДА НЕТ.

Кирилл посмотрел на Алексея.

— Он хочет, чтобы мы дрались за тело.

— Похоже на то.

— Если один из нас должен исчезнуть...

— Не заканчивай.

— Ты не знаешь, что случится после третьего сна.

— Поэтому не будем играть по его правилам.

Астэр рассмеялся.

— Именно это ты сказал девять лет назад.

Стены станции треснули.

Из щелей хлынула чёрная вода.

В ней звучали голоса Наблюдателя.

Множество рук потянулось к платформе.

Мира или то, что носило её лицо, продолжала стоять на-
против.

Ритм внезапно изменился.

Два.

Два.

Пауза.

Один.

Настоящий сигнал.

Но он шёл не от фигуры.

Из-под пола.

Алексей опустился на колени и приложил ладонь к холодной плитке.

Под платформой билась Мира.

Не образ.

Живая связь.

Она была далеко, по другую сторону сна, и пыталась достучаться сквозь ложную станцию.

— Нашёл, — сказал Алексей.

Пол вспыхнул красным светом.

Ложная Мира закричала и рассыпалась.

Астэр отступил.

Кирилл схватил Алексея за руку.

— Вместе?

— До третьего сна.

— А после?

— Решим сами.

Они одновременно ударили ладонями по полу.

Станция раскололась.

Перед пробуждением Алексей увидел последний образ.

Москва.

Знакомый двор.

Бетонная урна.

На льду лежало его взрослое тело.

Рядом стоял человек в сером плаще.

Астэр.

Он наклонился, коснулся пальцами крови на затылке
Алексея и провёл сине-фиолетовую линию по воздуху.

Над телом открылось маленькое чёрное зеркало.

С другой стороны находилась каморка в Черноречье.

На топчане лежал умирающий Рен.

Астэр произнёс:

— Второй готов.

Алексей открыл глаза.

Над ним склонилась Мира.

Её пальцы прижимались к его груди.

Сердце билось изменённым ритмом.

Два.

Два.

Пауза.

Один.

Он повторил ритм на её ладони.

— Я здесь.

Мира закрыла глаза.

— Кто ты?

— Алексей. Рен. Пока оба.

— Кто внутри?

Кирилл ответил через его голос, но на этот раз Алексей
позволил:

— Кирилл. Или его копия.

Синтара шагнула ближе.

— Контроль?

— Общий, — сказал Алексей уже сам. — На несколько секунд. По согласию.

— Что было во сне?

Он рассказал о станции, Астэре, двух Кириллах и увиденной сцене собственной смерти.

Эйдан побледнел.

— Астэр был возле тебя на Земле?

— Да. Он перенёс моё сознание в тело Рена.

Тесса быстро записывала.

— Он сказал: «Второй готов». Значит, Кирилл был первым, а Алексей — вторым носителем, подготовленным по одной схеме.

— Подготовленным для чего? — спросил Жгтун.

Ответ пришёл из шкатулки.

Карта памяти Кирилла вспыхнула сине-фиолетовым светом.

Металлическая крышка треснула.

Над ней появилось маленькое изображение — дрожащее, прозрачное, похожее на проекцию.

На нём был Кирилл.

Настоящий.

С ожогом на щеке.

Он сидел в тёмном помещении, освещённом красной аварийной лампой.

— Если вы это видите, — сказал он по-русски, — значит,

копия пережила второй сон и добралась до следующего носителя.

Внутренний Кирилл застыл.

Проекция продолжила:

— Не уничтожайте её. Она не враг. Но после третьего сна Астэр попытается объединить носителя и копию в единый ключ. Если это произойдёт, Разлом откроется полностью.

Картинка задрожала.

За спиной Кирилла в темноте что-то двигалось.

— У вас осталось мало времени. Не ищите меня в Вайрдене. Не ищите возле Третьего узла. Я на другой стороне Северного зеркала.

Он приблизился к источнику записи.

— И ещё. Если второго носителя зовут Алексей Морозов, передайте ему: мы встречались. Он просто этого не помнит.

Алексей не мог вдохнуть.

Проекция посмотрела прямо на него сквозь девять лет.

— Потому что до смерти ты уже один раз был здесь.

Изображение погасло.

В комнате остался только слабый запах озона.

Алексей смотрел на мёртвую карту памяти и чувствовал, как внутри него Кирилл — копия, голос, самостоятельное ядро — впервые не испытывает ни страха, ни злости.

Только потрясение.

— До смерти, — медленно повторила Мира. — Ты уже был в этом мире?

Алексей попытался вспомнить.

За гладкой серой стеной утраченной памяти что-то дрогнуло.

Мокрая дорога.

Чёрный лес.

Старая серверная.

Мужчина в сером плаще.

И собственный голос, произносящий фразу, которой он никогда не помнил:

— Если я забуду, запусти всё ещё раз.

Стена сомкнулась.

Но было поздно.

Алексей уже понял главное.

Его смерть на гололёде не была началом.

Она была второй попыткой.

Глава 5. Девятый носитель

Глава 5. Девятый носитель

После второго сна Алексей не уснул.

Даже не пытался.

Он сидел на краю низкой кровати, упираясь локтями в колени, и смотрел на светлые линии защитного контура, медленно пульсировавшие на каменном полу. Ритм был ровным, почти успокаивающим. Два коротких всплеска. Один длинный. Пауза.

Совсем не тот ритм, который Мира использовала, чтобы вернуть его из сна.

И всё же мозг упрямо искал сходство, как будто любое повторение теперь могло оказаться скрытым посланием.

До смерти ты уже один раз был здесь.

Фраза настоящего Кирилла продолжала звучать в памяти слишком отчётливо.

Не голосом внутренней копии.

Голосом человека с ожогом на щеке, записанного на земную карту памяти девять лет назад.

Алексей попытался ещё раз заглянуть за серую стену утраченного прошлого. На этот раз осторожно, не давя. Просто прошёл мысленно по последним годам своей московской жизни, проверяя, нет ли среди обычных воспоминаний странных швов.

Работа.

Однушка.

Редкие встречи с бывшими однокурсниками.

Кредит.

Ночные смены.

Дешёвые продукты.

Постоянная усталость.

Всё выглядело привычно, серо и совершенно не похоже на жизнь человека, который хотя бы однажды переходил между мирами.

Но теперь Алексей видел несоответствия.

Он помнил, как устроился на последнюю работу.

Помнил собеседование, кабинет с облупившейся краской и руководителя отдела, который обещал «достойную оплату после испытательного срока». Помнил первый рабочий день.

А вот предыдущие четыре месяца отсутствовали.

Не были размыты, как улица, отданная кругу памяти. Не ощущались вырванными. Просто календарь перескакивал с осени на весну, а сам Алексей раньше ни разу не задавался вопросом, что именно происходило между этими точками.

Потому что мозг умел закрывать пустоты удобными объяснениями.

Устал.

Работал.

Жил.

Обычные месяцы.

Ничего важного.

Теперь эти слова казались аккуратно поставленной заплаткой поверх дыры.

«Ты нашёл ещё один провал», — произнёс Нейтралис.

«Четыре месяца».

«Он возник не из-за недавней платы. Эта область памяти была закрыта задолго до твоего появления здесь».

«Можешь открыть?»

«Безопасно — нет».

«А небезопасно?»

«После двух снов, смешения с Кириллом и нескольких перегрузок за последние сутки ты действительно хочешь услышать ответ?»

«Нет. Но всё равно спрашиваю».

«Попытка грубого вскрытия может разрушить соседние воспоминания. Или активировать то, что намеренно удерживалось внутри».

Алексей провёл ладонью по лицу.

— Конечно. Потому что обычная амнезия была бы слишком скучной.

Мира стояла у узкого окна, глядя на ещё тёмный внутренний двор резиденции. После второго сна она почти не отходила от него, но теперь держалась на расстоянии вытянутой руки, словно оставляла пространство, в котором Алексей мог снова доказать, что остаётся собой.

Он понимал её.

От этого становилось только хуже.

— Ты опять разговариваешь с Нейтралисом? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нашёл провал в памяти. Четыре месяца до последней работы.

Мира повернула голову.

— Ты уверен, что раньше там что-то было?

— Люди редко проводят четыре месяца в абсолютной пустоте. Даже если работают в техподдержке.

— Может, воспоминания забрала одна из сущностей.

— Нейтралис говорит, провал старый.

— Значит, слова записи могут быть правдой.

— Могут.

Она подошла ближе, но не села.

— Что ты собираешься делать?

— Найти отчёт о Кирилле. Полный, а не тот обглоданный вариант, которым нас кормили до сих пор.

— Эйдан сказал, что большая часть записей уничтожена.

— Эйдан много чего говорил. Потом выяснялось, что в соседней комнате лежит ещё один тайный архив, о котором никто не счёл нужным упомянуть.

Дверь открылась прежде, чем Мира успела ответить. В комнату вошла Синтара. За ней — Хирс и совершенно невыспавшаяся Тесса, прижимавшая к груди стопку пластин.

— Совет согласился открыть нижний архив, — сказала Синтара без приветствия. — Временно. Доступ получают

только Тесса, Эйдан, я и ты.

— Мира идёт со мной.

— В разрешении её нет.

— Тогда меня тоже нет.

Синтара тяжело посмотрела на него.

— Рен.

— После второго сна она единственный внешний якорь, которому я доверяю. Кирилл уже один раз заговорил моим ртом. Если в архиве лежит что-то, способное снова вызвать смещение, рядом должен находиться человек, который заметит это раньше вооружённой охраны.

Хирс чуть заметно кивнул.

Синтара заметила.

— Ты тоже решил участвовать в переговорах?

— Он прав.

— Вас обоих сегодня подменили на людей, склонных спорить со мной?

— Нет. Мы просто выспались меньше тебя.

На губах Алексея появилась слабая усмешка.

— Начинаю ценить Хирса всё больше.

Синтара выдохнула через нос.

— Мира идёт. Но касается только тех документов, которые разрешит Тесса. Любая попытка скрыть материал, нарушить печать или покинуть выделенный сектор — и доступ прекращается для всех.

— Договорились.

— Кирилл активен?

Алексей прислушался.

Тёмно-серое присутствие находилось глубже обычного. После второго сна Кирилл почти не говорил, но не спал. Он наблюдал.

«Я здесь», — ответил тот.

— Да.

— Контроль тела?

«Попроси её не повторять вопрос каждые десять минут».

— Он просит разнообразить допрос.

— Значит, активен.

Тесса подошла к кровати и протянула Алексею тонкую металлическую пластину с нанесённой красной линией.

— Это временная метка читателя. Без неё архив не пропустит через внутреннюю дверь.

— Что случится, если взять чужую?

— Печать сломает пальцы.

— Наконец-то библиотека с честными штрафами за нарушение правил.

— Некоторые старые хранители считали, что так люди аккуратнее обращаются с документами.

— Действенный подход. Не уверен насчёт гуманности, зато просрочек, видимо, почти нет.

До нижнего архива шли по коридорам, которыми Алексей прежде не пользовался. Резиденция Совета снаружи выглядела небольшим строгим зданием, но под землёй разраста-

лась в целый комплекс. Лестницы уходили вниз, соединяя каменные галереи, запечатанные залы и узкие технические проходы. Чем глубже они спускались, тем старше становилась кладка.

На третьем нижнем уровне исчезли привычные светильники. Их заменили тонкие полосы белого света, проходившие прямо внутри чёрного камня.

Новое ядро отозвалось на них тревогой.

«Я видел это место», — сказал Кирилл.

«Когда?»

«Не помню».

«Очень удобная специализация: узнавать всё и ничего не объяснять».

«Думаешь, мне нравится?»

Впереди остановилась Тесса.

Перед ними стояла сплошная каменная стена без дверей. На уровне груди в неё была встроена чёрная пластина с девятью углублениями.

— Метки, — сказала архивистка.

Синтара первой приложила свою пластину. Одно углубление вспыхнуло серебром. Затем Хирс, Тесса, Мира и Алексей сделали то же самое.

После пятой метки стена не открылась.

— Не хватает разрешения Куратора, — сказала Тесса.

— Эйдан должен был встретить нас здесь.

— Он опаздывает?

— Кураторы не опаздывают, — мрачно заметила Синтара. — Они заставляют остальных неправильно рассчитывать время.

Словно услышав её, Эйдан появился в дальнем конце коридора. Он шёл быстро, но всё равно сохранял выражение человека, который предпочёл бы, чтобы окружающие считали скорость его добровольным выбором, а не спешкой.

— Простите, — сказал он. — Пришлось остановить троих членов Совета, решивших, что открытие архива означает начало переворота.

— И что вы им сказали? — спросил Алексей.

— Что переворот уже состоялся, просто они пока не поняли, кто именно победил.

— Успокоили?

— Нет. Зато замолчали.

Эйдан приложил ладонь к последнему углублению.

Стена медленно разделилась по вертикали. Из открывшегося прохода потянуло сухим холодом, пылью и едва ощутимым запахом озона.

За стеной находилась винтовая лестница.

Она уходила настолько глубоко, что нижние ступени исчезали во мраке.

— Оптимистично, — сказал Алексей. — Чем важнее тайна, тем ниже её хранят. Чтобы человек успел несколько раз передумать по дороге.

— Именно так объяснял принцип архитектор, — ответил

Эйдан.

— Вы серьёзно?

— Нет.

— Приятно видеть, что чувство юмора всё-таки включено в должностные требования.

Спуск занял около десяти минут. Внизу их ждала круглая дверь из тёмного металла. На ней не было ручки, только надпись на языке Первых.

Тесса провела пальцами над символами.

— «Память не делает правым. Память делает ответственным».

— Хорошая надпись для места, где Совет десятилетиями прячет неудобные факты, — заметила Мира.

Эйдан не ответил.

Он приложил ключ Куратора к центру двери.

Металл дрогнул.

Новое ядро внутри Алексея резко сжалось.

«Не входи», — сказал Кирилл.

Алексей остановился.

— Почему?

Все повернулись к нему.

«Не знаю. Здесь больно».

— Кирилл узнаёт место и не хочет внутрь.

Синтара подняла руку, останавливая остальных.

— Что именно чувствует?

«Не боль тела. Как будто здесь от меня что-то отрезали».

Алексей передал ответ.

Тесса посмотрела на дверь с новым интересом.

— Возможно, здесь проводили процедуру разделения отпечатков.

— Или стирали память, — сказал Ирвель, которого не допустили в архив, но его прежние слова всплыли у Алексея сами.

Эйдан медленно произнёс:

— В нижнем архиве действительно существовала камера очистки. Её закрыли после исчезновения Кира.

— Почему вы не сказали раньше?

— Я узнал об этом только утром, когда запросил полный перечень помещений.

Синтара посмотрела на него.

— Вы руководите Советом пятнадцать лет.

— И каждый час последних суток узнаю новое доказательство того, что руководил лишь той частью Совета, которую мне показывали.

— Удобное оправдание.

— Но правдивое.

Дверь открылась.

За ней оказался огромный цилиндрический зал. Стеллажи поднимались вдоль стен на несколько этажей, соединённые узкими металлическими мостками. Вместо свитков здесь хранились тёмные пластины, стеклянные сосуды с клубящимся светом, костяные футляры и закрытые ящики, каж-

дый из которых был помечен отдельной печатью.

В центре стояла высокая круглая кафедра.

За ней сидел человек.

Очень старый.

Его кожа казалась почти прозрачной, пальцы были тонкими и длинными, а глаза закрывала широкая полоса чёрной ткани. Несмотря на слепоту, он повернул голову точно к Алексею.

— Девятый вернулся, — сказал старик.

Голос был сухим, тихим, но разнёсся по всему залу без эха.

Все остановились.

— Он не девятый, — сказала Тесса. — В списке было двенадцать носителей.

Старик улыбнулся.

— В общем списке — да. В рабочем — девятый.

— Каком рабочем? — спросил Алексей.

— В списке тех, кого приводили сюда дважды.

Холод прошёл по спине.

— Я уже был здесь.

Это не было вопросом.

Старик склонил голову.

— Ты не помнишь меня.

— В последнее время это мало что доказывает. У меня память напоминает архив после проверки с факелами.

— Шутки те же.

Мира встала ближе к Алексею.

Синтара шагнула вперед.

— Назовите себя.

— Хранитель Девятого хранилища. Моё личное имя больше не используется.

— Кем не используется?

— Мной.

— Почему этот человек назван девятым?

Старик поднял руку и указал на Алексея.

— Потому что его впервые привели сюда девять лет назад.

Кирилл внутри отозвался резкой вспышкой страха.

Эйдан побледнел.

— Девять лет назад Алексей находился в другом мире.

— Телом — да.

В зале стало так тихо, что Алексей услышал слабое потрескивание света в ближайшем сосуде.

— Объясните, — потребовала Синтара.

— Сначала закройте дверь.

Хирс обернулся. Металлическая дверь всё ещё была открыта.

— Зачем?

— Потому что с момента снятия печати нас слушают.

Он указал на верхние мостки.

Там что-то шевельнулось.

Хирс выхватил клинок и бросился к лестнице. Синтара одновременно захлопнула дверь, ударив ладонью по внут-

ренной пластине.

На верхнем ярусе мелькнула серая фигура.

Жгтун, которого формально не допустили к архиву, внезапно возник из тени возле входа и метнул короткий нож. Фигура дёрнулась. Нож ударился о перила, но беглец потерял равновесие и на мгновение показался целиком.

Молодой мужчина в форме архивного служителя.

Тесса узнала его.

— Варс!

Служитель прыгнул с мостка.

Не вниз.

В стену.

Камень на мгновение стал чёрным и пропустил его внутрь, как вода.

Хирс добежал слишком поздно. Ударил клинком по стене, но та снова была твёрдой.

— Пространственная печать, — сказал старик. — В архиве есть три. Официально.

— А неофициально? — спросил Алексей.

— Теперь четыре.

Синтара повернулась к Жгтуну.

— Как ты сюда попал?

— Через дверь.

— Тебя не было с нами.

— Значит, смотрели плохо.

— У тебя не было метки.

Жгтун показал красную пластину.

— Одвар дал.

Эйдан прикрыл глаза.

— Разумеется.

— Сказал, что если архив пытается не пустить единственного человека, который умеет вытаскивать Рена из неприятностей физически, значит, архив неправильно настроен.

— Я поговорю с Одваром.

— Он просил передать, что донесение семьсот сорок два дробь три до сих пор не получило письменного ответа.

— Я уже ненавижу этот документ.

— Значит, начали читать.

Старик постучал пальцем по кафедре.

— Если обмен любезностями закончен, у нас есть более серьёзная проблема. Варс унёс ключ доступа к сектору носителей.

Тесса резко проверила стопку пластин.

— Не унёс. Ключ у меня.

— Не тот ключ.

Хранитель поднялся. Под его одеждой звякнули тонкие металлические цепи.

— Идите за мной.

Он повёл их к нижнему уровню стеллажей. Слепота совершенно не мешала ему двигаться. Он ни разу не коснулся полки и не замедлился на повороте.

Остановился возле узкой двери с цифрой девять.

— Рабочий список появился после первого контакта с Северным зеркалом, — сказал он. — Совет обнаружил, что некоторые носители возвращаются в систему до физического переноса. Сначала во сне. Затем отпечатком. Иногда голосом.

— И я был одним из них, — сказал Алексей.

— Да.

— Что именно попало сюда девять лет назад?

— Твоя копия.

Кирилл внутри вздрогнул.

— Такая же, как Кирилл?

— Нет. Не такая же.

Хранитель приложил ладонь к двери. Та открылась.

За ней находилась небольшая комната. Пустая, если не считать каменного кресла в центре и чёрного зеркала на дальней стене.

Того самого.

Поверхность идеально гладкая, не отражающая свет.

Северное зеркало или его уменьшенная копия.

В кресле лежали кожаные ремни.

Алексей остановился на пороге.

Запах озона.

Холод.

Знакомое чувство.

Серая стена внутри памяти дрогнула.

— Меня привязывали к этому креслу.

Мира схватила его за руку.

— Ты вспомнил?

— Только ощущение.

Старик кивнул.

— Девять лет назад Кир привёл через Северное зеркало человеческий отпечаток. Слабый, нестабильный. Отпечаток утверждал, что его зовут Алексеем Морозовым и что он пришёл помочь открыть дорогу между мирами.

— Я?

— Копия, сформированная зеркалом из возможного будущего.

— Тогда взрослый Алексей, которого видел Кирилл...

— Был не твоим физическим телом. Отпечатком. Проекцией вероятного человека, которого Кир мог призвать в этот мир.

— Почему именно меня?

— Потому что ты ответил.

Алексей посмотрел на чёрную поверхность.

— Как?

— В своём мире ты работал с устройством, случайно вошедшим в резонанс с зеркальной сетью. Кир отправил зов. Ты увидел его на экране.

Старая серверная вспыхнула в памяти.

Сине-фиолетовая линия на мониторе.

Не Кирилла.

Его собственная.

За четыре месяца до устройства на последнюю работу.

— Я подключился к сигналу.

— Да.

— Что было потом?

Хранитель молчал.

— Вы знаете.

— Знаю часть.

— Говорите.

— Твой отпечаток помог Киру рассчитать структуру перехода. Ты воспринимал контур как техническую сеть и нашёл ошибку, которую не замечали местные резонансники. Но Астэр убедил вас продолжить эксперимент после достижения безопасного предела.

— Кто такой Астэр?

— Член закрытого круга Совета. Специалист по зеркалам. И человек, считавший, что носители из других миров должны использоваться как заменяемые компоненты.

Мира сжала пальцы Алексея.

— Что он сделал с отпечатком?

— Разделил.

Старик указал на зеркало.

— Одну часть отправил обратно. Она вернулась к тебе с повреждённой памятью. Вторую оставил здесь.

— Где?

Хранитель медленно повернул голову к Алексею.

— Исчезла из камеры за день до пропажи Кира.

Внутри Кирилл произнёс:

«Двойник».

— Моя оставшаяся копия могла стать тем голосом, который говорил с Кириллом перед третьим сном.

— Возможно.

— Тогда Астэр не просто перенёс меня после смерти. Он готовил это заранее.

— Да.

Тесса шагнула к стене, где висела тонкая металлическая рамка.

— Здесь должен находиться отчёт.

Рамка была пуста.

По краям остались обрывки креплений.

— Варс украл его? — спросил Хирс.

— Нет, — ответил Хранитель. — Последний лист исчез девять лет назад. Остальная часть хранилась здесь до сегодняшнего дня.

Он провёл рукой под креслом и нажал скрытую пластину.

Из пола выдвинулся узкий ящик.

Внутри лежала папка из потемневшей кожи.

Тесса раскрыла её.

Первые страницы описывали Кирилла.

Первый контакт.

Стабилизация Первого узла.

Стабилизация Второго.

Обнаружение Северного зеркала.

Появление отпечатка Алексея.

Совместный расчёт перехода.

Чем дальше читала Тесса, тем тише становился её голос.

— «Носитель Кир демонстрирует растущую зависимость от советов отпечатка А. Отпечаток предлагает архитектуру двойного ключа: живой носитель со стороны мира резонанса и информационный проводник со стороны безрезонансного мира».

— Безрезонансного? — переспросил Жгтун.

— Земля, — сказал Алексей. — По крайней мере, мы так думаем.

Тесса продолжила:

— «После второго испытания обнаружено стороннее влияние. Отпечаток А. проявляет сведения, отсутствующие у исходного человека в момент формирования. Вероятный источник — неизвестный наблюдающий контур».

Нейтралис напрягся.

— Наблюдатель нашёл мою копию ещё тогда, — сказал Алексей.

— Похоже, — ответила Тесса. — «Принято решение провести очистку. Куратор Астэр возражает. Считает изменения полезными для усиления ключа».

Синтара выругалась.

— Астэр сознательно сохранил заражённый отпечаток.

— Дальше, — потребовал Алексей.

— «Очистка сорвана. Отпечаток А. получил доступ к зер-

кальному сектору. Носитель Кир утверждает, что продолжает слышать его во сне. После третьего сна...»

Тесса перевернула страницу.

Следующая была вырвана.

Остался только неровный край.

— Вот он, — сказала она. — Последний лист.

— Кто имел доступ? — спросила Синтара.

Хранитель назвал:

— Астэр. Предыдущий Верховный куратор. Два специалиста по очистке, оба умерли. И я.

— Вы вырвали лист?

— Нет.

— Докажите.

— Не могу.

Хирс осматривал раму.

— Бумагу сняли давно. Следы окисления одинаковые.

Тесса проверила оборот предыдущей страницы.

— Есть продавленные строки. Если последний лист заполняли, когда он лежал поверх этой страницы, часть текста могла отпечататься.

Она достала из сумки кусок мягкого чёрного угля и осторожно провела боковой стороной по бумаге.

Медленно проступили фрагменты букв.

Тесса читала по слогам:

— «После третьего сна ключ разделён... первый носитель... прошёл... отпечаток второго... сохранён...»

Ниже:

— «Астэр предлагает цикл повторить после физической смерти второго кандидата».

Мира резко вдохнула.

— Он планировал твою смерть.

— Или ждал её.

— Есть ещё, — сказала Тесса.

Она продолжила заштриховывать.

Последняя строка проявилась хуже остальных:

— «Если перенос успешен, Девятый должен быть возвращён к Разлому. Только там возможно объединение».

— Девятый — я, — сказал Алексей.

— Да.

— Объединение с чем?

Никто не ответил.

Чёрное зеркало на стене дрогнуло.

По его поверхности пошла лёгкая рябь.

Мира вытащила клинок.

Синтара встала перед Эйdanом.

В зеркале появился коридор архива.

Не тот, в котором они находились.

Другой.

Варс бежал по нему, прижимая к груди металлический свиток. За ним двигался человек в сером плаще.

Астэр.

Лицо всё ещё скрывала чёрная повязка.

Он остановился и повернулся прямо к смотрящим.

Хотя между ними лежало неизвестное расстояние, Алексей почувствовал его взгляд.

— Девятый проснулся, — сказал Астэр.

Голос прошёл через зеркало без искажений.

— Значит, пора вернуть ему то, что он оставил здесь в первый раз.

Он положил ладонь на плечо Варса.

Молодой архивист дёрнулся. Его тело выгнулось, а изо рта вышла сине-фиолетовая нить.

Астэр втянул её в ладонь.

Варс рухнул.

Мёртвый или пустой.

Металлический свиток выпал из его рук.

Астэр поднял его.

— Хотите полный отчёт? — спросил он. — Приходите к Северному зеркалу.

— Зачем? — спросил Алексей.

— Потому что третий сон уже начался.

Поверхность зеркала почернела.

Свет в комнате погас.

Из темноты донёсся тихий звук рвущейся бумаги.

Когда белые линии вспыхнули снова, кожаная папка в руках Тессы была пуста.

Все страницы исчезли.

Осталась только одна.

На ней крупными русскими буквами было написано:
«НЕ ДАЙТЕ ЕМУ УСНУТЬ».

Внутри Алексей почувствовал движение.

Не Кирилла.

Глубже.

Серая стена четырёх потерянных месяцев дала первую настоящую трещину.

Из неё донёсся его собственный взрослый голос:

«Слишком поздно».

От атора: нуждаюсь в энтузиазме в виде вашей поддержки , подписка и лайк, если заслужил приветствуются!

Глава 6. Украденная карта

Глава 6. Украденная карта

Слова «слишком поздно» прозвучали внутри Алексея один раз.

Этого хватило.

Светлые линии защитного контура вспыхнули по всей комнате, будто старый архив сам почувствовал чужое присутствие. Чёрное зеркало на стене покрылось сеткой серебряных трещин. Каменное кресло дрогнуло, ремни на нём натянулись сами собой, словно невидимый человек попытался подняться.

— Все наружу! — приказала Синтара.

— Нет, — сказал Алексей.

— Рен.

— Если выйдем сейчас, потеряем единственный активный след.

— А если останемся, можем потерять тебя.

— Это уже стало рабочей нормой.

— Не время.

— Как раз время. Астэр забрал отчёт и карту. Он зовёт к Северному зеркалу. Если сейчас оборвать контакт, мы останемся без маршрута и без понимания, что именно он запускает.

Хирс подошёл к Варсу, всё ещё видимому в остаточном

отражении. Тело молодого архивиста лежало в далёком коридоре, но изображение быстро тускнело.

— Он дышит, — сказал Хирс.

— Откуда видишь?

— Грудь движется.

— Значит, Астэр забрал не жизнь, — сказала Тесса. — Только резонансный отпечаток.

— «Только», — повторил Жгтун. — Вы здесь быстро привыкаете к плохим словам.

Слепой Хранитель Девятого хранилища поднял обе руки. Тонкие цепи под его одеждой зазвенели.

— Закройте внешнюю дверь. Сейчас.

— Мы только что собирались выйти, — заметил Алексей.

— Если дверь останется открытой, Астэр получит доступ ко всему нижнему архиву через отражающие печати.

Эйдан ударил ключом по центральной пластине. Металлическая дверь захлопнулась. В тот же миг по стенам прошла тёмная волна. Несколько стеклянных сосудов на стеллажах вспыхнули изнутри, и запертые в них светящиеся клубы начали метаться.

— Он уже внутри системы, — сказал Хранитель.

— Физически? — спросила Синтара.

— Хуже. Правами доступа.

Алексей невольно усмехнулся.

— Наконец-то проблема, которую я понимаю. Бывший администратор с неотозванной учётной записью.

— Что?

— У Астэра остались полномочия, хотя официально его здесь нет. Пока мы запираем двери, он пользуется внутренними проходами.

Тесса повернулась к Хранителю.

— Можно отозвать его печать?

— Только из главного узла архива.

— Где он?

Старик указал вверх.

— На верхнем мостке, в центре девятого сектора.

Все подняли головы.

Высоко над ними, среди переплетения мостков, загорелась красная точка.

— Конечно, — вздохнул Алексей. — Самый важный рубильник хранится под потолком. Традиции проектирования не меняются между мирами.

Хирс уже двигался к лестнице.

— Я отключу.

— Нет! — крикнул Хранитель. — Главный узел проверяет личность через память. Твоя печать не даст доступа.

— Чья даст?

Старик повернул лицо к Алексею.

— Девятого.

Синтара выругалась.

— Он едва держится.

— Тогда выбирайте: риск для носителя или полный за-

хват архива человеком, который уже украл карту к Северному зеркалу.

— Сколько времени? — спросил Алексей.

— Пока красная точка не станет белой.

Она уже светлела по краям.

— Отлично. Люблю понятные индикаторы катастрофы.

Он шагнул к лестнице.

Мира поймала его за локоть.

— Ты слышал собственный голос за стеной памяти.

— Слышал.

— Возможно, третий сон уже действительно начался.

— Я пока стою.

— Во сне тоже можно думать, что стоишь.

Алексей посмотрел на её ладонь.

— Знак.

Она провела пальцем по его коже.

Круг.

Крест.

Три точки вместо двух.

Затем ритм.

Два удара.

Пауза.

Два.

Один.

— Новый, — сказала Мира. — Запомни.

— Запомнил.

— Если на мостке что-то изменится, проверишь.

— Хорошо.

— И я иду с тобой.

Синтара открыла рот, но Мира опередила:

— Его память — ключ. Якорь — я. Это уже доказано.

— Идёте вдвоём, — решила Синтара. — Хирс прикрывает снизу. Жгтун контролирует лестницу. Тесса помогает Хранителю блокировать остальные сектора.

— А я? — спросил Эйдан.

— Будешь стоять возле двери и думать, почему бывший член твоего Совета до сих пор имеет больше власти над архивом, чем ты.

— Заслуженно.

Лестница оказалась уже и круче, чем выглядела снизу. Металлические ступени дрожали под ногами. Мира шла сразу за Алексеем, почти касаясь его спины. На первом мостке их встретил порыв ледяного воздуха, хотя в закрытом помещении не могло быть ветра.

На втором начали шептать сосуды.

Не словами.

Обрывками чужих воспоминаний.

— Не слушай, — сказала Мира.

— Стараюсь.

«Слева», — предупредил Кирилл.

Алексей пригнулся.

Над головой прошла тонкая чёрная нить и ударилась в

стеллаж. Металлическая пластина на полке раскололась. Из неё вырвался светящийся отпечаток — мужчина в старой одежде, с бородой до груди.

Он посмотрел на Алексея.

— Девятый, — сказал призрак. — Ты вернулся слишком рано.

— Сегодня у всех одно и то же приветствие.

Отпечаток бросился к нему.

Мира ударила красным огнём. Сгусток прошёл сквозь призрачное тело, но заставил его потерять форму. Алексей почувствовал внутри Чужого голоса красноватый отклик.

— Не поглощай, — приказал он ядру.

Оно отозвалось недовольством.

Не словами.

Голодом.

«Оно хочет отпечаток», — сказал Кирилл.

«Вижу».

«Если возьмёт, получим память о структуре архива».

«И ещё одну чужую жизнь в голове».

«Может пригодиться».

«Именно так начинаются все истории о людях, которые однажды проснулись не собой».

Призрак снова собрался.

— Что делать? — спросила Мира.

— Сбить в сторону.

— Чем?

Алексей вытащил из-за пазухи стабилизатор Одвара, который так и носил с собой после работы с узлами. Камертон был рассчитан на настройку, а не удар, но сейчас выбор инструментов напоминал ремонт трубы молотком: неправильно, зато других вариантов нет.

Он провёл сине-фиолетовую искру по металлу.

Камертон загудел.

Призрачный мужчина исказился, словно отражение в воде, и его отбросило к стеллажу.

— Работает, — сказал Алексей.

— Ты удивлён?

— Я использую древний стабилизатор как отпугиватель архивных призраков. Конечно, удивлён.

Они пробежали по второму мостку. Красная точка наверху стала наполовину белой.

На третьем уровне пространство начало сбоить.

Лестница раздваивалась.

Одна вела вверх.

Вторая — вниз, хотя начиналась с той же ступени.

— Какую? — спросила Мира.

«Правую», — сказал Кирилл.

Нейтралис тут же возразил:

«Левую».

— У меня два внутренних советчика и противоположные рекомендации. Почти как совещание.

— Кому доверяешь?

— Никому. Поэтому проверим.

Алексей бросил на правую лестницу монету из местного серебра. Она упала на третью ступень и покатилась вверх, нарушая все представления о тяжести.

На левую он капнул кровью с вновь открывшегося пореза на ладони. Капля упала нормально.

— Левая.

«Я видел правую как верную», — сказал Кирилл.

«Значит, кто-то подменил твоё восприятие».

«Или Нейтралис хочет вести нас другим путём».

Белое присутствие древней сущности похолодело.

«Я не обязан терпеть обвинения копии, созданной заражённым зеркалом».

«А я не обязан доверять существу, которое восемьсот лет было частью системы Совета».

— Прекратите, — сказал Алексей вслух.

Мира посмотрела на него.

— Они спорят?

— Да.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Пока спорят, значит, не слились с тобой окончательно.

— Неожиданно оптимистичный взгляд на внутренний конфликт.

Они пошли по левой лестнице.

На середине ступени под Мирой исчезли.

Не сломались.

Просто стали прозрачными.

Она провалилась вниз.

Алексей успел схватить её за запястье. Рывок едва не выдернул плечо. Он ударился грудью о край мостка, на секунду потеряв дыхание.

Под Мирой не было нижнего этажа.

Там открылась Москва.

Ночная улица, мокрый асфальт, яркая вывеска аптеки. Люди шли по тротуару, не замечая висящую над ними женщину из другого мира.

— Не отпускай, — сказала Мира.

— Даже не планировал.

Внизу проехал автобус.

На его крыше стоял Астэр.

Люди внутри не видели его. Он поднял голову, посмотрел прямо на Алексея и постучал пальцем по запястью, словно напоминая о времени.

Красная точка наверху почти побелела.

— Он показывает Землю, — выдохнул Алексей.

— Потом посмотришь. Сейчас вытащи меня.

Справедливо.

Он подтянул Миру. Тело Рена было худым и физически слабым, но резонанс отозвался на отчаянное усилие. Синие-фиолетовые линии прошли по руке, укрепляя мышцы на несколько секунд.

Мира ухватилась за край мостка и выбралась.

Прозрачный провал закрылся.

— Цела?

— Да.

— Ты видела?

— Город с огнями.

— Москва.

— Значит, Астэр уже может открывать маленькие проходы.

— Или архив показывает то, что мы боимся увидеть.

Мира быстро провела знак на его ладони.

Круг.

Крест.

Три точки.

— Ответ.

Алексей повторил.

Затем ритм.

Два.

Пауза.

Два.

Один.

— Ты настоящий, — сказала она.

— Сегодня это звучит почти как награда.

Они добрались до верхнего мостка.

Главный узел представлял собой подвешенный в воздухе прозрачный многогранник. Внутри него вращались десятки

святищихся пластин. Красный цвет остался только в самом центре. Всё остальное уже стало белым.

Перед многогранником стоял Варс.

Живой.

Целый.

Без следов падения в далёком коридоре.

— Это копия, — сказала Мира.

— Или там была копия.

Варс улыбнулся.

— Девятый должен приложить ладонь.

— Спасибо за инструкцию, — сказал Алексей. — А ты какая версия Варса? Архивная, зеркальная или предательская?

— Разве есть разница?

— Для размера посмертного отчёта — существенная.

Варс поднял руку.

На его ладони была пластиковая карта.

Современная.

С фотографией.

Алексей не успел рассмотреть лицо.

— Ты ищешь доказательства, что был здесь раньше, — сказал Варс. — Оно у меня.

— Откуда?

— Ты сам оставил.

— Покажи ближе.

— Отключи защиту архива.

— Это худшая сделка из всех, которые мне предлагали. А мне древняя тьма однажды предлагала обменять личность на бессмертную службу.

— Тогда возьми силой.

Мира подняла клинок.

Варс шагнул назад и прошёл сквозь многогранник.

Белые пластины внутри пришли в движение быстрее.

— Он использует узел как щит, — сказал Алексей.

«Коснись структуры», — предложил Кирилл.

«И отдай ему доступ?»

«Не весь. Только к памяти о моём цилиндре».

«Зачем?»

«Пластиковая карта может быть связана со мной или с тобой. Узел сравнит отпечатки».

Нейтралис согласился неохотно:

«Это рискованно, но возможно. Я ограничу канал».

Алексей положил ладонь на поверхность многогранника.

Холод вошёл под кожу.

Перед ним развернулся архив.

Не помещение.

Структура.

Сотни тысяч записей соединялись линиями доступа.

Красные ветви принадлежали живым пользователям. Белые — старым протоколам. Чёрные — удалённым данным, которые почему-то продолжали влиять на систему.

Астэр находился сразу в нескольких местах.

Не человек.

Набор прав.

Подпись.

Ключ, который открывал двери даже без владельца.

— Он не вошёл в архив сам, — понял Алексей. — И использует старую учётную запись.

«Уничтожь ключ», — сказал Нейтралис.

«Если уничтожим, потеряем след».

«Если не уничтожим, он заберёт весь сектор носителей».

Кирилл указал тёмно-серой линией:

«Не уничтожай. Переименуй».

Алексей замер.

«Что?»

«Система признаёт подпись Астэра как администратора. Измени соответствие. Пусть его ключ ведёт не к архиву, а в пустой сектор».

Это было настолько знакомое решение, что Алексей едва не рассмеялся.

Не блокировать учётную запись, предупреждая владельца.

Не удалять.

Перенаправить.

Оставить злоумышленнику видимость доступа, но вести его действия в изолированную песочницу.

— Кирилл, начинаю подозревать, что ты тоже работал в техподдержке.

«Системная безопасность».

— Почти родственники.

Алексей нашёл чёрную ветвь с подписью Астэра. Рядом находился пустой сектор повреждённых отчётов.

Перенаправить связь оказалось сложнее, чем изменить правило в конфигурации. Здесь ключ был вплетён в память живых людей, признававших полномочия Астэра. Чтобы сменить маршрут, требовалось подменить сам смысл доверия.

— Мира, — сказал Алексей. — Нужен якорь.

Она положила руку ему на плечо.

— Что удерживать?

— Меня. Сейчас полезу в служебную память Совета. Боюсь вернуться человеком, который любит совещания.

— Это будет точным признаком полной потери личности.

Он коснулся чёрной ветви.

Чужие воспоминания обрушились сразу.

Астэр выступает перед Советом.

Астэр подписывает приказ.

Астэр проводит очистку Кирилла.

Астэр стоит возле взрослого Алексея в серверной.

Астэр держит телефон.

На экране открыта фотография.

Алексей и Астэр стоят рядом у стеклянного офисного здания в Москве.

Оба смотрят в камеру.

Датировка: за три месяца до смерти.

«Стоп», — сказал Кирилл.

Но Алексей уже провалился глубже.

Астэр сидит в московском кафе напротив него.

— Ты всё забудешь, — говорит он.

— Так безопаснее?

— Для двери — да.

— А для меня?

— Ты всё равно согласишься ещё раз.

— Самоуверенно.

— Я уже видел.

Алексей смеётся.

Его взрослый голос звучит устало.

— Тогда оставь хотя бы маркер. Что-нибудь настолько глупое, чтобы я понял: это действительно моё решение.

Астэр кладёт на стол пластиковую карту.

— Подойдёт?

На карте фотография Алексея. Имя. Фамилия.

Рабочий пропуск.

На обороте чёрным маркером написано:

«КЕФИР — ЭТО НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ».

Воспоминание разорвалось.

Алексей вернулся к структуре архива.

— Я знал Астэра на Земле.

«Да», — сказал Кирилл.

— Ты помнил?

«Нет. Увидел вместе с тобой».

— Он подготовил мою смерть.

«Или подготовил переход после неё».

Нейтралис резко вмешался:

«Сосредоточьтесь. Узел почти захвачен».

Белый свет внутри многогранника стал ослепительным.

Алексей провёл сине-фиолетовую линию между подписью Астэра и пустым сектором. Нейтралис закрепил её белой печатью. Кирилл добавил тёмно-серую структуру — знание зеркальных протоколов, сохранившееся от настоящего носителя.

Связь переключилась.

Варс внутри многогранника улыбнулся.

Затем исчез.

Красная точка погасла.

Белые пластины остановились.

Где-то далеко в стенах архива раздался яростный крик Астэра.

Не физический.

Системный.

Он понял, что его заперли в пустом секторе.

— Получилось, — выдохнул Алексей.

Многогранник раскрылся.

Пластиковая карта выпала на мосток.

Мира подняла её первой.

Лицо на фотографии принадлежало взрослому Алексею.

Старше, чем в его последних воспоминаниях. Волосы короче. Под левым глазом небольшой шрам, которого у него никогда не было.

В строке имени стояло:

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ.

Ниже:

«Отдел инфраструктуры. Уровень доступа 4».

— Это ты, — сказала Мира.

— Похож.

— Имя совпадает.

— Имя можно подделать.

Она перевернула карту.

Надпись про кефир сохранилась.

Почерк был его.

Алексей узнал наклон букв, привычку не закрывать верхнюю петлю у «ф», слишком длинное тире.

— Моё.

— Что написано?

Он перевёл:

— «Кефир — это несчастный случай».

Мира долго смотрела на него.

— Твоя смерть?

— Похоже на послание самому себе. Астэр должен был оставить маркер, доказывающий, что я добровольно согласился забыть встречу.

— Ты веришь?

— Пока верю только почерку.

На обороте карты было ещё кое-что.

Тонкая царапина в форме координатной сетки. В центре

— девять точек, соединённых линией. Последняя линия уходила на север.

Тесса снизу крикнула:

— Узел очищен?

— Да.

— Тогда спускайтесь! У нас новая проблема!

— Какая именно?

— Варс исчез из физического коридора. А вместе с ним пропала карта северных дорог из закрытого фонда!

Алексей посмотрел на пластиковый пропуск.

— Это была приманка.

— Что?

— Пока мы защищали главный узел, настоящий Варс или Астэр забрал карту.

Мира выругалась.

Они быстро спустились. Хранитель Девятого хранилища уже открыл боковой проход. За ним находился узкий зал с картографическими пластинами. Один стеллаж был пуст. На полу лежала мёртвая архивистка в серой форме.

Тесса опустилась рядом и проверила пульс.

— Жива.

— Голос?

Девушка открыла рот.

Ни звука.

— Забрали, — сказала Мира.

На стене над пустым стеллажом проступала надпись.

Русские буквы.

«ДО ЗЕРКАЛА — ШЕСТЬ ДНЕЙ».

Ниже:

«ДО ТРЕТЬЕГО СНА — МЕНЬШЕ».

Синтара ударила кулаком по стене.

— Он знает наш срок.

— Он управляет частью сна, — сказал Алексей. — Возможно, сам решает, когда начнётся следующий.

Эйдан подошёл к пустому месту.

— Украденная карта содержала все пути к северной границе. Военные посты, тайные переходы, старые убежища.

— Значит, Астэр не просто зовёт нас, — сказал Хирс. — Он готовит дорогу.

— Или закрывает её, — добавил Жгтун.

Тесса осмотрела крепления.

— Здесь была не одна пластина.

Хранитель кивнул.

— Три. Общая карта. Маршруты Хранителей. И карта мёртвых зон.

— Что такое мёртвые зоны?

— Места, где резонанс исчезает полностью.

Нейтралис напрягся:

«Такие области опасны для меня и нового ядра. Там я не

смогу помогать».

Кирилл добавил:

«Зато Наблюдатель тоже не сможет следить».

— Астэр может вести нас через мёртвые зоны, — сказал Алексей вслух. — Там я останусь без Нейтралиса и части способностей.

— И без контроля над Кириллом? — спросила Синтара.

«Я не нуждаюсь в резонансе так же, как Нейтралис», — сказал внутренний голос.

— Кирилл считает, что останется активным.

— Значит, в мёртвой зоне контроль тела может перейти к нему, — заключила Синтара.

— Не обязательно.

— Но возможно.

Хранитель Девятого сектора открыл скрытый ящик под пустым стеллажом.

— Есть копия.

Все повернулись.

Старик достал тонкую полупрозрачную пластину.

— Архив всегда хранит копию карты отдельно.

— Почему сразу не сказали? — спросил Жгтун.

— Никто не спрашивал.

— Я начинаю понимать, почему Совет веками не может решить ни одной проблемы окончательно.

Тесса осторожно приняла пластину.

На ней проступили дороги к северу. Красные линии обо-

значали действующие пути. Серые — старые. Чёрные пятна — мёртвые зоны.

Одна линия была выделена синим.

Она начиналась у Вайрдена, проходила через три мёртвые области и заканчивалась у Северного зеркала.

— Этот маршрут нанесли недавно, — сказала Тесса. — Чернила свежие.

— Кем?

На краю стояла подпись.

Астэр.

Дата — девять лет назад.

Под ней мелкая приписка:

«Путь второго носителя».

Алексей провёл пальцем над линией, не касаясь.

Пластиковая карта в руке нагрелась.

На её обороте девять точек вспыхнули тем же синим светом.

— Это не просто пропуск, — понял он. — Ключ маршрута.

Мира посмотрела на него.

— Он хочет, чтобы ты пошёл именно этой дорогой.

— Да.

— Значит, нельзя.

— Или, наоборот, только там мы найдём ответы.

— Это очевидная ловушка.

— Согласен.

— И ты всё равно собираешься идти.

— Тоже согласен.

Мира закрыла глаза на секунду.

— Иногда разговаривать с тобой совершенно бессмысленно.

— Но предсказуемо.

Синтара забрала копию карты у Тессы.

— Экспедиция выйдет после подготовки. Не раньше.

— До третьего сна меньше неизвестного срока.

— Именно поэтому выйдем подготовленными, а не победим в первую попавшуюся дыру по карте врага.

— Сколько нужно?

— Шесть часов.

— Два.

— Пять.

— Три и нормальная еда.

Жгтун хмыкнул.

— Он торгуется о сроках собственной возможной гибели.

— Профессиональная привычка, — ответил Алексей.

Синтара подумала.

— Четыре часа. Еда, снаряжение, проверка состава. И ты не спишь.

— Устраивает.

Тесса подняла руку.

— Я иду.

— Нет, — одновременно сказали Синтара и Эйдан.

— Без меня вы не прочитаете половину обозначений на карте.

— Возьмём другого архивиста.

— Другой архивист не работал с материалами Кирилла, не знает систему меток памяти и не видел оба сна.

— Ты не боец.

— Именно поэтому постараюсь не драться.

— Великолепный план, — сказал Жгтун. — Я обычно тоже стараюсь. Не всегда получается.

Хирс подошёл к Синтаре.

— Она нужна.

Синтара посмотрела на него с раздражением.

— Сегодня все решили спорить со мной.

— Значит, решения вызывают вопросы.

— Ты становишься разговорчивым.

— Плохое влияние Рена.

— Не сваливайте всё на меня, — сказал Алексей. — Я всего несколько недель в этом мире, а ваша система была неисправна задолго до моего появления.

Эйдан поднял руку.

— Тесса идёт. Под ответственностью Хирса.

Архивистка просияла.

Хирс остался невозмутим.

— Я не соглашался.

— Теперь согласился.

— Начинаю понимать, почему вы Куратор.

Пока остальные обсуждали состав, Алексей подошёл к лежавшей архивистке. Девушка была в сознании, но не могла говорить. В её глазах стоял ужас.

— Как зовут? — спросил он.

Тесса ответила:

— Лина.

Алексей присел.

— Лина, Наблюдатель или его фрагмент забрал часть твоего голоса. Я могу попытаться вернуть. Это опасно для нас обоих. Если согласна, сожми мою руку.

Она сжала сразу.

Синтара заметила.

— Рен.

— Один слабый отпечаток.

— Ты уже перегружен.

— Если Астэр использовал её, в отпечатке может быть след.

— Или ловушка.

— Всё вокруг ловушка. Нельзя бесконечно стоять на месте, боясь наступить.

Мира опустилась рядом.

— Якорь.

— Ты всё ещё злишься.

— Очень.

— Но поможешь.

— Это разные вещи.

Она взяла его за запястье.

Новый знак.

Круг.

Крест.

Три точки.

Ритм.

Два.

Пауза.

Два.

Один.

Алексей закрыл глаза и коснулся Чужого голоса.

Ядро раскрыло слой отпечатков.

След Лины нашёлся быстро — свежий, болезненный, обожжённый синим светом.

Он вошёл.

Картографический зал.

Лина снимает пластину для Тессы.

Из стены выходит Варс.

— Ты не должен быть здесь.

— Я пришёл за картой.

— Разрешение?

— Девятый уже вернулся. Разрешения больше не нужны.

Лина тянется к тревожной печати.

Варс хватает её за горло.

На его лице на мгновение проступает Астэр.

— Передай ему кое-что.

Холод входит в голос.

Но вместе с голосом он забирает не только память.

Он оставляет образ.

Алексей увидел Северное зеркало.

Вокруг него стояли девять каменных столбов.

У каждого — человек.

Восемь неподвижных фигур в серых плащах.

Девятое место пустовало.

Предназначалось ему.

За зеркалом была Москва.

На мокром асфальте стояла Алина.

Рядом — взрослый Алексей.

Но теперь он увидел то, чего не замечал раньше.

У взрослого Алексея не было тени.

Алина повернула голову.

Её лицо стало лицом Миры.

— Не приходи, — сказала она.

Потом Астэр вложил в отпечаток последнее.

Координаты.

Не Северного зеркала.

Место в пределах Вайрдена.

Старый водосбор под восточной стеной.

Там Варс должен был встретиться с кем-то до выхода на север.

Алексей направил отпечаток обратно.

Серая нить потянулась к Лине.

Девушка судорожно вдохнула и закричала.

Звук вернулся.

Вместе с ним — послание.

— Водосбор! — выдохнул Алексей, открывая глаза. —

Варс ещё не ушёл. Встреча в старом водосборе под восточной стеной.

Синтара мгновенно развернулась.

— Хирс, со мной. Жгтун, второй выход. Остальные остаются.

— Я иду, — сказал Алексей.

— Нет.

— Карта реагирует на меня. Если Астэр откроет зеркальный проход, вы его не увидите.

— Ты едва закончил возврат.

— Именно поэтому у нас есть координаты.

Мира уже поднималась.

— Мы идём вместе.

Синтара тихо выругалась.

— Все проклятые четыре часа подготовки превратились в четыре минуты.

— Добро пожаловать в реальную эксплуатацию, — сказал Алексей. — Плановые работы всегда отменяются аварией.

Они вышли из архива через служебный тоннель. Хранитель дал им короткий путь к восточной стене. Узкий проход поднимался между древними коммуникациями, часть которых до сих пор несла воду по каменным желобам.

По дороге Алексей чувствовал пластиковую карту в кармане.

Она пульсировала.

Девять точек.

Девятый носитель.

Девять столбов.

Слишком много совпадений, чтобы считать их декоративными.

До водосбора добрались за двадцать минут.

Это был огромный круглый резервуар под городом, наполовину заполненный чёрной водой. Вдоль стен шёл узкий каменный настил. С потолка свисали цепи. В центре находился остров с древней подъёмной конструкцией.

На острове стоял Варс.

Рядом с ним — человек в длинном дорожном плаще.

Лица не было видно.

— Опоздали, — сказал Варс.

Синтара подняла оружие.

— Отойди от карты.

Он держал украденную пластину над чёрной водой.

— Ближе — и отпущу.

— Отпустишь — потеряешь маршрут.

— У нас уже есть копия.

Уверенность на его лице дрогнула.

Совсем немного.

Жгтун появился на противоположной стороне резервуа-

ра.

— Плохой день для предателей, — сказал он. — Особенно для тех, кто не проверяет резервные копии.

Человек рядом с Варсом медленно повернулся.

Капюшон упал.

Это был Алексей.

Взрослый.

Тридцатидвухлетний.

В старой куртке и растянутом свитере.

Тот самый, каким он был до смерти.

Мира рядом замерла.

— Это он?

— Не знаю.

Взрослый двойник посмотрел на Алексея в теле Рена.

— Ты всё-таки дошёл быстрее, чем в прошлый раз.

— Мы встречались?

— Дважды.

— Я не помню.

— Ты сам попросил стереть.

— Почему?

— Потому что знание мешало тебе умереть правильно.

Холод прошёл по спине.

— Правильно?

— В нужном месте. В нужное время. С открытым каналом.

— Телефонный звонок начальника.

Двойник улыбнулся.

— Не начальника.

В памяти Алексея вспыхнул экран телефона.

Имя «Владимир Петрович».

Вызов.

Он ответил.

Голос на другом конце сказал что-то до того, как нога поехала по льду.

В первом воспоминании этих слов не было.

Теперь они вернулись.

— Канал открыт, — сказал голос. — Падай.

Алексей пошатнулся.

Мира удержала его.

— Что?

— Моя смерть была запущена звонком.

Взрослый двойник кивнул.

— Смерть — самый короткий путь для сознания, если тело с другой стороны уже подготовлено.

— Рен.

— Он должен был умереть в ту же минуту. Горячка, слабое сердце, почти нулевой резонанс. Идеальный пустой сосуд.

— Он был ребёнком.

— Он был ресурсом.

Мира шагнула вперёд, красный огонь вспыхнул на ладони.

— Ещё одно слово — и проверим, насколько хорошо горит чужая копия.

Двойник посмотрел на неё с любопытством.

— Сшивательница. В прошлый раз тебя не было.

— В прошлый раз я, видимо, была занята тем, что не слушала мерзавцев.

Варс начал отступать к краю острова.

Синтара заметила.

— Стой.

Он бросил карту.

Не в воду.

Взрослому двойнику.

Тот поймал её и провёл пальцем по поверхности.

Пространство за подъёмной конструкцией раскололось.

Появилось Северное зеркало.

Не физически.

Проход.

Красная трава.

Каменные столбы.

Чёрная гладь в центре.

— Увидимся после третьего сна, — сказал двойник.

Он шагнул к разлому.

Алексей вытащил пластиковый пропуск.

Девять точек вспыхнули.

Проход дёрнулся и остановился.

Двойник обернулся.

— Что ты сделал?

— Переименовал маршрут.

— Ты не знаешь зеркальную сеть.

— Зато знаю, как раздражать людей с избыточными правами доступа.

Кирилл понял замысел первым.

Внутренний голос направил тёмно-серую линию через пластиковую карту. Нейтралис добавил белую печать. Алексей сменил конечную точку прохода.

Не Северное зеркало.

Пустой сектор архива.

Тот, куда они только что перенаправили ключ Астэра.

Двойник рванулся назад.

Поздно.

Пустота втянула его.

Варс закричал и попытался прыгнуть следом, но Жгтун бросился с противоположного настила. Одним движением преодолел последние шаги, ударил архивиста плечом и повалил на камень.

Украденная карта упала.

Синтара перехватила её прежде, чем та скользнула в воду.

Проход закрылся.

Водосбор погрузился в тишину.

Варс лежал лицом вниз. Жгтун держал его руку за спиной.

— Всё? — спросил он.

Алексей прислушался.

Пластиковая карта остыла.

Новое ядро дрожало от нагрузки.

«Он не Астэр», — сказал Кирилл.

«Кто?»

«Взрослый ты. Это твоя оставленная копия».

Алексей медленно подошёл к острову.

— Варс. Кто был рядом с тобой?

Архивист рассмеялся.

— Ты.

— Имя.

— Девятый.

— Где Астэр?

— Ждёт у зеркала.

— Зачем ему моя копия?

Варс повернул голову. В его глазах блеснуло безумное восхищение.

— Потому что дверь открывается не живым и не мёртвым.

— А кем?

— Тем, кто существует с обеих сторон одновременно.

Варс улыбнулся.

— После третьего сна вас станет трое. Оригинал. Голос.

И ты.

— Я и есть оригинал.

— Нет.

Эта короткая фраза ударила сильнее угроз.

— Тогда кто я?

— Вторая копия, получившая тело.

Мира шагнула ближе.

— Не слушай.

Варс продолжал:

— Настоящий Алексей Морозов не умер возле урны. Он жив на Земле. А в момент падения сюда отправили только очередной отпечаток.

— Ложь, — сказала Синтара.

— Проверьте карту.

Пластиковый пропуск в руке Алексея вспыхнул.

Из него поднялось изображение.

Москва.

Больничная палата.

На кровати лежал взрослый Алексей.

Затылок перебинтован.

К аппаратам тянулись провода.

Грудь медленно поднималась.

Рядом стоял Владимир Петрович и говорил с врачом.

Дата в углу изображения соответствовала дню после падения.

— Кома, — выдохнул Алексей.

Варс засмеялся громче.

— Тело не умерло. Канал не закрылся. Ты не переселился, Девятый. Тебя скопировали.

Изображение приблизилось.

Взрослый Алексей на больничной кровати открыл глаза.

Медленно повернул голову к невидимой точке наблюдения.

И произнёс беззвучно, но совершенно отчётливо:

«Я знаю, что ты смотришь».

Пластиковая карта погасла.

У Алексея подкосились ноги.

Мира поймала его раньше, чем он упал.

— Это могло быть подделкой.

— Могло.

— Варс лжёт.

— Возможно.

— Ты остаёшься собой.

Внутри Кирилл молчал.

Нейтралис тоже.

Потому что ни один из них не мог опровергнуть увиденное.

Синтара подняла Варса на ноги.

— Забираем его.

— Он не дойдёт, — сказал Алексей.

— Почему?

Тень Варса в воде двигалась отдельно.

Пока тело архивиста продолжало улыбаться, отражение поднялось и приложило палец к губам.

А затем резко потянуло его вниз.

Варс успел только вдохнуть.

Тело стало плоским, словно вырезанным из бумаги, и про-

валилось в собственную тень. Жгтун удержал рукав, но ткань осталась пустой.

На камне лежала лишь тонкая серая кожа, похожая на сброшенную оболочку.

— Свидетелей здесь не любят, — мрачно сказал он.

Синтара развернула украденную карту.

На поверхности проступила новая линия.

Она вела к северу.

Через мёртвые зоны.

К Зеркалу.

В нижнем углу появились часы — не знакомые Алексею цифры, а девять постепенно гаснущих точек.

Первая уже погасла.

— Отсчёт, — сказала Тесса, подоспевшая вместе с Хирсом и Эйданом к концу погони.

— До третьего сна? — спросила Мира.

Алексей посмотрел на восемь оставшихся точек.

Новое ядро внутри сжалось.

Серая стена потерянных четырёх месяцев снова треснула.

За ней взрослый Алексей говорил Астэру:

— Если копия поверит, что она оригинал, переход будет устойчивее.

— А если узнает правду?

— Тогда придётся выбирать, кто из нас имеет право вернуться.

Воспоминание закрылось.

— Да, — сказал Алексей. — До третьего сна.

— Сколько времени означает одна точка? — спросила Синтара.

Нейтралис проанализировал ритм карты.

«Шесть часов».

— Двое суток, — ответил Алексей. — Возможно, меньше.

Мира посмотрела на него.

— И что теперь?

Он сжал пластиковый пропуск.

На фотографии взрослый Алексей продолжал смотреть прямо перед собой. Под левым глазом — шрам, которого он не помнил. На обороте — собственный почерк и абсурдная фраза про кефир.

Единственное доказательство, что он сам когда-то согласился на этот план.

Или что кто-то очень хорошо знал, как заставить копию поверить.

— Теперь готовимся быстрее, — сказал он. — Идём к Северному зеркалу.

Синтара нахмурилась.

— После увиденного ты всё ещё хочешь следовать маршрутом Астэра?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что он рассчитывает, что мы будем выбирать между его дорогой и бездействием.

Алексей указал на чёрные пятна мёртвых зон.

— А мы проложим третий маршрут.

Тесса подошла к карте.

— Здесь нет других проходов.

— На карте — нет.

— А где есть?

Он посмотрел на чёрную воду резервуара.

На её поверхности, там, где исчез Варс, медленно проявлялась линия.

Она шла под основными дорогами.

Глубже.

Через территорию, не отмеченную ни Советом, ни Хранителями.

Нейтралис узнал её первым:

«Старый путь Сердца Тишины».

— Подземная сеть Нейтралиса, — сказал Алексей. — Астэр отключил её семьдесят лет назад и думает, что она до сих пор мертва.

Внутреннее белое присутствие отозвалось холодным удовлетворением.

«Она не мертва».

— Значит, пойдём там, где он нас не ждёт.

Вторая точка на карте моргнула.

Пока не погасла.

Но свет уже слабел.

Из глубины водосбора донёсся далёкий звук.

Стук колёс по рельсам.

Невозможный здесь, под каменным городом.

Алексей замер.

Кирилл тоже его слышал.

«Поезд», — сказал внутренний голос.

— Какой ещё поезд? — спросила Мира.

Чёрная вода дрогнула.

На её поверхности появилось отражение станции метро.

Пустая платформа.

Электронное табло.

На нём горели русские слова:

«СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — ТРЕТИЙ СОН».

В туннеле показались две белые фары.

«Он уже идёт», — прошептал Кирилл.

Алексей смотрел на приближающийся поезд из собственной памяти и чувствовал, как сон медленно просачивается в реальность.

Третья точка на украденной карте начала гаснуть раньше срока.

Глава 7. Суд Совета

Глава 7. Суд Совета

Поезд приближался без звука.

Стук колёс доносился откуда-то из глубины водосбора, но две белые фары скользили по чёрной воде совершенно бесшумно. Они становились ярче с каждым мгновением, выхватывая из темноты каменные стены, ржавые цепи и лица людей, застывших на центральном острове.

На поверхности резервуара отражалась платформа московского метро.

Белые колонны уходили вниз, в невозможную глубину. Электронное табло висело там, где под водой должно было находиться только дно.

«СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — ТРЕТИЙ СОН».

Третья точка на украденной карте медленно гасла.

— Все от воды! — приказала Синтара.

Хирс первым отступил к настилу, увлекая за собой Тессу. Жгтун подхватил оставленную Варсом серую оболочку двумя пальцами, словно особенно неприятную тряпку, и бросил её в металлический футляр.

— Зачем ты это взял? — спросила Мира.

— Вдруг пригодится.

— Для чего?

— Пока не придумал. Но обычно самые мерзкие вещи

оказываются полезными после того, как их выбросишь.

— У тебя очень тревожный жизненный опыт.

— Зато длинный.

Алексей продолжал смотреть на воду.

Поезд был уже близко. Его фары освещали платформу под поверхностью, однако сам состав всё ещё скрывался в туннеле. Вместе с ним приближался холод. Не обычный подземный холод сырого камня, а тот, что ощущался внутри памяти, когда знакомое воспоминание внезапно переставало принадлежать тебе.

Мира сжала его руку.

— Знак.

Круг.

Крест.

Три точки.

Ритм.

Два удара.

Пауза.

Два.

Один.

Алексей повторил.

— Я здесь.

— Пока.

— Не самый ободряющий ответ.

— Зато честный.

Нейтралис развернул внутри сознания белую сеть. Она

охватила новое ядро, чёрный обломок и размеченные слои памяти.

«Это не полноценный сон», — сказал он. «Скорее наложение. Астэр пытается протащить структуру третьего сна в бодрствующее сознание».

«Зачем?»

«Чтобы лишить нас подготовки».

Кирилл отозвался тёмно-серой вспышкой:

«Или заставить войти в поезд».

«В прошлый раз поезд вёз отпечатки к Разлому», — подумал Алексей. «Если войдём сейчас, он получит нас без дороги на север».

«Возможно».

«Замечательное слово. В последнее время оно заменяет половину инструкций».

Третья точка погасла.

Электронное табло под водой изменилось:

«ПОСАДКА НАЧАЛАСЬ».

Поверхность резервуара вздулась.

Из неё медленно поднялся край платформы.

Чёрная вода стекала с белого камня, но не оставляла мокрых следов. Следом появились колонны, скамья, жёлтая полоса безопасности и часть стены с названием станции.

Название было стёрто.

На скамье сидел взрослый Алексей.

Тот, что лежал в московской больнице.

На нём была больничная одежда, затылок закрывала белая повязка. К коже тянулись провода, уходившие прямо в воду.

Он поднял голову.

— Ты опаздываешь, — сказал двойник.

Голос разнёсся по водосбору, хотя его губы двигались в отражении под водой.

— Сегодня мне это уже говорили, — ответил Алексей. — Начинаю подозревать, что проблема не во мне, а в расписании.

— Третья точка погасла.

— Вижу.

— После девятой двери закроются.

— Значит, у нас ещё шесть.

— Пять.

Четвёртая точка на карте мигнула.

— Ты жульничаешь.

— Время никогда не обещало быть честным.

Синтара шагнула между Алексеем и водой.

— Не отвечай ему.

— Боюсь, он уже знает, что я слышу.

— Разговор укрепляет связь.

Двойник улыбнулся.

— Она права. Но если не станешь говорить, я использую твои мысли.

— Прекрасно, — сказал Алексей. — У нас переговоры с

обязательным участием. Почти заседание Совета.

Эйдан бросил на него тяжёлый взгляд.

— Не обязательно оскорблять Совет при любой возможности.

— Обязательно. Это мой внешний якорь личности.

Взрослый двойник поднялся со скамьи.

— Они поведут тебя на суд.

— Очень вероятно.

— Потребуют уничтожить ядро.

Синтара резко посмотрела на Эйдана.

Куратор ничего не сказал.

Двойник продолжил:

— Эйдан уже получил вызов. Пока вы были в архиве, Совет собрал чрезвычайное заседание. Ортенс потребовал немедленной изоляции Девятого. Трое поддержали. Ещё двое хотят вырезать обломок.

— Откуда ты знаешь? — спросил Алексей.

— Через двери проходит не только тело.

— Имена, голоса, память. Это мы уже проходили.

— Мы?

— Я, Кирилл, Нейтралис и остальные жильцы. Счёт запутанный, но коммунальные услуги пока оплачиваю я.

На лице двойника впервые появилось раздражение.

Маленькое.

Почти незаметное.

Но Алексей увидел.

— Ты боишься, что я не стану играть серьёзно, — сказал он.

— Ты боишься серьёзности, поэтому прячешься за шутками.

— Это уже говорил фрагмент Наблюдателя. У вас там методичка одна на всех?

Холод усилился.

По воде прошла рябь.

Из туннеля показался первый вагон.

Его окна были чёрными, но за каждым стояло человеческое лицо.

Дарн.

Орс.

Велл.

Лина.

Мёртвые носители.

Незнакомые мужчины и женщины.

Некоторые смотрели с надеждой.

Другие — с ненавистью.

Один ребёнок прижал ладони к стеклу и беззвучно про-
изнёс:

«Верни».

Чужой голос внутри Алексея раскрылся сам.

Голод отозвался на сотни отпечатков.

Он сделал шаг к воде.

Мира рванула его назад.

— Алексей!

— Вижу.

— Тогда почему идёшь?

— Они зовут.

— Это ловушка.

— Знаю.

Он знал.

Но каждый голос в вагоне ощущался настоящим. Фрагменты людей, вырванные Наблюдателем, спрессованные в движущуюся тюрьму. Если способность Чужого голоса действительно могла освобождать отпечатки, поезд выглядел не только угрозой.

Возможностью.

Именно поэтому ловушка была хорошей.

Она предлагала сделать то, от чего Алексей не сумел бы легко отказаться.

«Не открывай ядро», — предупредил Нейтралис.

«Там люди».

«Их слишком много. Ты потеряешь разделение за несколько мгновений».

Кирилл добавил:

«Он рассчитывает, что ты попытаешься спасти всех».

«Приятно, когда враг так высоко оценивает моральные недостатки».

«Это не недостаток».

«В текущей ситуации спорно».

Двойник подошёл к краю платформы.

— Войди добровольно, и отпечатки останутся целыми.

— А если нет?

— Поезд всё равно уйдёт.

— Куда?

— В Совет.

Эйдан напрягся.

— Что это значит?

Двойник посмотрел на него.

— Ваш зал заседаний построен над старым зеркальным узлом. Астэр участвовал в его восстановлении. Когда поезд прибудет, каждый член Совета услышит голос того, кого сильнее всего боится.

— И что потом?

— Они откроют дверь изнутри.

Синтара вытащила карту из рук Тессы. Четвёртая точка продолжала мерцать.

— Сколько до прибытия?

— Меньше часа, — ответил Алексей после подсказки Нейтралиса.

Эйдан развернулся к выходу.

— Возвращаемся в резиденцию.

— Если уйдём, поезд последует за нами, — сказала Мира.

— Он и так идёт туда.

Двойник кивнул.

— Решай, Девятый. Войти сейчас или смотреть, как Совет

впустит остальных.

— Какой щедрый выбор. Самоубийство или катастрофа.

— Ты всегда выбирал третье.

— Поэтому до сих пор раздражаю тебя.

Алексей достал пластиковый пропуск.

На обороте светились оставшиеся точки.

— Поезд использует маршрут карты?

«Да», — сказал Нейтралис. «Она действует как локальный ключ».

— Тогда мы снова переименуем конечную станцию.

Двойник перестал улыбаться.

— Не получится.

— Ты уже один раз говорил.

— В архиве была структура, которую ты понимал. Здесь сон.

— Сны тоже работают по правилам. Особенно чужие.

Он посмотрел на поверхность воды.

Платформа.

Рельсы.

Туннель.

Табло.

Поезд.

Всё было собрано из его памяти о московском метро. Астэр использовал знакомый образ как интерфейс, чтобы сознание Алексея само поддерживало структуру.

Значит, интерфейс подчинялся не только Астэру.

— В Москве поезда не ходят куда захотят, — сказал Алексей. — Есть стрелки, диспетчеры и люди, которые каждое утро пытаются не дать миллионам пассажиров окончательно возненавидеть жизнь.

— Ты не в Москве.

— Зато метро моё.

Он закрыл глаза.

Не погружаясь в сон.

Только коснулся образа.

Запах металла.

Тормозная пыль.

Гул вентиляции.

Предупреждающий сигнал перед закрытием дверей.

Схема линии над входом в вагон.

Кирилл понял и добавил собственные воспоминания. Другие станции. Другие маршруты. Ночной перегон, где он однажды застрял в остановившемся составе. Лицо раздражённого машиниста, прошедшего по вагону.

Две Москвы наложились.

Астэр создал путь из одной памяти.

Теперь их было две.

Рельсы под водой раздвоились.

Взрослый двойник отступил.

— Остановись.

— Поздно. Диспетчер уже вышел на смену.

Нейтралис направил белую линию через карту. Мира уси-

лила якорь, передавая ритм через ладонь.

Алексей нашёл стрелку.

Не физическую.

Смысловую развилку между «Совет» и «Третий сон».

Рядом лежал старый путь Сердца Тишины — забытая сеть
Нейтралиса, которую они собирались использовать для вы-
хода на север.

Пустой.

Тёмный.

Не связанный с зеркалами Астэра.

Идеальное депо.

— Конечная станция меняется, — сказал Алексей.

Двойник бросился к нему.

Не через воду.

Через отражение.

Его рука вышла из чёрной поверхности возле ног Алек-
сея.

Жгтун ударил клинком.

Пальцы отделились, рассыпавшись мокрыми клочьями
тени.

— Никогда не любил людей, которые хватают за ноги, —
сказал он.

— Часто встречал?

— Достаточно, чтобы сформировать мнение.

Алексей перевёл стрелку.

Поезд завизжал.

Звук вернулся разом, оглушительно и резко. Колёса ударили по невидимому стыку. Вагоны качнулись. Лица за окнами закричали.

Состав ушёл в сторону.

Прямо в каменную стену водосбора.

Камень стал прозрачным, открывая глубокий тоннель старой сети.

Взрослый двойник попытался прыгнуть на подножку последнего вагона, но Мира выбросила красную нить. Она обвила его грудь и дёрнула назад.

Он упал на платформу.

Поезд исчез в темноте.

Табло мигнуло:

«МАРШРУТ ИЗМЕНЁН».

Затем:

«ОШИБКА ДОСТУПА».

Потом погасло.

Платформа начала опускаться.

Двойник поднялся на одно колено. Его больничная одежда потемнела от чёрной воды.

— Ты отправил их в мёртвую сеть.

— В изолированный участок.

— Они не выдержат.

— Нейтралис удержит контур.

«Постараюсь», — сказал тот.

— Он постарается, — поправил Алексей. — В нашей ко-

манде это высшая форма гарантии.

Двойник посмотрел на него с ненавистью.

— Они принадлежат мне.

— Вот теперь ты сказал лишнее.

Чужой голос внутри Алексея отозвался.

Отпечатки в поезде были не просто приманкой для него.

Они питали двойника. Поддерживали его форму.

Платформа уходила под воду.

Вместе с ней исчезал взрослый Алексей.

— Встретимся на суде, — сказал он.

— Тебя туда не приглашали.

— Я уже внутри.

Его лицо дрогнуло.

На мгновение стало лицом Ортенса — пожилого члена

Совета с тяжёлыми веками и серебряной цепью на шее.

Затем водой накрыло голову.

Отражение исчезло.

Водосбор вернулся.

Только чёрная вода.

Ржавые цепи.

Круглый остров.

Четвёртая точка на карте перестала гаснуть.

— Ортенс, — сказал Алексей.

Эйдан понял.

— Ты уверен?

— Двойник использовал его лицо. Возможно, просто хо-

чет вызвать подозрение.

— Или уже имеет через него доступ к Совету, — сказала Синтара.

Хирс убрал клинок.

— Тогда возвращаемся немедленно.

— Сначала закройте водосбор, — сказал Нейтралис через Алексея. — Поезд перенаправлен, но узел остаётся активным.

Эйдан приложил ключ Куратора к подъёмному механизму. Тесса вместе с Синтарой восстановила три старые печати на настиле. Мира провела красной нитью по краю острова, сшивая разрыв, через который появился двойник.

Когда работа закончилась, Алексей чувствовал себя так, словно уже прошёл пешком половину дороги до северной границы. Тело требовало сна. Каждое моргание становилось длиннее предыдущего.

Пятая точка на карте мигнула.

— Не спать, — сказала Мира.

— Отличный совет. Ещё предложи не уставать.

— Могу ударить.

— Это уже практическая помощь.

Она действительно ударила.

Ладонью по щеке.

Не сильно, но достаточно, чтобы голова дёрнулась.

— Я пошутил.

— Я нет.

— Жестокий якорь.

— Эффективный.

Обратно в резиденцию шли быстрым шагом. Эйдан отправил Хирса вперёд через служебный проход, но тот вернулся у первой развилки.

— Выход запечатан снаружи.

— Кем? — спросила Синтара.

— Печатью Совета.

Эйдан приложил ключ. Металлическая пластина не отреагировала.

— Мои полномочия отозваны.

— Быстро работают, — заметил Алексей. — Когда речь идёт о полезных решениях, Совет годами ищет нужный свиток. Когда нужно заблокировать дверь собственному Куратору — мгновенное обслуживание.

Тесса проверила боковой канал.

— Есть аварийный путь через старую цистерну.

— Он выводит в центральный двор, — сказал Хирс. — Там наверняка охрана.

Синтара усмехнулась без радости.

— Значит, чрезвычайное заседание уже началось.

— И нас пригласили в форме осады, — сказал Алексей. — Очень официально.

Путь через цистерну закончился вертикальной шахтой. Жгтун поднялся первым, отодвинул тяжёлую решётку и выглянул.

— Двенадцать бойцов. Два резонатора. Один подавляющий контур.

— Наши? — спросила Синтара.

— Форма Совета.

— Это не ответ.

— Командует Лорн из внутренней стражи Ортенса.

Синтара тихо выругалась.

— Если прорвёмся силой, Совет объявит нас мятежниками.

— А если сдадимся? — спросила Мира.

— Рена отделят от остальных. Возможно, немедленно начнут процедуру уничтожения ядра.

— Тогда вариант с мятежниками выглядит не так плохо, — сказал Жгтун.

Эйдан покачал головой.

— Есть третий путь. Мы сами потребуем суда.

Алексей посмотрел на него.

— Это должно успокоить?

— По старому праву носитель обломка имеет право на открытое разбирательство перед всем составом Совета, если обвиняется в угрозе контуру.

— И до решения его нельзя трогать?

— Нельзя.

— Насколько Совет уважает собственные законы?

Синтара ответила:

— Когда за ними наблюдает достаточно людей — заметно

сильнее.

— Значит, нужен зал со свидетелями.

— Уже собирается. Ортенс хочет публично доказать, что Эйдан потерял контроль.

— Прекрасно. Он подготовил сцену, мы принесём представление.

Мира нахмурилась.

— А если двойник действительно внутри Ортенса?

— Тогда вытащим его на свет.

— Как?

Алексей коснулся нового ядра.

Чужой голос отозвался.

— Через отпечатки.

— Ты едва не вошёл в поезд из-за них.

— Теперь поезд в сети Нейтралиса. Если там есть голоса, связанные с Ортенсом или другими членами Совета, можно вызвать их на суде.

Синтара поняла замысел.

— Мёртвые свидетели.

— Не мёртвые. Отпечатки. Но для публики разница будет несущественной.

Эйдан задумался.

— Совет хранит память умерших членов в мемориальном контуре. Во время открытых заседаний он подключён к залу как символ преемственности.

— Символы сегодня удивительно полезны.

— Доступ к нему закрыт.

— Для обычного резонанса. Не для нового ядра.

Мира сжала губы.

— Ты собираешься снова пустить в себя чужую память.

— Ненадолго.

— Ты всегда говоришь «ненадолго» перед тем, как всё становится значительно хуже.

— Статистически необоснованное преувеличение.

— Статистику я собирала лично.

Пятая точка мигнула ещё раз.

Алексей почувствовал, как веки тяжелеют.

— Сначала выберемся.

Эйдан поднялся к решётке и громко сказал:

— Куратор Эйдан требует открытого разбирательства по праву носителя.

Во дворе наступила тишина.

Лорн ответил:

— Ваши полномочия приостановлены.

— Моих полномочий для требования не нужно. Носитель заявляет право сам.

Алексей поднялся следом.

Двенадцать арбалетов и два резонатора немедленно повернулись к нему.

— Обстановка дружелюбная, — сказал он. — Не хватает только хлеба, соли и письменного уведомления о возможных ожогах.

Лорн был широкоплечим мужчиной лет пятидесяти с белым шрамом над бровью.

— Носитель Рен, сдайте оружие и обломок.

— Обломок встроен. Извлечение сильно ухудшит настроение пациента.

— Тогда только оружие.

Алексей показал пустые руки.

— Моё главное оружие — сомнительные решения.

— Это мы уже заметили.

Неожиданно Лорн оказался способен на сухую иронию. Алексей почти проникся уважением.

— Я требую открытого суда перед полным Советом, — произнёс он.

— Требование принято. До зала пойдёте в подавляющем контуре.

— Мира идёт рядом.

— Нет.

— Тогда я не выхожу.

Лорн посмотрел на Синтару.

— Она якорь?

— Да.

— Пусть идёт.

Синтара удивилась.

— Ортенс приказал разделить её.

— Ортенс не командует внутренней стражей до решения полного Совета.

— А кто командует?

— Пока ещё я.

Лорн поднял руку. Бойцы опустили арбалеты, но резонаторы оставили наведёнными.

— Выходите по одному.

Жгтун шепнул:

— Если что, я возьму левого.

— Там шестеро слева.

— Я знаю.

— Не сомневался.

У Алексея забрали стабилизатор, нож и пластиковую карту. Последнюю он не хотел отдавать, но Лорн запечатал её в прозрачный футляр и передал Тессе.

— Архивист отвечает за вещественное доказательство.

— Почему ей?

— Потому что из всех присутствующих только архивисты боятся потерять документ сильнее, чем жизнь.

Тесса прижала футляр к груди.

— Разумный порядок.

На запястья Алексея надели серебристые браслеты. Резонанс сразу ослаб. Нейтралис стал далёким. Чужой голос, наоборот, приблизился.

«Подавление не действует на меня полностью», — сказал Кирилл.

«Знаю. Поэтому не двигайся без разрешения».

«Если начнётся третий сон?»

«Разбуди».

«Как?»

«Можешь крикнуть. Только не захватывай рот».

«Требовательный хозяин».

«Не хозяин. Сосед по крайне неудачной аренде».

Их провели через центральные коридоры. По обе стороны стояли служители, стражники и младшие архивисты. Слухи уже разошлись. Кто-то смотрел на Алексея со страхом. Кто-то — с надеждой. Несколько человек касались пальцами груди, повторяя знак Вестника.

Мать Веста ждала возле входа в зал.

Рядом с ней стояли около тридцати Ожидающих.

— Они не войдут, — сказал Лорн.

— Мы имеем право наблюдать суд над Вестником, — ответила она.

— По какому закону?

— По тому, который вы сейчас пытаетесь применить.

Тесса тихо сказала:

— Она права. Открытое разбирательство требует присутствия представителей трёх независимых сторон.

Лорн закрыл глаза на мгновение.

— Я начинаю ненавидеть древнее право.

— Добро пожаловать, — сказал Алексей. — Возьмите номерок.

Двери зала распахнулись.

Совет собрался полным составом.

Двадцать одно кресло образовывало полукруг. Девятнадцать были заняты живыми членами. Два пустовали, но над ними горели белые огни мемориального контура.

Ортенс сидел в центре.

Пожилой, тяжёлый, в тёмной мантии с серебряной цепью. Его лицо выглядело обычным. Усталость. Раздражение. Уверенность человека, который заранее знает исход заседания.

Никаких чёрных глаз.

Никакой тени.

Это ничего не доказывало.

— Носитель Рен, — начал Ортенс, — вы обвиняетесь в нарушении изоляции, незаконном проникновении в Девятое хранилище, присвоении полномочий архива, контакте с фрагментом Наблюдателя и создании независимого резонансного ядра неизвестной природы.

— В такой формулировке звучит очень продуктивно.

— Вы понимаете серьёзность обвинений?

— Да. Особенно незаконное проникновение в архив. Если бы знал, что за спасение города судят мягче, чем за чтение документов, расставил бы приоритеты иначе.

По залу прошёл слабый шум.

Ортенс ударил ладонью по подлокотнику.

— Отвечайте по существу.

— Тогда начнём с того, что в архив я вошёл с разрешения Куратора, Синтары и официальной меткой. Фрагмент Наблюдателя контактировал со мной без предварительной

записи. Независимое ядро создало себя само, а полномочия архива я не присваивал — я не позволил вашему бывшему специалисту Астэру украсть весь сектор носителей.

Имя вызвало реакцию.

Трое членов Совета переглянулись.

Одна пожилая женщина побледнела.

Ортенс остался неподвижен.

— Астэр мёртв девять лет, — сказал он.

— Очень активный покойник. Крадёт карты, использует архивистов, запускает поезда из чужих снов. Некоторые живые сотрудники работают заметно меньше.

— Доказательства?

Тесса подняла футляр.

— Земной ключ носителя, украденная карта и запись настоящего Кирилла.

— Запись могла быть создана самим носителем.

— Тогда я за несколько часов изобрёл земную электронику в мире, где половина специалистов не понимает слово «напряжение». Требую немедленную премию.

— Достаточно!

Ортенс повысил голос.

На последнем слоге Алексей услышал второй.

Очень тихий.

Собственный взрослый голос.

«Достаточно».

Кирилл тоже услышал.

«Он внутри».

«Или рядом».

Ортенс продолжил:

— Главный вопрос не в Астэре. Внутри носителя находится самостоятельная сущность, способная захватывать его речь, смешивать память и обращаться к отпечаткам умерших. Носитель уже называл близких людей чужими именами. После следующего сна, по его собственным сведениям, ядро может получить контроль над телом.

Мира шагнула вперёд.

— Эти сведения были представлены добровольно.

— Что не делает угрозу меньше.

— Но доказывает, что Алексей сохраняет волю.

— Пока.

Один из членов Совета поднялся.

Худой мужчина с острым лицом и золотой полосой на мантии.

— Предлагаю немедленно отделить ядро.

Нейтралис передал оценку:

«Вероятность гибели носителя — семьдесят четыре процента».

— При попытке отделения я с вероятностью семьдесят четыре процента умру, — сказал Алексей.

— Значит, остаётся двадцать шесть процентов на спасение, — ответил мужчина.

— Любопытная арифметика. Предлагаю сначала прове-

рить её на авторе.

Несколько наблюдателей рассмеялись.

Ортенс ударил по подлокотнику.

— Тишина!

Второй голос снова прозвучал под первым.

Мемориальные огни над пустыми креслами дрогнули.

Алексей почувствовал отпечатки.

Двое умерших членов Совета хранились в белом контуре.

Не полноценные личности. Собранные воспоминания, решения, последние мысли.

Один след был спокойным.

Второй метался.

Кто-то удерживал его.

«Слева», — сказал Кирилл.

Пустое кресло слева от Ортенса.

Над ним горел свет покойного советника Мерса, умершего три года назад.

Алексей знал имя из чужого отпечатка.

Не из документов.

Из структуры Чужого голоса.

— Я требую свидетельства мемориального контура, — сказал он.

Ортенс замер.

— На каком основании?

— На основании открытого суда. Умершие члены Совета считаются частью преемственности и имеют право подтвер-

ждать нарушения внутреннего закона.

Тесса быстро перелистнула принесённый свиток.

— Имеют, — подтвердила она.

— Контур повреждён.

— Очень своевременно.

— Доступ запрещён.

— Тогда почему один из них пытается говорить?

Зал затих.

Белый огонь над левым креслом вспыхнул.

Ортенс резко повернул голову.

На его лице впервые появился страх.

— Подавить мемориальный контур! — приказал он.

Лорн не двинулся.

— Решение требует двух подписей.

— Я председательствую.

— Это не вторая подпись.

Алексей поднял скованные руки.

— Могу помочь.

— Браслеты не снимать, — сказала Синтара.

— И не нужно.

Он коснулся Чужого голоса.

Ядро раскрылось.

Не широко.

Тонкой щелью.

Белый отпечаток Мерса отозвался.

Между пустым креслом и грудью Алексея протянулась ед-

ва заметная нить.

Боль пришла сразу.

Старая.

Сердечная.

Чужое тело падает в кабинете.

Кто-то стоит рядом и не зовёт лекаря.

Серебряная цепь.

Голос Ортенса:

— Простите. Вы слишком рано поняли.

Алексей вдохнул.

— Мерс умер не сам.

Ортенс поднялся.

— Ложь.

Белый огонь над креслом вытянулся в человеческую фигуру.

Пожилой мужчина с короткой бородой и глубоко посаженными глазами посмотрел на Совет.

— Меня убили, — сказал он голосом Алексея.

Зал взорвался шумом.

Ортенс сделал шаг назад.

— Это носитель! Он подделывает отпечаток!

Мерс повернул голову к нему.

— Ты держал мою руку, пока сердце останавливалось.

Голос шёл уже не только через Алексея.

Сам мемориальный контур заговорил.

— Ты сказал, что Астэр вернётся, когда появится Деся-

тый.

Ортенс побледнел.

Лорн вытащил клинок.

— Председатель, отойдите от центральной печати.

— Вы верите призраку, вызванному заражённым носителем?

— Отойдите.

Ортенс ударил ладонью по серебряной цепи.

Зал погас.

На мгновение исчез весь свет.

Алексей услышал звук прибывающего поезда.

Двери открылись где-то совсем рядом.

Когда освещение вернулось, за креслами Совета стояли пассажиры.

Десятки отпечатков из состава.

Ортенс успел перенаправить часть поезда обратно.

Лица мёртвых и украденных смотрели на живых членов Совета.

Каждый увидел кого-то своего.

Женщина справа закричала имя сына.

Другой советник упал на колени.

Третий бросился к призрачной фигуре жены.

— Не касаться! — крикнул Алексей. — Они используют связь!

Поздно.

Первый советник обнял отпечаток.

Призрачные руки вошли в его грудь.

Глаза мужчины почернели.

Хирс прыгнул через ограждение и ударил рукоятью по виску. Советник рухнул.

Синтара развернула подавляющий резонатор.

Белая волна прошла по залу.

Отпечатки закачались, но не исчезли.

Ортенс побежал к боковой двери.

Лорн преградил путь.

— Стоять.

Председатель ударил его серебряной цепью.

Лорн успел закрыться клинком, но удар отбросил его на несколько шагов.

Цепь ожила.

Каждое звено раскрылось маленьким человеческим ртом.

— Голоса Совета, — прошептала Тесса. — Он собирал отпечатки членов.

Ортенс сорвал с себя мантию.

Под одеждой его тело было покрыто чёрными нитями. Они уходили под кожу, стягивая рёбра, шею и позвоночник.

— Вы не понимаете, — сказал он.

Теперь вторым голосом.

Взрослым голосом Алексея.

— Совет должен был сохранить дверь до возвращения Де-вятого.

Алексей шагнул вперёд.

— Астэр внутри тебя?

— Астэр — должность. Не человек.

— Ненавижу организации, в которых названия должностей переживают сотрудников.

Ортенс улыбнулся.

— Ты сам создал эту.

Серая стена четырёх месяцев внутри памяти треснула сильнее.

Комната.

Москва.

Алексей сидит за столом напротив нескольких людей. На мониторе схема из девяти точек.

Он говорит:

— Нужен администратор перехода. Не личность. Роль, которую можно передавать между носителями.

— Название? — спрашивает женщина.

— Астэр.

Воспоминание исчезло.

Алексей пошатнулся.

— Я придумал Астэра.

— Ты создал ключ, — сказал Ортенс. — Мы только продолжили работу.

Он рванул цепь.

Чёрные голоса метнулись к Алексею.

Мира встала на пути и подняла красный щит. Цепь ударила о него, рассыпая искры.

Синтара атаковала справа.

Жгтун — слева.

Ортенс оказался быстрее, чем позволял его возраст. Чёрные нити под кожей управляли телом, не обращая внимания на суставы и боль. Он уклонился от клинка Синтары, ударил Жгтуна локтем и выбросил цепь к мемориальному контуру.

Мерс закричал.

Его белый отпечаток начал темнеть.

— Он забирает свидетеля! — крикнула Тесса.

Алексей раскрыл новое ядро.

На этот раз полностью.

Чужие голоса в зале отозвались.

Сотни красноватых нитей стали видимыми.

Отпечатки тянулись не к Ортенсу.

Через него.

Дальше на север.

К Северному зеркалу.

Ортенс был только промежуточным узлом.

Алексей схватил ближайшую нить и дёрнул.

В сознание ударила чужая жизнь.

Мерс.

Заседания.

Тайный разговор.

Ортенс и трое других советников стоят у старой карты.

— Когда Девятый появится, Эйдан должен потерять власть.

— А если носитель откажется идти к зеркалу?

— Третий сон приведёт его.

— Астэр обещал?

— Астэр не обещает. Он рассчитывает.

Алексей отделил отпечаток.

— Трое, — сказал он. — У Ортенса трое сообщников в Совете.

Одна из женщин вскочила с места.

Синтара увидела раньше.

Метнула клинок.

Лезвие пробило рукав и пригвоздило женщину к креслу.

Второй сообщник бросился к мемориальному огню. Хирс сбил его с ног.

Третий не двинулся.

Потому что сидел рядом с Эйданом.

Молодой советник Илар.

Он вытащил тонкую иглу и ударил Куратора в шею.

Мира выбросила красную нить, перехватила запястье. Игла прошла в волосе от кожи.

Эйдан отшатнулся.

Илар улыбнулся.

— Поздно.

На кончике иглы уже была кровь.

Не Эйдана.

Его собственная.

Яд растекался по руке.

Советник упал, захлёбываясь смехом.

— Разлом уже знает дорогу, — выговорил он. — Девятый сам её построил.

Лекари бросились к нему, но тело выгнулось.

Изо рта вышла чёрная нить и ушла в пол.

Ортенс воспользовался мгновением.

Рванулся к боковой двери.

Алексей перехватил серебряную цепь.

Звенья-рты впились в ладонь.

Чужие голоса хлынули внутрь.

Боль.

Страх.

Молитвы.

Сделки.

Последние слова умерших членов Совета.

Чужой голос раскрылся навстречу.

«Отпусти цепь!» — потребовал Нейтралис.

«Если отпущу, он уйдёт».

«Ты поглотитшь слишком много».

Кирилл сказал:

«Не поглощай. Верни».

— Кому?

«Залу».

Алексей понял.

Он не стал тянуть отпечатки в себя.

Пропустил через ядро и направил наружу.

Цепь вспыхнула.

Все украденные голоса заговорили одновременно.

Не хаотичным хором.

Каждый — своим ртом, своим именем, своей последней правдой.

— Ортенс приказал закрыть Восточный узел.

— Илар подменил отчёт.

— Астэр использует должность как сосуд.

— Предыдущий Верховный куратор знал.

— Девятого готовили заранее.

— Эйдан не участвовал.

Последняя фраза ударила по залу особенно сильно.

Ортенс попытался вырвать цепь.

Алексей удержал.

Кожа на ладони рвалась, кровь стекала по звеньям.

Мира обхватила его сзади, передавая ритм.

Два.

Пауза.

Два.

Один.

— Ты здесь! — крикнула она.

— Пока да.

— Не «пока». Здесь!

Он дёрнул цепь ещё раз.

Чёрные нити вышли из тела Ортенса.

Сотни.

Они рвались наружу через кожу, не оставляя крови. Пожилой мужчина закричал собственным голосом.

Настоящим.

Испуганным.

— Помогите!

На мгновение в его глазах не было ни Астэра, ни двойника.

Только человек, который однажды согласился принять чужую роль и слишком поздно понял, что роль не собирается уходить.

— Я могу отделить её, — сказал Алексей.

— Делай! — крикнула Синтара.

— Она связана с севером. Если потяну, открою канал.

— Тогда режь.

— Убью Ортенса.

— Он уже умирает.

Ортенс слышал.

— Режь, — прохрипел он.

Чёрные глаза вернулись.

— Не смей, — сказал голос Астэра.

Ортенс ударил себя кулаком в грудь.

— Режь!

Алексей сформировал сине-фиолетовую линию вдоль цепи.

Нейтрелис укрепил её белым светом.

Кирилл нашёл точку, в которой роль Астэра соединялась

с личностью носителя.

Тонкий шов.

Почти такой же, какой связывал самого Кирилла с новым ядром.

«Если ошибёшься, заберёшь его личность», — предупредил Кирилл.

«Покажи точку».

«Вот».

Алексей разрезал.

Тишина пришла мгновенно.

Ортенс упал.

Чёрные нити отделились от тела и собрались в высокую фигуру в сером плаще.

Астэр.

Без лица.

Под повязкой была пустота.

— Ты не можешь уничтожить должность, — произнёс он.

— Зато могу сократить штат.

Алексей направил освобождённые голоса в фигуру.

Не проглотил.

Вернул тому, кто их украл.

Сотни личностей ударили по пустому сосуду.

Серый плащ раздулся.

Под повязкой появились лица.

Мерс.

Илар.

Ортенс.

Незнакомые носители.

Астэр пошатнулся.

— У каждой системы есть предел нагрузки, — сказал Алексей.

— Ты создавал меня без предела.

— Значит, тогда я был хуже как специалист.

Фигура разорвалась.

Не взрывом.

Тихим серым дождём.

Ключья тени упали на пол и растаяли.

Серебряная цепь рассыпалась обычными металлическими звеньями.

Алексей опустился на колени.

Мира удержала его.

— Кто я?

— Мира.

— Кто ты?

— Алексей. Рен. Девятый. Возможно, копия. Список всё хуже.

— Хорошо.

— Не уверен, что последнее слово подходит.

Лорн проверял Ортенса.

— Жив.

— Разум? — спросила Синтара.

Ортенс открыл глаза.

Посмотрел на неё.

— Я помню всё, — прошептал он.

— Тогда будете давать показания.

— Если доживу.

— Доживёте. Из принципа.

Мемориальный отпечаток Мерса всё ещё стоял над пустым креслом.

Он посмотрел на Алексея.

— Среди руководства остался ещё один.

— Кто?

— Не знаю.

— Очень своевременная неполнота данных.

— Он не член Совета.

— Тогда кто?

Мерс начал растворяться.

— Тот, кто составит вашу экспедицию.

Белый свет погас.

В зале остались живые, раненые и освобождённые отпечатки. Последние медленно возвращались в мемориальный контур или исчезали, закончив удерживавшую их задачу.

Эйдан вышел в центр.

— Открытый суд продолжается.

Все посмотрели на него.

Даже Алексей.

— Серьёзно? — спросил он. — После заговора, нападения призраков и извлечения должности из председателя?

— Именно теперь решение должно быть принято по закону.

— Начиная подозревать, что любовь к процедурам — отдельная форма одержимости.

Эйдан повернулся к оставшимся членам Совета.

— Обвинение в создании ядра снято как неподтверждённое. Обвинение в незаконном доступе к архиву снято. Вопрос об угрозе носителя остаётся.

Пожилая советница поднялась.

— Он только что спас нас.

— И показал способность вызвать мёртвых, отнять чужой отпечаток и изменить маршрут зеркального перехода, — возразил худой мужчина с золотой полосой. — Благие намерения не делают силу безопасной.

— Нож тоже опасен, — сказал Жгтун. — Но обычно судят руку.

— Ядро обладает собственной волей.

— Моя рука иногда тоже. Особенно когда слышит глупости.

Несколько человек нервно рассмеялись.

Эйдан поднял ладонь.

— Носитель Рен, готовы ли вы принять условия контроля?

— Зависит от условий.

— Экспедиция к Северному зеркалу под командованием Синтары. Постоянный якорь Миры. Наблюдение Хирса. За-

прет на самостоятельное использование Чужого голоса, кроме непосредственной угрозы жизни. При потере контроля командир имеет право остановить носителя любым способом.

— Под «любым» вы имеете в виду убить.

— Да.

Мира резко вдохнула.

Алексей посмотрел на Синтару.

— Сможешь?

Она ответила без паузы:

— Если вместо тебя останется то, что попытается открыть Разлом, — да.

— Хорошо.

— Алексей, — сказала Мира.

— Если это буду уже не я, её решение окажется правильным.

— А если ошибётся?

— Тогда постараюсь оставить очень неприятный призрак и регулярно критиковать её командование.

Синтара едва заметно усмехнулась.

— Узнаваемый признак подлинности.

Эйдан повторил:

— Принимаете условия?

Алексей посмотрел на карту.

Пять светящихся точек.

Одна мерцала.

Меньше двух суток до третьего сна.

Северное зеркало.

Настоящий Кирилл.

Астэр, который оказался не человеком, а передаваемой ролью.

Взрослый Алексей на Земле.

И неизвестный человек, который составит их экспедицию.

— Принимаю.

Голосование прошло быстро.

Двенадцать — за экспедицию и сохранение носителя.

Четверо — за немедленное уничтожение ядра.

Двое воздержались.

Один лежал с ядом в крови.

Ортенс больше не имел права голоса.

Эйдан объявил решение:

— Экспедиция выходит через северные ворота на рассвете.

— Рассвет через два часа, — сказала Тесса.

— Значит, собирайтесь быстро.

— Нормальная еда входит в условия? — спросил Алексей.

— Входит.

— Тогда Совет всё-таки способен принимать разумные решения. Прошу зафиксировать исторический момент.

Люди начали покидать зал.

Лекари унесли Ортенса и Илара. Лорн распределял охрану. Синтара проверяла список участников, который ей пере-

дал один из служителей.

Алексей увидел, как изменилось её лицо.

— Что?

Она протянула лист.

В основном составе значились:

Синтара.

Рен.

Мира.

Хирс.

Тесса.

Жгтун.

Кайле.

Кресс.

Мать Веста.

И ещё один человек.

Представитель Совета по имени Севард.

— Знаешь его? — спросил Алексей.

— Видела дважды. Специалист по северным дорогам. Назначен лично Эйданом.

Куратор подошёл к ним.

— Я его не назначал.

Холодок прошёл по коже.

— Тогда кто внёс имя?

Тесса проверила печать.

— Подпись подлинная.

Эйдан посмотрел на неё.

— Я не ставил.

Алексей коснулся строки.

Буквы были ещё влажными.

Чернила медленно двигались, образуя новый знак.

Серый плащ.

Пустое лицо.

Затем имя исчезло.

На его месте появилась фраза:

«ДОРОГА ДОЛЖНА ИМЕТЬ НАБЛЮДАТЕЛЯ».

Пятая точка на карте погасла.

Алексей поднял взгляд.

У дальнего выхода из зала стоял незнакомый мужчина в дорожном плаще.

Он улыбнулся, коснулся двумя пальцами виска и растворился среди уходящих людей.

— Севард, — сказала Синтара.

— Не выпускать никого! — приказал Лорн.

Двери захлопнулись.

Стража начала проверять присутствующих.

Но человека в дорожном плаще уже не было.

На каменном полу возле выхода лежал маленький металлический предмет.

Алексей поднял его.

Гильза.

Современная.

От пистолетного патрона.

На боку была нацарапана одна русская буква:
«А».

Кирилл внутри тихо произнёс:
«Он пришёл с Земли».

Алексей сжал гильзу.

За высокими окнами зала серело небо.

До выхода оставалось два часа.

До третьего сна — четыре погасшие точки.

А человек, которого не назначал никто из живых, уже ждал их на северной дороге.

Глава 8. Северная дорога

Глава 8. Северная дорога

Сборы заняли один час и сорок три минуты.

Оставшиеся семнадцать минут Совет потратил на спор о том, считать ли экспедицию исследовательской, военной или чрезвычайной.

Алексей предложил назвать её «очень плохой идеей с ограниченным сроком исполнения», но Тесса отказалась вносить формулировку в официальный журнал.

— Почему? — спросил он.

— Потому что через сто лет архивисты решат, что это утверждённый тип операции.

— И будут правы.

— Но сокращение получится неудобным.

В комнате подготовки лежали свёрнутые палатки, оружие, коробки с сухими пайками, лечебные составы и защитные амулеты. Служители метались между столами, сверяясь с тремя разными списками. Два списка противоречили друг другу, третий оказался перечнем мебели из западного крыла.

Синтара стояла в центре хаоса и говорила тихо.

Поэтому её слышали все.

— Личные вещи — только необходимые. Боевой комплект — один. Запасные плащи — два на человека. Вода на три дня, дальше пополняем у постов. Ни один предмет неиз-

вестного происхождения не берём.

Алексей поднял пластиковый пропуск.

— Исключение?

— Он известного происхождения?

— Относительно. Земной. Мой. Возможно, оставленный другой копией меня по просьбе человека, который может быть должностью.

Синтара посмотрела на него.

— Убедил. Оставь.

— Спасибо за доверие.

— Это не доверие. Если выбросить, он, вероятно, вернётся в чьём-нибудь глазу.

— Разумная оценка местной действительности.

Мира проверяла содержимое лекарской сумки. Она двигалась быстро и точно, но Алексей замечал усталость в каждом жесте. После второго сна и суда она не отдыхала ни минуты.

— Тебе нужно поспать, — сказал он.

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

— Через час мы выходим, а ты сам не должен спать.

— Именно поэтому хотя бы один из нас обязан сохранять способность думать.

— Ты предлагаешь мне оставить тебя перед третьим сном?

— Предлагаю закрыть глаза на двадцать минут.

— Нет.

— Мира.

— Алексей.

— Если мы начнём копировать интонации Синтары, отношения станут окончательно нездоровыми.

Синтара, стоявшая в нескольких шагах, не обернулась.

— Они уже нездоровые.

— Подслушивать невежливо.

— Говорить громко рядом с командиром неразумно.

Мира затянула ремень сумки.

— Я посплю на первой остановке.

— Если она будет.

— Будет, — сказала Синтара. — Последний пост Вайрде-на в трёх часах от ворот. Там меняем лошадей и проверяем след.

— Какой след?

— Севарда.

После суда Лорн установил, что неизвестный мужчина появился в резиденции за четыре дня до нападения на Третий узел. Документы были безупречны. Его знали служители, помнили стражники и двое членов Совета. Однако никто не мог сказать, когда именно познакомился с ним впервые.

Севард словно всегда находился на краю чужого внимания.

Достаточно знакомый, чтобы не вызывать вопросов.

Недостаточно важный, чтобы о нём сохранились подроб-

ности.

Его комната оказалась пустой. Ни одежды, ни оружия, ни личных вещей.

Только круглый след от горячей кружки на столе и московская гильза в зале Совета.

— След ведёт к северным воротам, — продолжила Синтара. — Он использовал лошадь внутренней стражи и выехал сорок минут назад.

— Почему его выпустили? — спросила Мира.

— Показал приказ Эйдана.

— Поддельный?

— Подлинный. Куратор его не подписывал.

— У вас печати вообще что-нибудь защищают?

— Раньше защищали.

— Раньше у вас не было человека, который обращается с магическими правами доступа как с плохо настроенной сетью, — сказал Алексей.

Синтара бросила на него взгляд.

— Ты восхищаешься?

— Профессионально раздражён.

На соседнем столе Тесса раскладывала карты. Основная, резервная, копия из Девятого хранилища и тонкая пластина с подземными путями Нейтралиса.

Последняя выглядела почти пустой.

Стоило Алексею коснуться края, по поверхности проходили белые линии.

— Старый путь начинается под северным постом, — сказал Нейтралис через него. — Первый участок доступен. Далее сеть повреждена.

— Насколько? — спросила Тесса.

— Я не получал сигнала из северного сектора семьдесят лет.

— Это не ответ.

— До первого обвала дойдём за восемь часов. Дальше потребуется оценка на месте.

Жгтун подошёл, жуя кусок сушёного мяса.

— Перевозу: дорога существует до момента, когда перестаёт существовать.

— Очень полезный перевод, — сказала Тесса.

— Я старался.

Кайле сидел у стены и точил длинный нож. После суда он почти не говорил. На его шее виднелся свежий амулет из тёмного дерева.

— Это что? — спросил Алексей.

— Защита от чужих голосов.

— Работает?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Успокаивает.

— Наконец-то честная реклама магического товара.

Кресс возился с двумя резервными резонаторами. Один был новым, второй — собранным из остатков того, что трес-

нул во время боя с фрагментом.

— Ты действительно берёшь сломанный? — спросила Тесса.

— Он не сломанный.

— Разделён на четыре части.

— Это модульная конструкция.

— Раньше была одной частью.

— Менее модульная конструкция.

Жгтун одобрительно кивнул.

— Хороший мастер.

Мать Веста пришла последней. Вместо храмовой одежды на ней был серый дорожный плащ. За спиной — узкий футляр со свитками Ожидающих. Вместе с ней появился молодой последователь ордена по имени Фар.

Синтара преградила ему путь.

— В составе только один представитель.

— Я сопровождаю мать Весту.

— Нет.

— Он нужен для перевода северных песнопений, — сказала Веста.

— Тесса знает язык Первых.

— Тесса читает его. Фар умеет произносить.

Архивистка неохотно подтвердила:

— Некоторые звуки я воспроизвести не могу.

— Какие? — спросил Алексей.

Тесса произнесла нечто среднее между кашлем и скреже-

том металла.

Кресс выронил инструмент.

Жгтун перестал жевать.

— Понятно, — сказал Алексей. — Язык разработан человеком, который ненавидел горло.

— Это был не человек, — заметила Веста.

— Многое объясняет.

Синтара разрешила Фару идти до последнего поста. Дальше решение откладывалось.

Оставался Хирс.

Он появился за несколько минут до выхода. На нём была обычная тёмная броня, но оружия стало больше: два коротких клинка, длинный нож, арбалет и тонкая серебристая проволока на поясе.

— Собираешься воевать с дорогой? — спросил Жгтун.

— Если потребуется.

— Она обычно не отбивается.

— Ты ходил по северным дорогам?

— Да.

— Тогда знаешь, что отбивается.

Жгтун признал довод кивком.

Хирс передал Синтаре запечатанный конверт.

— Приказ Совета.

Она вскрыла, прочитала и сожгла лист над свечой.

Алексей наблюдал.

— Что там?

— Условия операции.

— Какие?

— Те, что уже объявлены.

— Тогда зачем сжигать?

— Чтобы ты не испортил настроение перед выходом.

— Теперь настроение испорчено любопытством.

Хирс не смотрел на него.

Именно поэтому Алексей понял: в приказе было что-то ещё.

Нейтралис тоже заметил.

«Вероятно, распоряжение остановить тебя при достижении критической интеграции».

«Слово “остановить” снова означает убить?»

«Почти наверняка».

Кирилл тихо сказал:

«Он согласился».

«Хирс выполняет приказы».

«И ты всё равно берёшь его».

«Лучше человек, о приказе которого подозреваешь, чем неизвестный доброволец с добрыми глазами».

«У тебя были плохие отношения с коллективом?»

«Я работал системным администратором. У меня были плохие отношения с человечеством в целом».

Снаружи ударил колокол.

Рассвет.

Северные ворота Вайрдена открывали только после вос-

хода, но сегодня тяжёлые створки начали расходиться в сером предутреннем свете.

Город провожал их дождём.

Тонким, холодным, почти осенним, хотя до осени оставалось несколько месяцев. Мокрые крыши отражали синие фонари. На улицах уже стояли люди.

Кто-то пришёл посмотреть на Вестника.

Кто-то — убедиться, что угрозу действительно выводят за стены.

Женщина возле пекарни перекрестила Алексея знаком своего бога. Пожилой мужчина плюнул под ноги.

Девочка лет десяти протянула маленькую деревянную фигурку.

— Это тебе.

Алексей остановился.

Синтара хотела поторопить, но промолчала.

Фигурка изображала птицу с одним крылом.

— Почему одно? — спросил Алексей.

— Второе она потеряла.

— Тогда как летает?

Девочка пожала плечами.

— Очень сердито.

Жгтун рассмеялся.

Алексей взял фигурку.

— Отличный способ.

— Ты вернёшься?

Вопрос прозвучал просто.

Он не умел отвечать на такие вопросы.

Особенно детям.

— Постараюсь.

— Взрослые так говорят, когда не знают.

— Правильно.

— Тогда скажи честно.

Алексей посмотрел на северные ворота.

За ними дорога уходила между мокрыми полями, дальше — к лесу, мёртвым зонам и зеркалу, возле которого их ждал человек, называвшийся настоящим Кириллом.

— Не знаю, — сказал он.

Девочка кивнула.

— Так лучше.

Она убежала к матери.

Алексей спрятал птицу в карман рядом с пластиковым пропуском.

— Ещё один якорь? — спросила Мира.

— Возможно.

— Только не потеряй.

— У неё одно крыло. Далеко не улетит.

Отряд насчитывал двенадцать человек.

Алексей, Мира, Синтара, Хирс, Жгтун, Тесса, Кайле, Кресс, мать Веста, Фар и двое бойцов внутренней стражи — Лесс и Роан. Лорн лично выбрал их после суда.

Лошадей дали крепких, северной породы. Алексей смот-

рел на своего серого жеребца с подозрением.

Жеребец отвечал взаимностью.

— Он чувствует страх, — сказал Кайле.

— Я не боюсь.

Лошадь прижала уши.

— Тогда она чувствует ложь.

— Мы просто профессионально не доверяем друг другу.

— Ты умеешь ездить?

— В прошлой жизни один раз катался в парке. Лошадь звали Звёздочка, и она ненавидела детей.

— Эта ненавидит всех.

— Уже больше общего.

Мира помогла закрепить сумки.

— Не тяни повод резко.

— Если она понесёт?

— Держись.

— Исчерпывающая инструкция. Местная техническая поддержка снова на высоте.

Первые полчаса Алексей был занят исключительно тем, чтобы не упасть.

Потом тело Рена начало вспоминать.

Мальчик умел ездить верхом.

Не хорошо, но заметно лучше, чем взрослый Алексей. Мышцы сами подстраивались под движение лошади, руки мягче держали повод.

Это была память тела.

Чужого тела.

Раньше он почти не задумывался, сколько привычек Рена использует ежедневно. Как держит ложку. Как завязывает ремни. Как произносит местные слова. Они не ощущались отдельной личностью, только удобными навыками.

Теперь после появления Кирилла любая чужая способность вызвала вопрос.

Если человек состоит из памяти, решений и тела, сколько чужого можно присвоить, прежде чем перестанешь быть собой?

«Слишком рано для философии», — сказал Кирилл.

«Ты читаешь поверхностные мысли».

«Ты думаешь громко».

«Это внутри головы».

«Именно».

«Можешь отойти глубже?»

«Могу попробовать».

Тёмно-серое присутствие отступило.

Не исчезло.

Но давление уменьшилось.

Алексей отметил добровольный жест.

Свой выбор Кирилла.

Не память настоящего носителя.

Маленькое доказательство отдельной воли.

Дорога поднималась к северным холмам. Вайрден оставался за спиной — тёмный, мокрый, окружённый стенами

и башнями. Чем дальше они уходили, тем меньше город казался настоящим. Через час шпили растворились в дожде.

Слева тянулись поля.

Справа начинался лес.

Деревья стояли слишком близко друг к другу, их ветви переплетались над чёрной землёй. Иногда между стволами мелькали белые фигуры.

— Кто там? — спросил Алексей.

— Никого, — ответила Синтара.

— Я вижу.

— Поэтому и говорю.

— Очень полезно.

Жгтун ехал справа.

— Лес повторяет всадников.

— Зачем?

— Учится.

— Чему?

— Выходить на дорогу.

Алексей посмотрел между деревьями.

Белая фигура двигалась параллельно. У неё уже были руки, ноги и голова. Лицо пока оставалось гладким.

— И когда научится?

— Лучше не проверять.

Кресс достал маленький резонатор и направил в лес. Фигура исчезла.

Через несколько минут появилась снова.

Теперь у неё было лицо Кресса.

Молодой зритель побледнел.

— Не смотри, — сказала Синтара.

— Оно выглядит как я.

— Пока плохо.

— А потом?

— Потом лучше.

— Вы умеете успокаивать не хуже Одвара.

На развилке нашли первую метку Севарда.

Гильза была вбита в деревянный столб.

Современная, как та, что лежала в зале Совета. На боку нацарапана стрелка, указывающая на север.

Синтара не стала касаться голыми руками.

Кресс проверил резонатором.

— Магического следа нет.

— Совсем? — спросила Тесса.

— Совсем.

Нейтралис подтвердил:

«Предмет чужд местному контуру. Но слабый след перехода присутствует».

Алексей надел перчатку и вытащил гильзу.

Она пахла металлом и порохом.

Настоящим порохом.

— Стреляная, — сказал он.

— Из чего? — спросила Мира.

— Огнестрельное оружие. Металлический механизм вы-

брасывает маленький снаряд за счёт взрыва.

Жгтун заинтересовался.

— Далеко?

— Зависит от оружия. Пистолет — десятки метров. Винтовка — сотни.

— Магия?

— Химия.

— Можно изготовить здесь?

— Теоретически.

Синтара протянула руку.

— Отдай.

— Почему?

— Потому что выражение лица Жгтуна мне не нравится.

— А что с ним?

— Он уже мысленно вооружает отряд.

Жгтун не стал отрицать.

— Полезная вещь.

— Не сейчас, — сказала Синтара.

Алексей передал гильзу.

На внутренней стороне была царапина.

Две русские буквы:

«С. Д.».

— Инициалы? — спросила Мира.

— Возможно. Севард — первое. Но имя может быть выдуманым.

— Второе?

— Не знаю.

Кирилл отозвался:

«Доронин».

«Что?»

«Фамилия. Севард Доронин».

«Ты его знаешь?»

Пауза.

«Лицо не помню. Имя — да».

— Кирилл вспомнил фамилию. Доронин.

Тесса записала.

— Земное имя?

— Русское.

— Кем он был?

«Охрана», — сказал Кирилл. «Или военный. Он работал с Алиной».

Алексей передал.

— Значит, ещё один человек с Земли, — сказала Синтара.

— Или копия.

— В последнее время это уточнение требуется ко всем.

Они продолжили путь.

После двух часов дождь закончился. Небо осталось низким, серым. Дорога вошла между холмами, где ветер пах мокрой травой и камнем.

Последний пост Вайрдена находился на вершине пологого подъёма.

Небольшая крепость.

Каменная башня.

Конюшня.

Два жилых корпуса.

Частокол.

На воротах должен был стоять флаг Совета.

Флаг отсутствовал.

— Не нравится, — сказал Хирс.

— Мне тоже, — ответил Жгтун.

Синтара подняла кулак.

Отряд остановился.

— Лесс, Роан — обход справа. Жгтун — слева. Хирс со мной. Остальные остаются здесь.

— Я иду, — сказал Алексей.

— Нет.

— Севард связан с зеркальной сетью. Если внутри ловушка, я замечу раньше.

— Или активизируешь.

— Это тоже аргумент.

Мира подъехала ближе.

— Я с ним.

Синтара устало посмотрела на обоих.

— Начиная сожалеть, что Совет не выдал мне отдельные приказы на ваше связывание.

— Верёвка есть у Жгтуна, — заметил Алексей.

— Не помогай.

Ворота поста были приоткрыты.

На грязи виднелись следы.

Много.

Но все вели внутрь.

Ни одного наружу.

— Люди пришли и не вышли, — сказала Тесса.

— Или следы переписали, — ответил Кайле.

Лес за спиной зашептал.

Белые копии всадников стояли между деревьями. Уже почти совершенные.

Алексей увидел себя.

Тело Рена.

Бледное лицо.

Тёмные волосы.

Фигура держала повод белой лошади и смотрела прямо на него.

Потом улыбнулась.

Алексей не улыбался.

— Кресс.

— Вижу.

Молодой смотритель поднял резонатор.

Все белые фигуры одновременно повернули головы к нему.

— Это новое, — сказал Кресс.

— Отступают? — спросил Алексей.

— Нет.

— Тогда плохое новое.

Из крепости донёсся колокольный звон.

Один удар.

Пауза.

Два.

Пауза.

Один.

— Сигнал бедствия? — спросила Мира.

Хирс покачал головой.

— Наоборот. Всё спокойно.

— Очень убедительно, — сказал Алексей. — Особенно пустые стены и лес, который уже изготовил запасную версию нашей группы.

Синтара спешила.

— Входим.

Во дворе лежали люди.

Десятки.

Стражники поста, конюхи, служители. Ни крови, ни ран. Они просто лежали там, где их застало происходящее.

Один возле колодца.

Двое у конюшни.

Командир поста на ступенях башни.

Синтара проверила ближайшего.

— Жив.

Мира опустилась рядом.

— Спит.

Алексей почувствовал холод.

Не обычный сон.

Тот же ритм, что исходил от карты.

— Не будите их, — сказал он.

— Почему?

— Они внутри поезда.

В сознании открылась картина.

Вагон.

Все люди поста сидели на местах пассажиров. Глаза закрыты. Головы качались в такт движению.

Над дверью горела надпись:

«ПОСАДКА ЗАВЕРШЕНА».

— Астэр собирает людей по дороге, — сказал Алексей.

— Для чего? — спросила Тесса.

— Пассажиры поддерживают маршрут. Чем больше спящих, тем реальнее становится поезд.

Жгтун вернулся со стороны стены.

— Нашёл одного бодрствующего.

Он вёл подростка лет шестнадцати в форме помощника конюха. Парень дрожал, в руке держал вилы.

— Я не спал, — сказал он. — Я спрятался в сене.

— Что произошло? — спросила Синтара.

— Приехал человек. Один. Показал приказ. Сказал, что проверяет защиту от сна. Командир собрал всех во дворе.

— Севард?

Парень посмотрел на рисунок, который быстро сделала Тесса.

— Он.

— Что сделал?

— Выстрелил в колокол.

Алексей поднял голову.

На бронзовой поверхности была маленькая вмятина.

— Потом?

— Колокол зазвонил сам. Все упали. Он спросил, когда
прибудет Вестник. Я спрятался раньше.

— Куда уехал?

— Не уехал.

Синтара замерла.

— Где он?

Парень указал на башню.

В верхнем окне мелькнула тень.

Хирс вскинул арбалет.

Стекло разлетелось.

Выстрел прогремел почти одновременно.

Не арбалетный.

Пистолетный.

Хирса развернуло.

Он упал.

На нагруднике появилась глубокая вмятина.

— В укрытие! — крикнула Синтара.

Второй выстрел ударил в камень рядом с головой Тессы.

Жгтун сбил её на землю и перекатился за колодец.

Мира потащила Алексея к стене конюшни.

Третий выстрел.

Щепки брызнули из двери.

— Он целится в меня, — сказал Алексей.

— Очень своевременное наблюдение.

— Нужно было убедиться.

Кресс развернул резонатор. Серебристый щит поднялся над двором.

Четвёртая пуля ударила в него.

Щит пошёл трещинами.

Кресс отшатнулся.

— Ещё два попадания, не больше!

Синтара дала знаки бойцам.

Лесс и Роан пошли к башне с двух сторон.

— Не входить через дверь, — сказал Алексей. — Она будет под прицелом.

— Другого входа нет, — ответила Синтара.

— Есть окно.

— Высоко.

Жгтун уже достал верёвку с крюком.

— Наконец пригодилась.

— Ты носил её именно для этого? — спросила Тесса.

— Нет. Но звучит лучше, если сказать да.

Он метнул крюк на крышу соседнего корпуса. Закрепил, пробежал по стене и оказался на навесе. Оттуда до нижнего окна башни оставалось несколько метров.

Пятый выстрел пробил щит.

Кресс упал на колено. Из носа пошла кровь.

— Ещё один!

Мира подняла красную стену поверх серебряной.

— Долго не удержу.

Алексей посмотрел на спящих.

Их сны были связаны с башней.

Тонкие чёрные линии тянулись от каждого тела к колоколу, от колокола — наверх, к Севарду.

Он использовал людей как сеть раннего обнаружения.

Чувствовал через них движение во дворе.

Поэтому стрелял, не выглядывая.

— Нужно разорвать связь с колоколом.

— Как? — спросила Мира.

— Разбудить всех одновременно.

— Ты сказал не будить.

— По одному нельзя. Поезд утащит тех, кто останется.

Всех сразу — можно сорвать маршрут.

— Сможешь?

— Нет.

— Обнадёживает.

— Но Чужой голос сможет.

Кирилл напрягся.

«Слишком много людей».

«Не будем брать отпечатки. Только крикнем».

«Через общий канал».

«Да».

Нейтралис предупредил:

«Если откроешь канал, третий сон получит прямой путь к тебе».

«На несколько секунд».

«Этого достаточно».

«У нас стрелок, двадцать спящих и щит на один выстрел.

Есть более безопасная идея?»

Нейтралис промолчал.

— Держи меня, — сказал Алексей Мире.

— Всегда это говоришь перед худшим решением.

— Традиция.

Она схватила его за обе руки.

Знак.

Круг.

Крест.

Три точки.

Ритм.

Два.

Пауза.

Два.

Один.

Алексей открыл ядро.

Двор исчез.

Он стоял в вагоне.

Люди поста сидели вдоль стен. За окнами мчалась тьма.

В конце состава находилась дверь в кабину.

Над ней горела пятая точка.

Нет.

Четвёртая.

Отсчёт снова изменился.

— Всем проснуться! — крикнул Алексей.

Пассажиры не двигались.

Поезд ускорился.

Из динамиков раздался голос Севарда:

— Просьба не мешать движению состава.

— Прошу зарегистрировать жалобу на качество обслуживания.

— Жалоба принята.

Двери между вагонами закрылись.

От потолка потянулись чёрные руки.

Кирилл появился рядом.

— Ты не разбудишь их голосом.

— Тогда как?

— Верни ощущение тела.

— Какое?

— Боль.

— Не хочу калечить.

— Не нужно. Падение.

Алексей понял.

Каждый спящий лежал во дворе. Их тела касались холодной земли.

Но поезд отрезал это ощущение.

Он направил Чужой голос не в память, а обратно.

К коже.

Холод грязи.

Камни под спиной.

Дождевые капли на лице.

Запах навоза из конюшни.

Край ступени под плечом.

Двадцать семь тел вспомнили себя одновременно.

Вагон содрогнулся.

Пассажиры открыли глаза.

— Сейчас! — крикнул Алексей.

Мир разорвался.

Он вернулся во двор.

Все спящие вдохнули одновременно.

Колокол треснул.

Чёрные линии лопнули.

Севард выстрелил.

Пуля прошла сквозь угасающий щит Кресса и красную стену Миры.

Замедлилась.

Но не остановилась.

Алексей увидел её.

Маленький кусок металла вращался в воздухе, окружённый красными искрами.

Он успел повернуться.

Удар пришёл в плечо.

Боль отбросила к стене.

Мира закричала.

— Я жив, — выдохнул Алексей.

— Ты ранен!

— Это не взаимоисключающие состояния.

Кровь быстро пропитывала плащ.

Пуля прошла навывлет или осталась внутри — он не понимал.

Мира прижала ладонь к ране. Красное тепло вошло в ткань.

— Не двигайся.

— С удовольствием.

Связь Севарда со спящими исчезла.

Жгтун прыгнул с навеса в окно башни.

Сверху донёсся грохот.

Ещё один выстрел.

Потом ругань.

Очень выразительная.

Синтара и Хирс, который уже поднялся благодаря выдержавшей пулю броне, ворвались через дверь.

Алексей слышал удары.

Короткие.

Быстрые.

Затем тишина.

— Взяли? — крикнула Тесса.

Из окна вылетел человек.

Севард падал с третьего этажа.

Плащ раскрылся.

Под ним блеснули металлические пластины.

Он приземлился на ноги.

Слишком легко.

Не человек.

Или изменённый человек.

В руке был чёрный пистолет.

Он направил его на Миру.

Алексей толкнул её.

Выстрел ушёл в стену.

Севард перевёл оружие.

Кайле метнул нож.

Лезвие вошло в запястье стрелка. Пистолет упал.

Синтара появилась в дверях башни и ударила резонансной волной.

Севарда протащило по грязи.

Он остановился у колодца.

Жгтун спрыгнул следом, держа в руке оторванный кусок серого плаща.

— Он внутри железный!

Севард поднялся.

Из разреза на груди не текла кровь.

Под кожей двигались тонкие металлические нити.

Не местный артефакт.

Что-то среднее между земной техникой и резонансом.

— Прототип, — сказал он по-русски.

Алексей замер.

Голос был знаком.

Не лично.

Из памяти Кирилла.

Кирилл произнёс имя:

«Сергей Доронин».

— Сергей, — позвал Алексей.

Стрелок повернул голову.

— Значит, голос помнит.

— Ты работал с Кириллом?

— С Алиной.

— Где она?

На лице Севарда появилось что-то похожее на боль.

— По ту сторону.

— Жива?

— Пока дверь закрыта.

Синтара медленно заходила справа. Хирс — слева.

Севард видел.

— Не приближайтесь.

— Оружия у тебя нет, — сказал Жгтун.

Севард улыбнулся.

Металлические нити вышли из его пальцев и сложились в короткий ствол.

— Теперь есть.

— Хочу такую руку, — признался Жгтун.

— Нет, — одновременно сказали Синтара и Тесса.

— Я просто сказал.

Алексей прижимал ладонь к плечу. Мира продолжала удерживать рану красным светом.

— Если хотел убить, мог выстрелить мне в голову.

— Мог.

— Значит, задача другая.

— Проверить, способен ли ты разбудить связанных людей.

— Проверил.

— Да.

— Зачем?

— Настоящий Кирилл не сможет открыть тебе путь, если ты придёшь без Чужого голоса.

— Ты работаешь на него?

— Я работаю, чтобы дверь оставалась закрытой.

— Тогда зачем вести нас к зеркалу?

— Потому что Астэр уже открывает её с другой стороны.

— А ты решил ускорить?

— Я решил проверить ключ, прежде чем доверить ему мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.